

ISSN 0236-2007

ЧЕЛОВЕК

5·2024

ЧЕЛОВЕК

2024. Том 35, номер 5

Научный журнал

Учредители: Российская академия наук, Институт философии Российской академии наук
Издатель: Российская академия наук

Журнал основан И.Т. Фроловым в 1990 году

Главный редактор Н.Б. Афанасов

Жизненные среды человека. Специальный номер

Приглашенный редактор номера С.К. Нартова-Бочавер

Редакционная коллегия

С.С. Аванесов (Великий Новгород), Т.В. Артемьева (Санкт-Петербург), И.Е. Гарбер (США),
А.Ю. Дудчик (Минск), К.Р. Вестфаль (Италия), А.И. Любжин (Москва),
В.С. Мартыанов (Екатеринбург), Е. Намли (Швеция), С.А. Никольский. (Москва),
З.В. Островская (отв. секретарь, Москва), А.В. Павлов (Москва),
Н.Е. Покровский (Москва), Н.Н. Ростова (Москва), М.М. Шахнович (Санкт-Петербург),
Е.В. Сердюкова (Ростов-на-Дону)

Редакционный совет

Ф.Е. Ажимов (Москва), А.А. Гусейнов (Москва), В.С. Диев (Новосибирск),
А.П. Козырев (Москва), С.А. Коначева (Москва), О.В. Попова (Москва),
А.В. Прокофьев (Москва), Р.В. Светлов (Калининград), О.А. Матвейчев (Москва),
А.В. Смирнов (Москва)

Периодичность: 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

CHELOVEK

The Human Being 2024. Volume 35, Number 5

Scholarly journal

Founders: Russian Academy of Sciences; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Publisher: Russian Academy of Sciences

Journal founded by Ivan T. Frolov in 1990

Editor-in-chief — Nikolai Afanasov

Editorial Board

Avanesov S. (Yaroslav-the-Wise State University, Velikiy Novgorod), *Artemyeva T.* (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg), *Garber I.* (Saratov State University; Harvard University, USA), *Dudchik A.* (Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk), *Westphal K.* (Academia Europaea, Trieste), *Lyubzhin A.* (National Research University "Moscow Institute of Physics and Technology", Moscow), *Martianov V.* (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg), *Namli E.* (Uppsala University, Sweden), *Nickolsky S.A.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Ostrovskaya Z.* (Executive Secretary, *journal Chelovek/The Human Being*, Moscow), *Pavlov A.* (Higher School of Economics; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Pokrovsky N.* (Higher School of Economics; Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Rostova N.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Shakhnovich M.* (St. Petersburg State University, Saint Petersburg), *Serdyukova E.* (Southern Federal University, Rostov-on-Don)

Editorial Council

Azhimov F. (Higher School of Economics, Moscow), *Guseynov A.A.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Diev V.S.* (Novosibirsk State University, Novosibirsk), *Kozyrev A.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Konacheva S.* (Russian State University for the Humanities, Moscow), *Matveychev O.* (Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow), *Popova O.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Prokofyev A.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Svetlov R.* (Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad), *Smirnov A.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Frequency: Bi-monthly

Federal Communications, Information, and Media Oversight Service Registration N ΦС 77-76826, 01.10.2019

© Russian Academy of Sciences, 2024

© Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 2024

© Chelovek / The Human Being Editorial Board (compilation), 2024

СОДЕРЖАНИЕ

С.К. Нартова-Бочавер

Жизненные среды человека

Предисловие приглашенного редактора 7

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.И. Панов

Экопсихологическая концептуализация

психологических ресурсов в системе

«человек — среда (внутренняя, внешняя)» 13

Т.И. Соловьева, М.Ю. Токарев, М.Р. Хачатурова

Ностальгическое переживание места силы (на примере

Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова) 29

Е.М. Цыганова, А.А. Бочавер, В.Г. Ерофеева

Серьезный досуг как среда для проявлений

агентности в опыте становящихся взрослых 50

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

О.В. Силина, Е.А. Морозова, И.В. Васильева, И.А. Максимов

Феномен психологических границ у детей

старшего дошкольного возраста 75

С.Н. Вачкова, В.Б. Салахова, А.Г. Истомина, И.А. Климов

Вовлеченность в среду активного долголетия

и опыт планирования жизни на пенсии лицами

пенсионного возраста 94

Е.А. Никитина

Дом для пожилого человека: безопасность и не только 113

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

А.И. Тимофеев

Энвайронментальный метод студии RAAAF:

ландшафты аффордансов и экспериментальные

поверхности существования 127

В.Н. Галяпина, Н.А. Киселева, И.А. Аполлонов

Роль культурной идентичности в восприятии

элементов храмовой архитектуры 145

З.И. Рябикина, Н.А. Васильченко

**Другой человек как фактор организации
предметно-пространственной среды жилища личности 164**

ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

И.В. Васильева, М.В. Чумаков

**Представления об идеальном доме в различные периоды
взрослости: психосемантический подход 182**

П.О. Подтягина

**Рабочая и природная среды как факторы
предотвращения профессионального выгорания
(на примере ИТ-специалистов) 197**

CONTENTS

S.K. Nartova-Bochaver

Human Living Environments

Guest Editor's Introduction 7

SCIENTIFIC RESEARCH

V.I. Panov

**Ecopsychological Conceptualization of Psychological
Resources in the "Person — Environment
(Internal, External)" System** 13

T.I. Solov'yeva, M.Yu. Tokarev, M.R. Khachaturova

**Nostalgic Experience of a Place of Power
(Based on the White Sea Biological Station Named
After N.A. Pertsov)** 29

E.M. Tsyganova, A.A. Bochaver, V.G. Yerofeeva

**Serious Leisure As a Medium for Expressions of Agency
in the Experience of Emerging Adults** 50

SOCIAL PRACTICES

V.O. Silina, A.E. Morozova, V.I. Vasilyeva, I.A. Maximov

**The Phenomenon of Psychological Boundaries
in Older Preschool Children** 75

S.N. Vachkova, A.G. Istomina, I.A. Klimov, V.B. Salakhova

**The Environment of Active Ageing: The Experience
of Strategizing and Accomplishing Life After Retirement** 94

E.A. Nikitina

A House for an Elderly Person: About Safety and More 113

SYMBOLS. VALUES. IDEALS

A.I. Timofeenko

**The Environmental Method of RAAAF: Landscapes
of Affordances and Experimental Surfaces of Existence** 127

V.N. Galyapina, N.A. Kiseleva, I.A. Apollonov

**The Role of Cultural Identity in the Perception
of Temple Architecture Elements** 145

Z.I. Ryabikina, N.A. Vasilchenko

**Another Person As a Factor in the Organization
of the Subject-Spatial Environment of the Individual's Home 164**

TIMES. MORALS. CHARACTERS

I.V. Vasileva, M.V. Chumakov

**Ideas About the Ideal Home at Different Stages of Adulthood:
A Psychosemantic Approach 182**

P.O. Podtiagina

**Working and Natural Environments As Factors to Prevent
Professional Burnout (Using the Example of IT-Specialists) 197**

©2024 С.К. НАРТОВА-БОЧАВЕР

ЖИЗНЕННЫЕ СРЕДЫ ЧЕЛОВЕКА

Предисловие приглашенного редактора

Нартова-Бочавер Софья Кимовна — доктор психологических наук, профессор департамента психологии.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
ORCID:0000-0002-8061-4154
snartovabochaver@hse.ru

Когда мир был вечно живым, когда все в нем — от светил до травинки — зримо, образно соединялось прочными узами кровного родства, как бы воплощенного в ярких и пластичных, вечных и незблемых чертах всех окружающих людей предметов, когда каждый человек ощущал себя в любом возрасте, в любой роли родового ритуала столь же значимой частью гармонии всего сущего, тогда и к каждому своему состоянию, к каждой телесной своей особенности он относился как к знаку, прямо указывающему другим и ему самому, на что он годен и какова его роль в этом вечном ритуале общения его сородичей.

Ф. Михайлов.

Человек как предмет и субъект медицины

Философы, социологи и особенно психологи старательно создают концептуализации личности, открывают новые законы функционирования и развития человека. Большинство исследований, однако, в силу неизбежного научного абстрагирования, остаются отмеченными так называемой «фундаментальной атрибутивной ошибкой» — иллюзией самодостаточности личности, в силу чего процессы взаимодействия человека и мира, в который он оказался вброшен, — восприятия, оценки, присвоения и персонализации разного рода средовых влияний — остаются недооцененными и недоизученными. Между тем человек неотделим от тех сред, в которых он существует и развивается. Они не только влияют на человека, но также обеспечивают его ресурсами, наделяют жизнь смыслами и дают возможность самовыражения.

Спецвыпуск содержит коллекцию взаимодополняющих работ, посвященных разным аспектам взаимодействия человека и его жизненных сред, — дома, офиса, досуговой и духовной сфер. В статьях отчетливо выражены акценты не только на функционале и предназначении этих сред; присутствует также учет возраста и обозначение тех условий, которые не представлены в реальности — идеального жилища или «места силы» из далекого прошлого. В полном соответствии с мыслью Курта Левина, что жизненное пространство включает все обладающее видимым воздействием, идеальные и уже исчезнувшие среды отчетливо влияют на актуальное функционирование человеческой личности.

Авторы представляют разные научные школы нашей страны, среди них молодые и более зрелые ученые, а сами исследования различаются по степени новизны, от конфирматорных до поистине прорывных. Общим в этих статьях является их своевременность, в силу чего можно предполагать, что заданные ими направления исследований будут в ближайшие десятилетия интенсивно развиваться. О чем идет речь в статьях нашего спецвыпуска?

Не только частные моменты взаимодействия человека с его средами стали предметом размышлений; эмпирические факты, переосмысливаясь, обобщаются и превращаются в эвристичные конструктивные модели, служащие инструментом не только познания, но и воздействия. Экопсихологическая концептуализация психологических ресурсов в системе «человек — среда» типологизирует взаимодействия человека со средами с опорой на два измерения: возможность — действительность и внутренняя — внешняя среды. Эта типология, связывая человека и мир, позволяет оценивать разные среды с точки зрения их стимулирующего потенциала применительно к конкретному индивидууму.

Общая концептуализация взаимодействия человека и сред непротиворечиво дополняется анализом кейса — работы нидерландской

художественной студии RAAF (Rietveld Architecture-Art-Affordances), названной по имени ее создателей. Синтезируя идею коэволюции организма и среды и когнитивную теорию энактивизма как познания посредством не только ментальных, но всех бытийных практик, создатели студии братья Ритвелд предлагают средовые возможности (аффордансы), которые бы делали телесные опыты более свежими и креативными, разрывая привычные стереотипные способы средового поведения. Алгоритм разработки аффордансов универсален и может быть использован в редиайне сред разного предназначения, изменяя функционал познания и развития находящихся в них людей.

Среди отдельных сред, привлекающих внимание ученых, присутствуют естественно сложившиеся, отвечающие основным сферам жизни. Неудивительно, что интенсивно исследуется домашняя среда. Как видится обитателями их идеальный дом? Для большинства людей это место, ассоциирующееся с уютом, любовью, счастьем и вообще жизнью. Это архетипическое содержание идеального дома. Однако интересно, что, если для людей младшего возраста наиболее важны категории уюта, семьи и теплоты, то для более зрелых — это категории счастья и здоровья. Таким образом, физические качества заменяются экзистенциальными, заданными скорее внутренним состоянием старших обитателей дома.

В то же время дом — это не просто стены, уют или жизнь; это еще и другие люди, которые перманентно разделяют бытие в этом месте и становятся факторами его организации. Оказывается, молодые супруги различаются своим средовым поведением. Контринтуитивно, но женщины сильнее, чем мужчины, нуждаются в приватности дома и более эффективно организуют удовлетворение этой потребности, которая принимается и уважается их мужьями. Молодые мужья, напротив, склонны к симбиозу со своими женами, разделяя пользование и общим пространством, и общими личными вещами.

Однако довольно о доме. Хорошо, если он способствует счастливой семейной жизни и взаимопониманию. Но обычно взрослые люди возвращаются туда с работы, на которой проводят существенное количество своего времени, переживая напряжения и стрессы. На примере массовой сегодня IT-профессии показано, что есть способы предотвратить профессиональное выгорание. Так, IT-специалисты редко бывают на природе, между тем контакт с ней снижает такие проявления профессионального выгорания, как истощение, эмоциональные и когнитивные дезадаптации. Если нет возможности привить им любовь к природе, то стоит обратить внимание на характеристики их рабочего места, также ослабляющие выгорание. Среди них наиболее важны открытость

С.К. Нартова-Бочавер
Жизненные
среды человека

пространства, чистота, возможность проветривать и комфортное освещение, удобная мебель, девайсы, наличие зоны для физической активности, отдыха и уединения, «зеленые» зоны и яркий дизайн. Можно, впрочем, предположить, что в других профессиях этот перечень может варьировать.

Еще один тип жизненной среды, незаслуженно игнорируемый отечественной традицией экологической психологии, — это досуговая среда. В современном прагматичном мире люди много сил тратят на то, чтобы работать или учиться для того, чтобы работать еще больше. Однако именно досуговая среда, факультативная и не регламентированная, может быть источником новых психологических навыков, в частности, точных личностных выборов, укрепляющих субъектность человека. Досуговая среда — это безопасное пространство тренировки способности личности к развитию.

Другой факультативной средой является архитектурно закрепленная культура. Психосемантическое исследование показывает, что храмовый изразец воспринимается по-разному в зависимости от культурной идентичности созерцателя, которая включает этническую, региональную и религиозную составляющие. Сложившаяся культурная идентичность стимулирует позитивные образы традиционной русской архитектуры («праздничный», «дружелюбный») и ослабляет негативные характеристики («некомфортный», «пассивный», «минорный»). С другой стороны, очевидно, что неприятие иной культуры и даже ксенофобия поддерживаются бессознательными механизмами оценки произведений чужого искусства как негативных. Этот результат объясняет, почему работа над преодолением этнических предрассудков трудна и не всегда эффективна, одновременно предоставляя подсказки, в каком направлении можно работать в этой сфере.

Еще одно направление актуальных исследований задано возрастными особенностями восприятия сред и взаимодействия с ними. В связи с увеличением продолжительности жизни все более важным становится обустройство среды для людей пожилого и позднего возраста. В России традиция старения предполагает проживание пожилого человека преимущественно в своем доме, который обычно обустраивается с перспективой компенсации слабеющих возможностей обитателя и безопасности. Однако нередко «сверхзабота» приводит к усилению чувства беспомощности пожилого человека и отказу от автономии даже в посильных активностях. Исследования домашней среды пожилых людей акцентируют важность сохранения аффордансов для инициативных автономных действий.

Можно изучить среду пожилых людей и с другого ракурса, а именно в контексте предпенсионного планирования людьми их будущей жизни. Уличные опросы москвичей показали, что в целом они не склонны планировать собственную старость. Если же это происходит, то доминантой оказывается обустройство локального жизненного пространства, физического и социального — где жить и с кем общаться. Примечательно, что, хотя москвичи активно вовлечены в развивающие занятия, поддерживающие их физическое и ментальное здоровье, социально значимая деятельность, подобная волонтерству, не вызывает их интереса. Есть и половые различия в планировании: если у женщин приоритетны активности, направленные на саморазвитие и заботу о здоровье, то у мужчин это преобразование внешнего мира, ремонт и строительство.

Все описанные исследования относятся к реальным эмпирическим средам. Однако существуют места особого рода, стимулирующая роль которых продолжается даже после того, как они остались в прошлом. Это «места силы», сохраняющие свою определяющую роль в личном нарративе и актуальных достижениях на продолжении всего жизненного пути человека. Что же характеризует такое место? Контент-анализ воспоминаний людей, более сорока лет назад посетивших Беломорскую биологическую станцию имени Н.А. Перцова, показал три составляющие: уникальные средовые условия, значимые события, которые происходили в «месте силы», и близкие люди, которые там появились или были рядом. Сочетание этих условий привело к продолжительному последствию пребывания в подобном месте, сохранению ресурсной роли этого опыта. Однако ностальгическое переживание о «месте силы» может быть амбивалентным, не только способствуя движению вперед, но, в случае заикленности на прошлом, в которое невозможно вернуться, ограничивать позитивное функционирование личности.

Завершая обсуждение темы взаимодействия человека и среды, задумаемся о том, где и как можно провести между ними психологические границы и как они складываются в детстве, позже становясь инструментом регуляции отношений между взрослым человеком и другими людьми. Психологические границы — это широко используемая метафора, означающая совокупность правил поведения для разделения своего, не-своего и чужого; они нужны, чтобы защищать свою эмпирическую личность и уважать другую. Исследования показывают, что к дошкольному возрасту границы уже представляют собой сложный конструкт, включающий оценку дружелюбности физической и социальной среды и обладающий разными состояниями в зависимости от наличествующей ситуации: в покое, во взаимодействии, и в ситуации угрозы.

С.К. Нартова-Бочавер
Жизненные
среды человека

Зрелость психологических границ обеспечивает в детстве и позже безопасное, справедливое и конструктивное взаимодействие с миром.

Мы представили некоторые новые инсайты и эмпирические данные о взаимодействии человека с теми жизненными средами, в которых он существует. Нам кажется, что они позволят, не преувеличивая роли сред в человеческом существовании, все же и не обесценивать их влияние, предотвращая неблагоприятные последствия и усиливая позитивные эффекты. Надеемся, что представленные в спецвыпуске работы будут использованы не только исследователями, изучающими человека, но также гуманистически мыслящими проектировщиками разного рода сред для детей и взрослых, учеников и профессионалов.

ЭКОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В СИСТЕМЕ «ЧЕЛОВЕК — СРЕДА (ВНУТРЕННЯЯ, ВНЕШНЯЯ)»

Панов Виктор Иванович — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий лабораторией экопсихологии развития и психодидактики.
Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований.
Российская Федерация, 117208 Москва, ул. Моховая, 9, стр. 4.
ORCID: 0000-0002-3189-5455
ecovip@mail.ru

Аннотация. Представление о психологическом ресурсе используется главным образом применительно к поведению индивида в трудных или проблемных для него ситуациях, когда не хватает актуальных способностей и субъектных средств для совладающего поведения (копинг-стратегии) или решения возникающих при этом проблем. Из разнообразия определений психологических ресурсов следует, что по-прежнему актуальной остается проблема концептуализации психологических ресурсов на основе единых методологических предпосылок, инвариантных к разным видам трудных, критических ситуаций. В качестве таковых для концептуализации психологических ресурсов во взаимодействиях индивида

Исследование выполнено в рамках госзадания ФНЦ ПМИ «Ресурсно-прогностическая детерминация личностного и профессионального развития учащихся и педагогов как субъектов непрерывного образования: психологические основы, технологии, факторы эффективности» (FNRE-2024-0017).

Ссылка для цитирования: Панов В.И. Экопсихологическая концептуализация психологических ресурсов в системе «человек — среда (внутренняя, внешняя)» // Человек. 2024. Т. 35, № 5. С. 13–28. DOI: 10.31857/S0236200724050012

В российской психологии представление о психологическом ресурсе используется в более разнообразных аспектах [Иваницкий, 2015; Ларионова, 2017; Леонтьев, 2016; Старченкова, 2009 и др.], чаще всего в таких видах психической активности, как:

1) самореализация личностных возможностей в достижении успехов в профессиональных, спортивных и иных видах деятельности [Водопьянова, 2015; Орел, 2011; Толочек В.А., Журавлева, 2015; Уляева, 2019; Culbertson et al., 2010 и др.];

2) реализация способности к самодетерминации и саморегуляции [Моросанова, 2021; Сергиенко, 2009 и др.].

3) актуализация личностного потенциала для преодоления трудных жизненных ситуаций, причем, с одной стороны, для обеспечения психологического благополучия [Иванова, 2016; Datu et al., 2018 и др.], а, с другой стороны — для преодоления стрессовых ситуаций, требующих совладающего поведения (копинг-стратегий) и жизнестойкости [Водопьянова, 2015; Иванова с соавт., 2018; Леонтьев, 2016; Maddi et al., 1994 и др.].

Как это часто бывает в психологии, исследования, посвященные ресурсному подходу, пестрят разными терминами: «психологический капитал» [Иванова с соавт., 2018], «личностный ресурс» [Иванова, 2016], «ресурсы личности» [Василенко, Исмаилова, 2020], «внутренний потенциал» [Дементий, Маленов, 2021], «ментальный ресурс» [Ментальные ресурсы личности, 2016] и т.п. Подобное терминологическое разнообразие обусловлено также тем, что ресурсный подход применяется при изучении разных видов психической активности (когнитивной, мотивационной, поведенческой, коммуникативной и др.) и в разных видах деятельности [Водопьянова, 2015; Ментальные ресурсы личности, 2016; Орел, 2011; Уляева, 2019 и др.].

Между тем многие исследователи обращают внимание на то, что реализация психологического потенциала характеризуется динамичностью [Толочек, Журавлева, 2015; Cavus et al., 2014; Luthans et al., 2017 и др.] и зависит как от личностных особенностей индивида, так и от внешних условий [Муздаев, 1998; Толочек, 2015 и др.]. Н.Е. Водопьянова подчеркивает, что: «Развитие ресурсов имеет сложную детерминацию: оно зависит от внешних (внесубъектных) и внутренних (интра- и интерсубъектных) факторов; психологические ресурсы динамичны (имеются периоды их развития, стагнации, инволюции, сложные закономерности потерь и приобретений)» [Водопьянова, 2015: 50]. Л.И. Дементий, А.А. Маленов рассматривают психологический ресурс в виде внутреннего потенциала, который благодаря субъектным усилиям индивида и взаимодействиям с окружающей средой переходит из потенциального состояния (состояния «возможности») в состояние реально развитых способностей (состояние «реальной действительности»). Самореализация личности, по мнению этих авторов «... требует актуализации соответствующих ресурсов как внешних, так и внутренних, их перехода от потенциальных

В.И. Панов

Экопсихологическая концептуализация психологических ресурсов в системе «человек — среда (внутренняя, внешняя)»

к реальным» [Дементий, Маленов, 2021: 138]. В.А. Толочек, анализируя проблему социальной и профессиональной успешности, показывает, что под ресурсами следует понимать «избирательно актуализируемые условия внутренней и внешней среды субъекта» [Толочек, 2015: 120]. В другой работе этот автор выделяет четыре вида ресурсов: «1) индивидуальные ресурсы человека; 2) ресурсы физической среды; 3) ресурсы социальной среды; 4) ресурсы взаимодействия людей» [Толочек, Журавлева, 2015: 92]. Разрабатывая темпоральный аспект проактивного совладающего поведения, Е.С. Старченкова показывает, что реализация психологических ресурсов в копинг-стратегиях может происходить в реактивной, активной и проактивной формах поведения [Старченкова, 2009].

Исходя из вышеизложенного разнообразия определений психологических ресурсов следует, что по-прежнему актуальной остается проблема концептуализации психологических ресурсов на основе единых методологических предпосылок, инвариантных к разным видам трудных, критических ситуаций. С этой целью нами были использованы следующие позиции экопсихологического подхода к развитию психики [Панов, 2014; Панов, 2022]:

- представление о творческой природе психики как форме бытия, обретающей актуальное существование в виде психических новообразований во взаимодействиях индивида (человека или другого живого существа) с окружающей средой;
- системное отношение «индивид/группа/общность (как потенциальный или реальный субъект психической активности) — среда (как совокупность внешне-средовых и внутриличностных условий, способствующих или препятствующих порождению психических новообразований)», далее в сокращенном виде будем говорить: отношение «индивид — среда (внутренняя¹, внешняя)»;
- экопсихологическая типология субъект-средовых взаимодействий, которая включает шесть основных типов взаимодействий в системе «индивид — среда (внешняя, внутренняя)»: объект-объектный, субъект-объектный, объект-субъектный, субъект-обособленный, субъект-порождающий и субъект-совместный. При этом «индивид» и «среда» могут выступать друг для друга в роли активно воздействующего агента (субъекта или квазисубъекта)

¹ В представлении о внутренней среде человека мы исходим из определения, которое принадлежит еще Г.И. Челпанову: «Душа нами мыслится как какое-то единство, в котором представления находятся, которое содержит в себе представления, которое комбинирует и связывает. Оно мыслится нами как среда, в которой находятся душевные явления» [Челпанов, 2012: 33].

или же в роли объекта, принимающего такое воздействие и подчиняющегося ему.

Рассмотрим некоторые варианты реализации психологического ресурса, используя данную типологию в качестве теоретического конструкта.

Согласно вышеприведенным данным, преодоление трудных жизненных ситуаций и самореализация личности происходят как переход потенциально существующих личностных и средовых ресурсов в актуальные, реальные. Такой переход «потенциального» в «реальное» осуществляется в диалоговых (коммуникативных) взаимодействиях человека со своей внутренней средой, то есть с самим собой, и с внешней средой, когда внутренние и/или внешние средовые условия преобразуются человеком в субъективные средства (субъектные качества), недостающие ему для успешного преодоления данной трудной ситуации.

Представление о психологических ресурсах непосредственно связано с представлением о трудных жизненных ситуациях. С экпсихологической точки зрения любая ситуация представляет собой частный случай отношения «человек — среда», содержание которого определяется содержанием его компонентов в данный промежуток времени. Поэтому в контексте отношения «человек — среда» трудные ситуации предстают в трех видах:

- как актуальное взаимодействие человека с трудной ситуацией, когда человеку достаточно имеющихся у него субъектных возможностей (личностного потенциала) для выработки приемлемой для него стратегии поведения; будем называть такую ситуацию *рабочей*;
- как развивающееся соотношение между «человеком» и «средой», когда человеку не хватает имеющихся у него субъектных возможностей (личностного потенциала) для выработки приемлемой для него стратегии поведения, вследствие чего такая ситуация приобретает для него проблемный характер; будем называть такую ситуацию *проблемной*;
- как потенциально возможное соотношение между «человеком» и «средой», которое состоится в будущем и возможно потребует от человека актуализации имеющихся у него субъектных возможностей и развития новых, недостающих ему способностей; будем называть такую ситуацию *потенциально проблемной*. Нетрудно заметить, что каждая из этих ситуаций требует соответствующего способа поведения. Если обратиться к терминологии Е.С. Старченковой, это реактивный, активный или проактивный способы совладающего поведения [Старченкова, 2009].

Теперь перейдем к анализу психологических ресурсов человека в указанных видах трудных ситуаций, используя в качестве

В.И. Панов

Экопсихологическая концептуализация психологических ресурсов в системе «человек — среда (внутренняя, внешняя)»

теоретического конструкта экопсихологическую типологию субъект-средовых взаимодействий.

Рабочая ситуация — это ситуация, с которой человек может справиться самостоятельно, так как у него/нее уже имеются необходимые способности и субъектные средства, сложившиеся в прошлом опыте. Реализация психологического ресурса происходит в форме актуализации уже имеющегося личного опыта. Вследствие чего человеку не нужно обращаться ни к внутриличностным (внутренним), ни средовым (внешним) условиям, чтобы изыскать необходимые способы поведения. В этом смысле субъектность человека проявляется в форме репродуктивной активности и при оценке трудности данной ситуации, и при оценке своих возможностей (внутреннего ресурса). Такая репродуктивная активность, в отличие от продуктивной, оценивается нами с экопсихологической точки зрения как объектная позиция во взаимодействиях с данной ситуацией/средой. Но и сама ситуация в этом случае выступает по отношению к человеку как известная ему совокупность средовых условий, которая знакома и потому не является агентом воздействия, провоцирующим его на продуктивное, субъектное отношение к ней. Соответственно, взаимодействия между компонентами отношения «человек — внешняя среда» будут иметь *объект-объектный тип*. Примером такого типа взаимодействий служат репродуктивные методы обучения, когда технология обучения имеет формальный характер, ориентированная на актуальный уровень развития способностей учащихся и не требующая от них субъектного отношения. В бытовом лексиконе такая ситуация характеризуется выражениями типа: «домашняя заготовка», «рояль в кустах», «а у нас с собой было...» и т.п.

Вместе с тем актуализация психологического ресурса в репродуктивной форме предполагает, что человек «обращается» к своей внутренней среде как объекту анализа и оценки. Поэтому реализация психологического ресурса, кроме объект-объектного взаимодействия в системе «человек — среда внешняя», предполагает «субъект-объектное взаимодействие в системе «человек — среда внутренняя».

Проблемная ситуация. Более сложными являются взаимодействия в системе «человек — среда (внутренняя, внешняя)», когда трудная ситуация имеет проблемный характер. В этом случае человек не знает, как себя вести, так как не имеет личного опыта поведения в подобных ситуациях. Вследствие чего он вынужден обратиться к поиску приемлемых для него способов поведения. Этот процесс может происходить самостоятельно или же при помощи/подсказке извне. Попадая в такую, стрессогенную ситуацию и пытаясь найти психологические ресурсы для ее преодоления,

человек должен проявить психическую активность для определения и реализации стратегии своего поведения. Для этого он/она должны подчинить свою психическую активность средовым воздействиям, занимая, тем самым, объектную позицию по отношению к «внешней среде». Соответственно, «внешняя среда» в этих случаях выполняет роль агента (псевдосубъекта, актора) воздействия на «человека», оказывая на него влияние физически, психологически или квазипсихологически. Заметим, что в данном случае субъектность или квазисубъектность «среды» в системе отношений «человек — среда» понимается нами как ее способность выполнять субъектные или, используя англоязычный термин, агентные функции по отношению к «человеку». В частности, для современной социальной среды характерно все более активное использование искусственного интеллекта, что в информационном плане позволяет выступать ей в качестве псевдосубъекта, агента, актора коммуникативных взаимодействий в системе «человек — социальная среда» [Панов, Патраков, 2020]. С этой точки зрения реализация психологического ресурса характеризуется *объект-субъектным* типом взаимодействий в системе «человек — среда внешняя». Причем средовые взаимодействия могут иметь как негативный (стрессогенный) характер, так и позитивный (сальютогенный) [Нартова-Бочавер, 2019; Павлова, 2022]. Примером может служить релаксационное (квазисубъектное) воздействие природного ландшафта, которое используется в качестве психологического ресурса для позитивного эмоционального состояния человека.

Но со стрессогенным влиянием проблемной ситуации человек может справиться, обратившись за помощью к другому человеку, выступающему в роли помогающего (подсказывающего) субъекта, или к интернет-ресурсам (в том числе, ботам, GPT-чатам и т.п.), выполняющим роль помогающего квазисубъекта. Для этого человек должен занять активную, субъектную позицию по отношению к внешним средовым условиям, чтобы найти в них такого помощника, и проявить готовность с его помощью овладеть новыми субъектными качествами, т.е. изменить свои субъектные качества и субъектность в целом. Такое обращение человека к внешней среде (средовому ресурсу) предполагает продуктивную, субъектную позицию «человека» по отношению к ней. Соответственно, «среда», подчиняясь указанным воздействиям, занимает в этих случаях объектную позицию. Поэтому взаимодействия в системе «человек — внешняя среда» в этих случаях имеют *субъект-объектный* характер.

Если во взаимодействие с проблемной ситуацией включается помогающий субъект/квазисубъект, то реализация психологического

В.И. Панов
Экопсихологическая концептуализация психологических ресурсов в системе «человек — среда (внутренняя, внешняя)»

ресурса происходит подобно актуализации зоны ближайшего развития «по Выготскому». При этом происходит трансформация и самой системы «человек — среда», так как средовым воздействиям будет противостоять не «человек» как таковой, а групповой субъект «человек — помогающий субъект/квасисубъект». Необходимым условием для этого выступает субъект-порождающий тип коммуникативных взаимодействий между ними, в результате которого человек приобретет новые, необходимые субъектные качества, что позволит ему относиться к данной проблемной ситуации как рабочей.

Следует заметить, что поведение в проблемной ситуации может иметь и неконструктивный характер, когда субъектная позиция «человека» и субъектная, либо квазисубъектная позиция «среды (или ее субъектов)» находятся в бескомпромиссном противоречии друг с другом, что выражается в конфликтных взаимоотношениях, вплоть до скандального выяснения отношений и даже борьбы друг с другом. Такое взаимодействие в системе «человек — среда» характеризуется субъект-обособленным типом. В экологическом плане примером может служить глобальный экологический кризис, когда техногенные ресурсы человечества вошли в противоречие с природными ресурсами планеты, как среды его обитания. В социальном плане примером субъект-обособленных взаимодействий служат военные конфликты, когда ресурсы каждой из конфликтующих сторон направлены на подчинение другой стороны как объекта своих действий. В межличностном плане примером этого типа взаимодействий выступает, в частности, бытовой скандал, или спортивное соперничество.

В отличие от рабочей и проблемной трудных ситуаций, *потенциально проблемная ситуация* характеризуется тем, что речь здесь идет о ситуации в будущем, которая, возможно, будет иметь проблемный характер для данного человека. Поэтому реализация психологического ресурса, согласно терминологии Е.С. Старченковой, носит предварительный, превентивный характер в виде проактивного поведения, когда человек заранее оценивает проблемность ожидаемой проблемной ситуации и готовится к ней [Старченкова, 2009]. Субъектная позиция человека в подобных ситуациях проявляется в максимальной мере, так как он должен оценить возможные стрессогенные воздействия со стороны «среды» и свои личностные ресурсы для выбора соответствующей стратегии поведения. Прогнозируемые человеком взаимодействия предполагаемых субъектных/квасисубъектных условий в системе «человек — среда» в этом случае будут иметь субъектный и в то же время порождающий характер, потому что в результате этих взаимодействий человек подготавливает (порождает) необходимый психологический ресурс. Поэтому в контексте

экопсихологических субъект-средовых взаимодействий речь идет о том, что, во-первых, тип взаимодействия в системе «человек — среда» должен быть *субъект-порождающим*, и, во-вторых, что сама эта система становится онтологическим метасубъектом порождения будущего психологического ресурса.

В качестве примера *субъект-порождающих* взаимодействий между компонентами системы «человек — среда» можно привести конструктивный диалог или динамику взаимодействий между участниками группового психотренинга. В ситуации психотренинга, как известно, каждый участник группы приобретает (порождает) новые субъектные качества. Вследствие чего происходит трансформация (порождение) субъектности как членов группы, так и самой группы, которая выступает и социальной средой, и групповым субъектом этих трансформаций. В общем плане в контексте системы «человек — среда» это означает, что меняется субъектность не только «человека» и «среды», но и самой системы «человек — среда» как онтологического субъекта. В экологическом плане таким примером может служить разработка и принятие большинством стран мира «Повестки дня на XXI век», известной как Концепция (или Стратегия) устойчивого развития человечества и природной среды (sustainable development) и принятой Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года).

Другим примером может служить поиск и реализация копинг-стратегий, когда актуализируемый или создаваемый человеком психологический ресурс позволяет ему снять стрессогенность трудной жизненной ситуации (средовых условий) и тем самым преодолеть ее. В педагогической психологии, а также в психотерапии, примером такого типа взаимодействий могут служить групповые и диалогические формы и методы работы.

Субъект-совместный тип характеризует такие взаимодействия, когда благодаря субъектной активности «человека» и субъектной/квазисубъектной активности «среды» система «человек — среда» обретает способность выполнять функции группового субъекта онтологического порождения психических новообразований. В экологическом плане такой тип взаимодействий в системе «человечество — планета» характерен для коэволюционного пути совместного развития «человечества» и «планеты» как онтологических со-субъектов совместной эволюции. В социально-психологическом плане это то, что называется «работа команды».

В итоге представленная выше экопсихологическая концептуализация представлений о психологических ресурсах человека, в онтологическом плане позволяет ввести представление об экопсихологическом ресурсе самой системы «человек — среда» — как

В.И. Панов

Экопсихологическая концептуализация психологических ресурсов в системе «человек — среда (внутренняя, внешняя)»

развивающейся системы условий, необходимых для порождения и для реализации психологических ресурсов в разных ситуациях взаимодействий человека с разными видами среды (природной, социальной, информационной и т.п.).

В целом экопсихологический ресурс включает в себя три взаимно связанных вида ресурсов:

личностный ресурс, который актуализируется во взаимодействиях с внутренней, внутри-личностной средой человека;

средовой ресурс, который актуализируется из внешней среды (социальной, природной, информационной и т.д.);

коммуникативный ресурс, который актуализируется в виде разных типов коммуникативных (субъект-средовых) взаимодействий с внутренней средой (то есть с самим собой) и/или с внешней средой, либо с ее субъектами.

В ситуативном плане реализация экопсихологического ресурса зависит от вида трудных ситуаций, которые в контексте отношений «человек — среда» и «возможное — актуальное» предстают в трех вариантах:

1) как рабочие, не требующие дополнительного развития субъектных качеств человека; 2) как проблемные ситуации, когда человеку дополнительно требуются новые субъектные качества, которые он может сформировать самостоятельно или же с помощью внешнего помогающего субъекта/квазисубъекта; 3) потенциально проблемная ситуация, т.е. ситуация, которая предстоит в будущем, и которая потому заставляет готовить необходимые психологические ресурсы заранее.

Реализация экопсихологического ресурса осуществляется как превращение трудной ситуации в рабочую и происходит в трех формах:

- актуализация субъектных качеств, которые уже имеются во внутренней среде человека в потенциальной форме существования и которые при необходимости актуализируются человеком в виде субъектных качеств и средств, обеспечивающих его поведение в данной ситуации. Такая актуализация имеет репродуктивный характер и происходит посредством субъект-объектных взаимодействий в системе «человек — среда внутренняя» и объект-объектных взаимодействий в системе «человек — среда внешняя».
- порождение или формирование новых субъектных качеств и средств, дополнительных к имеющимся у человека, самостоятельно или с помощью извне (помогающего субъекта/квазисубъекта). В этом случае реализация психологических ресурсов имеет продуктивный характер и происходит посредством субъект-порождающих и субъект-совместных взаимодействий в системе «человек — помогающий субъект/квазисубъект»;

- прогнозирование возможных субъект-средовых взаимодействий в системе «человек — среда», которые потенциально могут привести к проблемной ситуации. В свою очередь, это приводит к необходимости субъект-порождающих взаимодействий в системе «человек — среда (внутренняя, внешняя)» с целью превентивного (предупреждающего) преобразования внутренних и внешних средовых условий в новые, дополнительные субъектные качества и средства.

* * *

Использование в качестве теоретических предпосылок таких экопсихологических конструктов, как система «человек — среда (внутренняя, внешняя)» и экопсихологическая типология субъект-средовых взаимодействий, позволило концептуализировать представления о реализации психологического ресурса человека, условно говоря:

по «вертикали»: «возможность (личностный потенциал) — действительность (актуальные субъектные качества)»;

по «горизонтали»: «внутренняя среда (совокупность внутренних, интра-субъектных возможностей) — внешняя среда (совокупность внешних, внесубъектных условий)».

При таком подходе психологические ресурсы человека выступают как экопсихологический ресурс системы «человек — среда». В структурном плане он включает в себя внутренний (внутриличностный) ресурс, внешний (внешне средовой) ресурс и коммуникативный ресурс в виде субъект-средовых взаимодействий человека с внутренними и внешними средовыми условиями. Соответственно, реализация экопсихологического ресурса происходит в виде трансформации (проявления и развития) субъектных качеств человека и его субъектности в системе «человек — среда (внутренняя, внешняя)». В зависимости от вида трудной ситуации (рабочей, проблемной, потенциально проблемной) эта реализация может происходить в репродуктивной, развивающейся и превентивной (порождаемой) формах.

В заключение следует заметить, что представленная экопсихологическая концептуализация психологических ресурсов человека имеет инвариантный характер, так как может быть применена к анализу разных видов трудных ситуаций, возникающих во взаимодействиях человека с разными видами природной и социальной среды.

В.И. Панов

Экопсихологическая концептуализация психологических ресурсов в системе «человек — среда (внутренняя, внешняя)»

Ecopsychological Conceptualization of Psychological Resources in the “Person — Environment (Internal, External)” System

Victor I. Panov

DSc in Psychology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Head of Laboratory of Ecopsychology of Development and Psychodidactic.

Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Researches.

9 bld. 4, Mokhovaya Str., 117208 Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-3189-5455

ecovip@mail.ru

Abstract. The idea of a psychological resource is used mainly in relation to the behavior of an individual in difficult or problematic situations for him, when there are not enough actual abilities and subjective means for coping behavior (coping strategies) or solving the problems that arise. From the variety of definitions of psychological resources, it follows that the problem of conceptualizing psychological resources on the basis of uniform methodological premises, invariant to different types of difficult, critical situations, remains relevant. As such, to conceptualize the psychological resource in an individual's interactions with the internal and external environment, the concepts of the “person — environment (external, internal)” system and the ecopsychological typology of agent-environment interactions, developed within the framework of the ecopsychological approach to mental development, were used. This made it possible to conceptualize ideas about a person's psychological resource in a system of constructs located, relatively speaking: a) vertically “opportunity (personal potential) – reality (actual subjective qualities)”, and b) horizontally: “internal environment (the totality of internal, intra-subjective capabilities) — external environment (the set of external, extra-subjective conditions)”. As a result of this conceptualization, human psychological resources appear before us in the form of an eco-psychological resource of the “person-environment” system itself, which consists of an internal (intrapersonal) resource, external (external environmental) resource and communicative resource in the form of subject-environmental interactions. The implementation of an ecopsychological resource occurs as a transformation (manifestation and development) of the subjective qualities of an individual and his subjectivity in the “person — environment (internal, external)” system. Depending on the type of difficult situation (working, problematic, potentially problematic), the implementation of an eco-psychological resource can occur in a reproductive, developmental and preventive form. The presented ecopsychological conceptualization is invariant in relation to the specific content of difficult situations.

Keywords: psychological resource, conceptualization, “person — environment” system, ecopsychological typology of agent-environment interactions,

difficult work situation, problematic situation, potentially problematic situation.

For citation: Panov V.I. Ecopsychological Conceptualization of Psychological Resources in the "Person — Environment (Internal, External)" System // Chelovek. 2024. Vol. 35, N 5. P. 13–28. DOI: 10.31857/S0236200724050012

Литература/References

- Василенко И.В., Исмаилова Т.С. Ресурсы личности как основа здоровьесберегающего поведения современного российского городского населения // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 3 (93). Ч. 2. С. 68–73.
- Vasilenko I.V., Ismailova T.S. *Resursy lichnosti kak osnova zdorov'esberegatel'nogo povedeniya sovremennogo rossijskogo gorodskogo naseleniya* [Personal resources as the basis for health-saving behavior of the modern Russian urban population]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2020. N 3 (93). Iss. 2, P. 68–73.
- Водопьянова Н.Е. Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2015. №1. С. 45–54.
- Vodop'yanova N.E. *Sovremennye koncepcii resursov sub'ekta professional'noj deyatel'nosti* [Modern concepts of resources of the subject of professional activity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya*. 2015. N 1. P. 45–54.
- Дементий Л. И., Маленов А. А. Ресурсы, этапы и пространство самореализации личности // Южно-Российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 1. С. 137–152.
- Dementij L. I., Malenov A. A. *Resursy, etapy i prostranstvo samorealizacii lichnosti* [Resources, stages and space for personal self-realization]. *YUzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk*. 2021. Vol. 22, N 1. P. 137–152.
- Иваницкий А.В. Психологический ресурс как интегральная характеристика личности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23894> (дата обращения: 17.09.2020).
- Ivanickij A.V. *Psihologicheskij resurs kak integral'naya harakteristika lichnosti* [Psychological resource as an integral characteristic of personality]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015. N 2–3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23894> (date of access: 17.09.2020).
- Иванова Т.Ю. Функциональная роль личностных ресурсов в обеспечении психологического благополучия: дисс. ... канд. психол. наук. Moscow, 2016.
- Ivanova T.YU. *Funkcional'naya rol' lichnostnyh resursov v obespechenii psihologicheskogo blagopoluchiya: dis. ... kand. psihol. nauk* [The functional role of personal resources in ensuring psychological well-being: Dis. ... PhD. Psychology]. Moscow, 2016.
- Иванова Т.Ю., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Рассказова Е.И., Кошелева Н.В. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности // Организационная психология. 2018. Т. 8, № 1. С. 85–121.

В.И. Панов
Экопсихоло-
гическая кон-
цептуализация
психологиче-
ских ресурсов
в системе «че-
ловек — среда
(внутренняя,
внешняя)»

Ivanova T.YU., Leont'ev D.A., Osin E.N., Rasskazova E.I., Kosheleva N.V. *Sovremennyye problemy izucheniya lichnostnykh resursov v professional'noj deyatel'nosti* [Modern problems of studying personal resources in professional activities]. *Organizacionnaya psihologiya*, 2018. Vol. 8, N 1. P. 85–121.

Ларионова Л.И. Проблема ресурсного подхода в психолого-педагогической литературе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6, № 6А. С. 50–58.

Larionova L.I. *Problema resursnogo podhoda v psihologo-pedagogicheskoy literature* [The problem of the resource approach in psychological and pedagogical literature]. *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya*. 2017. Vol. 6, N 6A. P. 50–58.

Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37.

Leont'ev D.A. *Samoregulyaciya, resursy i lichnostnyj potencial* [Self-regulation, resources and personal potential]. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*. 2016. N 62. P. 18–37.

Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования / Отв. ред. М.А. Холодная, Г.В. Ожиганова. М.: Институт психологии РАН, 2016.

Mental'nye resursy lichnosti: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya [Mental resources of the individual: theoretical and applied research], ed. M.A. Holodnaya, G.V. Ozhiganova. Moscow: Institut psihologii RAN Publ., 2016.

Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 4–37.

Morosanova V.I. *Osoznannaya samoregulyaciya kak metaresurs dostizheniya celej i razresheniya problem zhiznedeyatel'nosti* [Osoznannaya samoregulyaciya kak metaresurs dostizheniya celej i razresheniya problem zhiznedeyatel'nosti]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psihologiya*. 2021. N 1. P. 4–37.

Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2. С. 102–112.

Muzdybaev K. *Strategiya sovladaniya s zhiznennymi trudnostyami. Teoreticheskij analiz* [Strategy for coping with life's difficulties. Theoretical analysis]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 1998. N 2. P. 102–112.

Нартова-Бочавер С.К. Жизненная среда как источник стресса и ресурс его преодоления: возвращаясь к психологии повседневности // Психологический журнал, 2019. № 40(5). С. 15–26.

Nartova-Bochaver S.K. *Zhiznennaya sreda kak istochnik stressa i resurs ego preodoleniya: vozvrashchayas' k psihologii povsednevnosti* [Human Environments as a Source of Stress and a Resource to Overcome It: Returning to the Psychology of Everyday Life]. *Psihologicheskij zhurnal*. 2019. N 40(5). P. 15–26.

Орел А.А. Психологические ресурсы самореализации личности в пространстве профессионального бытия: дисс. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2011.

Orel A.A. *Psihologicheskie resursy samorealizacii lichnosti v prostranstve professional'nogo bytiya: dis. ... kand. psihologicheskikh nauk* [Psychological

resources for personal self-realization in the space of professional life: Dis. ... PhD. Psychology]. Krasnodar, 2011.

Павлова М.В. Биофильный и салютотенный дизайн в создании «здорового» офиса // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2022. № 7(2). С. 97–124. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/14631> (Дата обращения: 2.02.2024).

Pavlova M.V. Biofil'nyj i salyutogenyj dizajn v sozdanii «zdorovogo» ofisa [Biophilic and salutogenic design in creating a “healthy” office]. *Kommunikacii. Media. Dizajn*. 2022. N 7(2). P. 97–124. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/14631> (date of access: 2.02.2024).

Панов В.И. Экопсихология: Парадигмальный поиск. М.: Психологический институт РАО; СПб.: Нестор–История. 2014.

Panov V.I. *Ekopsihologiya: Paradigmal'nyj poisk* [Ecopsychology: A paradigmatic search]. Moscow: Psychological Institute RAO Publ.; St. Petersburg: Nestor–History Publ. 2014.

Панов В.И. Экопсихологический подход к развитию психики: этапы, предпосылки, конструкты // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 3. С. 100–117.

Panov V.I. *Ekopsihologicheskij podhod k razvitiyu psihiki: etapy, predposylki, konstrukty* [Ecopsychological approach to the development of the psyche: stages, prerequisites, constructs]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya*. 2022. N 3. P. 100–117.

Панов В.И., Патраков Э.В. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия: монография. М.: Психологический институт РАО; Курск: Университетская книга, 2020.

Panov V.I., Patrakov E.V. *Cifrovizaciya informacionnoj sredy: riski, predstavleniya, vzaimodejstviya: monografiya* [Digitalization of the information environment: risks, ideas, interactions: monograph]. Moscow: Psihologicheskij institut RAO Publ.; Kursk: Universitetskaya kniga Publ., 2020.

Сергиенко Е. А. Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции // Психологические исследования: электронный научный журнал, 5(7). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/962/496> (Дата обращения: 18.01.2024).

Sergienko E.A. *Kontrol' povedeniya: individual'nye resursy sub"ektnoj reguljacii* [Behavior control: individual resources of subjective regulation]. *Psihologicheskie issledovaniya: elektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2009. N 5(7). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/962/496> (date of access: 18.01.2024).

Старченкова Е.С. Концепция проактивного совладающего поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. № 2–1. 2009. С. 198–205.

Starchenkova E.S. *Koncepciya proaktivnogo sovladayushchego povedeniya* [The concept of proactive coping behavior]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. 2009. N 2–1. P. 198–205.

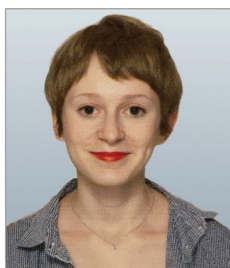
Толочек В.А., Журавлева Н.И. Динамика актуализации психологических ресурсов субъектом на протяжении профессиональной карьеры // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 1. С. 91–107. EDN: TLUIBP

Tolochek V.A., Zhuravleva N.I. *Dinamika aktualizacii psihologicheskikh resursov sub"ektom na protyazhenii professional'noj kar'ery* [Dynamics of

В.И. Панов

Экопсихологическая концептуализация психологических ресурсов в системе «человек — среда (внутренняя, внешняя)»

НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ МЕСТА СИЛЫ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОМОРСКОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ ИМ. Н.А. ПЕРЦОВА)

Соловьева Татьяна Ильинична — стажер-исследователь научно-учебной лаборатории психологии салютогенной среды.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
ORCID: 0009-0001-7846-0192
tisoloveva@edu.hse.ru

Токарев Михаил Юрьевич — кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник кафедры сейсмометрии и геоакустики геологического факультета.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1.
ORCID: 0000-0001-8630-6083
mjtokarev@gmail.com

Статья подготовлена на основе исследования, осуществленного в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; проект «Психологическое благополучие в условиях трансформации жизненных сред».

Аннотация. Рассматривается ностальгическое переживание места силы на примере Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова. Количество исследований, изучающих влияние места на поведение, развитие и здоровье человека, а также его ресурсность, в последние десятилетия резко возросло. В статье поднимаются два исследовательских вопроса: какова структура ностальгического переживания места силы? какой валентностью данное ностальгическое переживание обладает? В исследовании приняли участие 25 респондентов (15 мужчин и 10 женщин) в возрасте 16–25 лет. Использовались метод контент-анализа текстов интервью с выделением категорий и кодов, а также коэффициент Яниса для оценки валентности ностальгического переживания места силы. Результаты исследования показали, что структура ностальгического переживания места силы на примере Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова включает три категории, упоминаемые в порядке значимости: уникальные средовые условия, значимые события, близкие люди. Результаты исследования свидетельствуют о доминирующей положительной валентности ностальгического переживания Беломорской биологической станции как месте силы (коэффициент Яниса — 0,11), а также о том, что ностальгическое переживание места силы потенциально может быть амбивалентным — как поощряющим позитивные размышления о прошлом, в котором трудности не раз преодолевались, так и в ряде случаев способствующим зацикленности на нем. Результаты исследования могут быть использованы в психологическом консультировании и психотерапии, а также в тренингах и программах по повышению личностного потенциала и совладанию с трудными жизненными ситуациями.

Ключевые слова: ностальгическое переживание, амбивалентность ностальгии, место силы, привязанность к месту, близкие люди, значимые события, уникальные средовые условия, Беломорская биологическая станция им. Н.А. Перцова.

Ссылка для цитирования: Соловьева Т.И., Токарев М.Ю., Хачатурова М.Р. Ностальгическое переживание места силы (на примере Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова) // Человек. 2024. Т. 35, № 5. С. 29–49. DOI: 10.31857/S0236200724050029

Исследования, изучающие влияние места на поведение, развитие и здоровье человека, в последние десятилетия становятся все более актуальными [см.: Нартова-Бочавер, 2018; Buttazzoni, 2022; Evans, 2003]. Определение взаимосвязей между местом и человеческим опытом представляет значительный интерес для исследователей по многим причинам, в частности таким, как тенденции городской миграции, развитие личностного потенциала [Farah, 2006], последствия воздействия окружающей среды [Kaplan, 1989; Woodruff, 2004]. Однако несмотря на возросший научный интерес, результаты исследований аффективных, когнитивных и иных механизмов воздействия места на человека достаточно противоречивы [Buttazzoni, 2022].

Место — это междисциплинарное понятие, имеющее множество различных определений. В своем исследовании мы опираемся на определение Т. Крессвелла, которое содержит в себе три фундаментальных принципа: местоположение; физическую форму и характеристики; чувство места, то есть субъективный смысл определенного места для человека. В этом контексте понятие «место» противопоставляется понятию «пространство» как сфере без смысла и без формирования привязанности [Cresswell, 2014].

По мнению ряда авторов, положительные эмоции, связанные с привязанностью к месту, могут оказывать прямое или косвенное влияние на благополучие человека [см., напр.: Fredrickson, 2018]. Однако привязанность может иметь и амбивалентный характер, если человек страдает от перемещения или невозможности посетить место, к которому привязан. В этих случаях он способен потерять чувство принадлежности и внутреннюю связь с родным местом, что может привести к дезориентации, отчуждению и ностальгии [Fullilove, 1996].

Ностальгическое переживание и его амбивалентность

Научный интерес к проблеме ностальгии значительно возрос после обнаружения социальных функций последней на индивидуальном и коллективном уровнях. В современных исследованиях ностальгия обозначает амбивалентную, но преимущественно позитивную социальную эмоцию, выполняющую ключевые психологические функции в поддержании психологического благополучия личности [Batcho, 2013; Leunissen, 2023; Sedikides, 2020; Srivastava, 2023]. Ностальгия снижает негативный аффект и чувство одиночества, повышает самооценку, способствует сохранению связи между прошлым и настоящим «Я», укрепляет чувство

Т.И. Соловьева,
М.Ю. Токарев,
М.Р. Хачатурова

Ностальгическое переживание места силы (на примере Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова)

непрерывности жизни и содействует обретению ее осмысленности [Sedikides, 2018].

Еще одна функция ностальгии — помощь в преодолении нарушенной преемственности индивидуальной или групповой жизненной траектории [Prusik, 2016]. Ностальгия может оказаться одним из основных механизмов преодоления длительной изоляции, страха и общей потери свободы. Для некоторых людей размышления о понятном и утешительном прошлом гораздо более приятны, чем мысли о травмирующем настоящем и потенциально мрачном будущем [Gammon, 2020]. Ностальгия не является однозначно панацеей, но она обладает потенциалом заполнить смысловой пробел в жизни человека и способствует улучшению его физического здоровья [Sedikides, 2020; 2022].

В ходе экспериментальных исследований было обнаружено, что актуализация ностальгических переживаний приводит к более высокому уровню удовлетворенности жизнью и эвдемоническому благополучию [Green, 2023; Hepper, 2023].

Таким образом, создание идентичности через понимание своей связи с прошлым способствует формированию у личности чувства принадлежности, онтологической безопасности и благополучия в том числе и потому, что прошлое воспринимается личностью как нечто относительно неизменное и стабильное [Bennett, 2015]. Однако чрезмерный акцент на ностальгических переживаниях вместе с мыслью о предстоящих изменениях может провоцировать тревогу и онтологическую незащищенность. Данное противоречие помогает нам обосновать один из исследовательских вопросов нашей работы.

С. Гарридо проводит различие между руминациями как болезненными заикливаниями и ностальгическими размышлениями о прошлом. По ее мнению, руминации — это неконтролируемые пессимистичные мысли, в то время как рефлексивная ностальгия — это форма самоанализа, которая обладает высокой адаптивностью. Если ностальгия может быть адаптивной и неадаптивной, то именно проведение границы между руминациями и размышлениями может быть эффективным способом устранения горько-сладкого эффекта ностальгии [Garrido, 2018].

Человек способен заблаговременно конструировать воспоминания, предвкушая их последующую ностальгическую природу [Sedikides, 2020]. В последнем случае речь идет об ожидаемой ностальгии — своеобразном путешествии во времени, в ходе которого человек как бы предвидит, что воспоминания о конкретном событии в будущем будут сопровождаться чувством ностальгии. Исследования ожидаемой ностальгии наводят на мысль о том, что она не только ориентирована на прошлое, но и способна влиять

на будущее, мотивируя человека вновь оживить в памяти события или посетить места, вызывающие ностальгическое переживание [Cheung, 2019].

Роль места силы в ностальгическом переживании

Роль различных форм социального капитала, процессов, посредством которых человек формирует значимые отношения с местом, создание связи «человек — место» изучены недостаточно. Ностальгическое переживание позволяет обрести онтологическую принадлежность, помогает преодолеть неопределенность. Место в этом случае становится точкой «прикрепления» [Bennett, 2015], а привязанность к месту связывается с положительными эмоциями [Hashemnezhad, 2013].

Одним из факторов места, играющим ведущую роль в формировании привязанности, является взаимодействие людей с местом, а также друг с другом. Привязанность возникает, когда люди проводят длительный и значимый период жизни в этом месте [ibid.]. В данном случае оно становится символом прожитого опыта. Х. Хашемнежад с соавторами описывают опыт периодических празднований, проведения фестивалей и мероприятий, которые способствуют поддержанию такого рода привязанности [ibid.]. При этом влияние места на образ жизни человека и принятие им решений континуально — от совсем незначительного до крайне значимого, когда место становится местом силы.

В отличие от эзотерического понимания, мы называем местом силы территорию или пространство, которые в силу природных, культурных или функциональных характеристик оказывают мощное влияние на личность и образ жизни находящихся там людей, определяя качество их общения, содержание принимаемых решений и их последующую реализацию [Bonaiuto, 2019; Buttazzoni, 2022; Hashemnezhad, 2013].

Влияние места силы может иметь как кратковременный, так и долгосрочный характер. Место силы обладает большой значимостью для человека, и он стремится возвратиться туда для получения уникального опыта, который станет опорой для его идентичности. Одним из побуждающих факторов к посещению подобных мест может выступить ожидаемая ностальгия. Д. Ванг отмечает, что она может быть мотивом самого путешествия, эмоцией во время путешествия, а также после него [Wang, 2023a].

Таким образом, место силы — это место, к которому у человека сформировалась эмоциональная привязанность ввиду

Т.И. Соловьева,
М.Ю. Токарев,
М.Р. Хачатурова

Ностальгическое переживание места силы (на примере Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова)

установившейся связи «человек — место» и которое стало «точкой прикрепления» автобиографических воспоминаний и опорой идентичности, место, куда человек стремится вернуться.

Несмотря на ярко выраженную психотерапевтическую и практическую значимость данного понятия, исследований места силы, а тем более его роли в ностальгическом переживании недостаточно. Вследствие этого цель нашего исследования состоит в изучении ностальгического переживания места силы. Задачами исследования являются:

- определение структуры ностальгического переживания места силы на примере Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова;
- раскрытие валентности ностальгического переживания Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова как места силы;
- выявление гендерных различий в структуре ностальгического переживания Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова как места силы.

В нашей работе поднимаются два исследовательских вопроса: какова структура ностальгического переживания места силы? какой валентностью обладает ностальгическое переживание места силы (выступает ли оно как ресурс позитивного функционирования личности или же оказывается следствием болезненной зависимости от определенного места)?

В поиске ответов на указанные вопросы нами было проведено качественное исследование на примере анализа текстов интервью с участниками строительства Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова (далее в тексте — ББС, или биостанция) — крупнейшим научно-образовательным центром биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. ББС была построена в Карельской республике на берегу Белого моря в 1938 году заведующим кафедрой зоологии беспозвоночных профессором Л.А. Зенкевичем для проведения научно-исследовательских полевых работ. Однако тогда биостанция не была развита должным образом. В 1951–1987 годах, на протяжении 36 лет, действующим ее директором был Николай Андреевич Перцов, имя которого она впоследствии и получила.

ББС стала делом всей жизни Н.А. Перцова, ученый создавал биостанцию практически с нуля. В то время строилось новое здание биологического факультета МГУ. Должна была строиться и биостанция, но все внимание сосредоточилось на столичной стройке. Продолжение строительства ББС было возможно силами бескорыстных добровольцев. В первую очередь речь шла о студентах-практикантах биологического факультета и их преподавателях.

В 1951 году появился первый стройотряд. Многие из его бойцов отмечали, что ББС — это переплетение экзотической суровой природы, традиций старообрядчества и научной деятельности. Именно это триединство сделало ББС настоящим местом силы.

Метод исследования

Выборка исследования состояла из 25 респондентов (15 мужчин и 10 женщин). Нами проанализированы 25 интервью с ними. Возраст респондентов на момент описываемых событий строительства ББС составлял 16–25 лет. Респонденты на момент описываемых событий были учащимися старших классов советских школ или студентами высших учебных заведений. Возраст респондентов на момент проведения интервью — 62–71 год.

Интервью проводились в офлайн- и онлайн-режимах в Москве в 2022–2023 годах. В ходе ретроспективного интервью каждый респондент отвечал на список из восьми вопросов:

1. Откуда, через среднюю школу или высшее учебное заведение, Вы в первый раз попали на ББС?
2. Какую работу Вы выполняли?
3. С кем и как Вы познакомились в первом стройотряде?
4. Какие песни Вы пели?
5. Какими запомнились Вам встречи с Н.А. Перцовым?
6. Когда Вы в последний раз были на ББС?
7. Поддерживали ли Вы отношения с «беломорцами» все эти годы и если «да», то с кем?
8. Что означает ББС в Вашей жизни?

Для ответа на поставленные в работе исследовательские вопросы проводился контент-анализ текстов интервью с выделением категорий и кодов в структуре ностальгического переживания места силы и их количественными характеристиками [Бусыгина, 2019]. Для определения валентности ностальгического переживания места силы использовался коэффициент Яниса [Krippendorf, 2004].

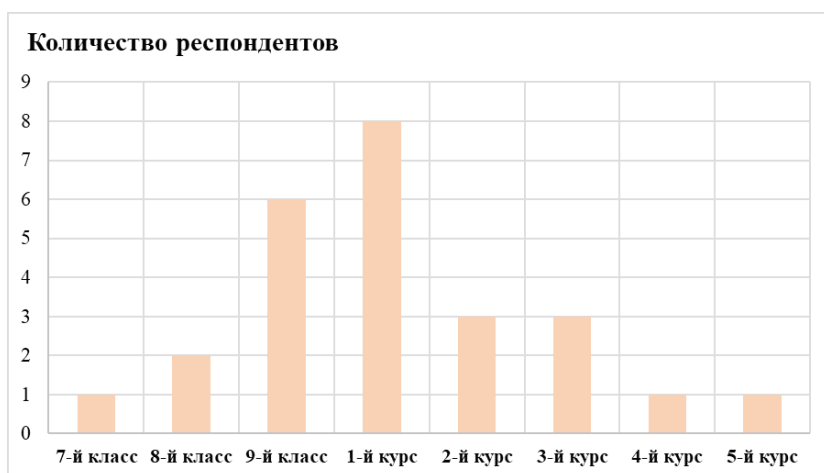
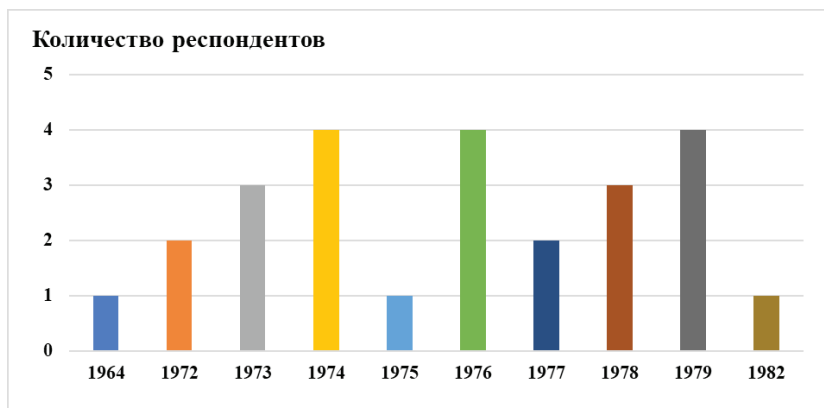
Результаты и их обсуждение

В интерпретации результатов проведенного контент-анализа может помочь понимание распределения респондентов по году первого появления каждого из них на ББС и по ступени обучения, на которой каждый из них находился в тот момент. Данная информация представлена на *рис. 1* и *2*.

Как можно видеть, большинство респондентов впервые оказывались на ББС в 1974, 1976 и 1979 годах (*рис. 1*). При этом

Т.И. Соловьева,
М.Ю. Токарев,
М.Р. Хачатурова

Ностальгическое переживание места силы (на примере Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова)

При проведении контент-анализа текстов интервью категории были сформированы нами в соответствии с исследованием Т. Вильдшута, в котором содержание ностальгических воспоминаний имеет такие особенности, как наличие выраженности «Я» в ностальгическом опыте в форме его непосредственного переживания и наличие объектов ностальгического переживания. Качественное описание ностальгического опыта указывает на то,

что объектами ностальгического переживания часто являются близкие люди (например, члены семьи, друзья или романтические партнеры), значимые события (например, свадьба или день рождения) и опыт, связанный с уникальными средовыми условиями (например, воспоминания о городе, в котором прошло детство) [Wildschut, 2006].

Все интервью, проанализированные нами, представляют собой рассказ о непосредственно пережитом опыте, поэтому критерий ностальгического воспоминания «Выраженность “Я”» не был взят за основу для формирования категорий, которые могли бы составить структуру ностальгического переживания места силы. При этом, на наш взгляд, категоризация на основании объектов ностальгии здесь оказалась уместной. В соответствии с данной установкой были выделены три упомянутые выше категории: близкие люди, значимые события, уникальные средовые условия. Названия же выделенных кодов отражали содержание категорий, например: «Уникальные средовые условия» (категория) — «Природа» и «Атмосфера» (коды). Коды могли упрощаться и уточняться, например: коды «Основной круг общения» и «Судьбоносная встреча» объединял общий код — «Отношения». В итоге при контент-анализе текстов интервью были использованы три категории и девять кодов. В табл. 1 представлены результаты проведенного контент-анализа с иллюстрирующими их цитатами из интервью.

Табл. 1. Результаты контент-анализа интервью респондентов: категории и коды

Категория	Код	Цитата из интервью респондента
Близкие люди	Отношения: основной круг общения	«Их много десятков, всех не перечислить, а забытым будет обидно. Это и есть основной круг моего общения. Со многими из них есть и другие общие интересы».
	Отношения: судьбоносная встреча	«...Судьбоносным было знакомство с Х в моем втором стройотряде в 1977 году. Через полтора года мы поженились и прожили вместе сорок лет».

Т.И. Соловьева,
М.Ю. Токарев,
М.Р. Хачатурова
Ностальгическое переживание места силы (на примере Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова)

38

Продолжение табл. 1		
Категория	Код	Цитата из интервью респондента
Уникальные средовые условия	Место: природа	«Пейзажи в целом были более суровые и дикие, чем в Эстонии. Я впервые наблюдала приливы и отливы, обнажающуюся литораль. Мы пекли мидий на раскаленных камнях, после чего прилив тихо заливал наш костер. Главное открытие — это богатейший подводный мир Белого моря. Кроме ночных песнопений мы отправлялись на ночные прогулки по побережью провозжать и встречать закаты и восходы. Именно здесь я впервые наблюдала, как “в Заполярье солнце всходит в полночь, на полчаса зайдя за горизонт”».
	Место: атмосфера	«Важный и необыкновенно тронувший меня жизненный опыт, светлые юношеские воспоминания, очень насыщенная подборка счастливых и радостных моментов жизни — любовь, всенощные гулянья по окрестностям, песни-посиделки, волшебная природа, баня, лыжи и северное сияние, интересный опыт работы руками».
	Место: высокая значимость	«ББС в моей жизни — это одно из красивейших и интересных мест, в которых я побывала, и место, которое занимает большое место (простите за тавтологию) в жизни многих моих друзей и знакомых».

Т.И. Соловьева,
М.Ю. Токарев,
М.Р. Хачатурова

Ностальгическое переживание места силы (на примере Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова)

В табл. 2 и 3 представлены соответственно частота упоминания категорий и их процентное соотношение, а также количество высказываний респондентов. За 100% принято общее количество цитат, проанализированных в ходе исследования. В 25 интервью выделено 330 цитат.

Табл. 2. Результаты контент-анализа интервью респондентов: частота упоминания категорий

Ранг	Категория	Частота упоминания, количество	Доля, %
2	Значимые события	111	34
3	Близкие люди	102	31
1	Уникальные средовые условия	117	35

Таким образом, мы отвечаем на первый поставленный в статье исследовательский вопрос: структура ностальгического переживания места силы на примере нашего исследования включает три категории, упоминаемые в порядке значимости: уникальные средовые условия, значимые события, близкие люди.

Табл. 3. Результаты контент-анализа интервью респондентов: количество высказываний, их ранг и удельный вес

Категория	Код	Количество высказываний респондентов	Ранг	Удельный вес, %
Близкие люди	Отношения: основной круг общения	55	2	17,00
	Отношения: судьбоносная встреча	11	9	3,00
	Отношения: влияние Н.А. Перцова, учителя и наставника	36	5	10,91
Значимые события	События: определение судьбы	14	8	4,24
	События: первая серьезная работа	68	1	20,61
	События: совместные песнопения	29	6	8,79
Уникальные средовые условия	Место: природа	44	4	13,33
	Место: атмосфера	27	7	8,18
	Место: высокая значимость	46	3	13,94

Как уже было отмечено, в формировании привязанности к месту физические качества, которые составляют лишь одно из его измерений, не так важны и отходят на второй план. Данные параметры

являются скорее дополнением, отражающим функциональность и смысл, которые месту придают люди. В то же время полученные нами результаты согласуются с результатами ряда других исследований. В нашей работе первыми по частоте упоминания, хоть и с небольшим перевесом, оказались уникальные средовые условия. И. Кнез также утверждает, что физическое место — одна из базовых категорий, организующих персональную память. Средовые условия, таким образом, могут использоваться для самоидентификации. По мнению Кнеза, место закрепляет воспоминания человека благодаря формированию связи «человек — место» [Knez, 2014].

Сходных идей придерживается Т. Крессвелл, акцентирующий внимание, как уже говорилось, на разнице понятий «пространство» и «место». Под пространством он понимает «безразличный к человеческой деятельности геометрический объект». Места же, с точки зрения исследователя, содержат значимую для людей информацию, которая может стать частью личной истории, повествования о самом себе [Cresswell, 2014].

Повторим, содержание ностальгических воспоминаний опосредовано экзистенциальными задачами, которые возникают на конкретном жизненном этапе. Однако вне зависимости от этого ностальгические воспоминания формируются на основе образов природы. В полученных нами результатах особое место занимает природа ББС. Она стала той «чувственной тканью ностальгических воспоминаний», о которой в своем исследовании писала Л.А. Кретьева [Кретьева, 2022].

Обращаясь к ностальгическим воспоминаниям, человек рассказывает о чем-то лично значимом, что обычно неразрывно связано с важными людьми, совместной деятельностью или событиями [Sedikides, 2020]. Так, большое внимание в проанализированных нами интервью уделяется таким памятным моментам, как песни у костра в окружении друзей, работа на стройке. Кроме того, влияние Н.А. Перцова респонденты, которые лично были с ним знакомы, отмечали как одно из сильнейших в своей жизни (см. *табл. 1 и 3*).

Также важны полученные гендерные различия в выделенных категориях и кодах проведенного контент-анализа.

Согласно данным *табл. 4*, гендерные различия определяются в коде «Влияние Н.А. Перцова, учителя и наставника» ($p < 0,05$). Данное влияние занимает в структуре ностальгического воспоминания ББС как места силы значительно более важное место у мужчин-респондентов, нежели чем у женщин-респондентов. Такой же вывод можно сделать в отношении воспоминаний о «Природе» и «Высокой значимости» ББС как места силы.

Т.И. Соловьева,
М.Ю. Токарев,
М.Р. Хачатурова

Ностальгическое переживание места силы (на примере Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова)

Категория	Код	Общее количество цитат		U
		мужчины	женщины	
Близкие люди	Отношения: основной круг общения	24	22	91
	Отношения: судьбоносная встреча	7	4	66
	Отношения: влияние Н.А. Перцова, учителя и наставника	29	7	37*
Значимые события	События: определение судьбы	10	4	65
	События: первая серьезная работа	52	16	38*
	События: совместные песнопения	14	15	100,5
Уникальные средовые условия	Место: природа	19	25	101,5
	Место: атмосфера	16	11	76
	Место: высокая значимость	35	11	36,5*

Для ответа на второй поставленный в работе исследовательский вопрос — какой валентностью обладает ностальгическое переживание места силы — был использован коэффициент Яниса, предназначенный для вычисления соотношения положительных и отрицательных относительно избранной позиции оценок, суждений и аргументов. В случае, когда число положительных оценок превышает число отрицательных, коэффициент Яниса подсчитывается по следующей формуле:

$$c = \frac{f^2 - f \cdot n}{r \cdot t},$$

В нашем исследовании коэффициент Яниса высчитывался таким образом:

$$C = 23^2 - 23 \cdot 2 / 25 \cdot 170 = 0,1136$$

Полученный показатель свидетельствует о доминирующей положительной валентности ББС как места силы в ностальгическом переживании. Данный количественный результат подкрепляется следующими цитатами из интервью:

«...Многое из этого бывало и потом, и гораздо круче, и намного жестче, но беломорские воспоминания навсегда остались самыми яркими и трогательными»;

«...Не очень люблю возвращаться на старые места, где был в юности — слишком многое меняется и становится чужим, но ББС — это одно из тех мест, куда бы я, если бы только мог, приехал бы опять, хотя бы ненадолго. Это место для меня, без сомнения, — одно из самых запомнившихся в моей жизни»;

«...А вот когда в финале фильма “Мимино” герой говорит, что хочет выпрыгнуть из самолета, я почему-то вспоминаю, что давно что-то не бывал на Белом»;

«...ББС для меня — удивительное место, с уникальной природой, которая потрясает воображение, с которой ты сливаешься полностью и чувствуешь себя ее частью. Там ты не можешь думать о плохом и недостойном. Там ты очищаешься и становишься лучше»;

«...Это значительная часть моей счастливой молодости, становления личности, обретения друзей на всю жизнь»;

«...Точно так же среда, в которой я оказался на ББС, послужила мне образцом, который я искал всюду, где бы ни оказывался впоследствии. И который я стремился создавать вокруг себя, если такая возможность появлялась».

Ностальгические воспоминания людей, посетивших ББС, являются своеобразным ориентиром, жизненной опорой спустя долгие годы. Однако человек часто может предаваться ностальгическим воспоминаниям сквозь «розовые очки», скучать по тому времени и отношениям, желать вернуться в прошлое. Это отражает еще одну особенность ностальгии, о которой уже упоминалось, — ее амбивалентность. Нередко встречается описание ностальгии как «горько-сладкого» переживания. Контент-анализ интервью также показал амбивалентность ностальгии, о чем свидетельствует, например, такое высказывание: «Многие годы это было место, где меня почти всегда рады видеть, где я полезен и мне хорошо. Увы, эти годы кончились».

Таким образом, при ответе на второй исследовательский вопрос о валентности ностальгического переживания места силы следует учитывать, что последнее не оказывает исключительно положительного влияния, например, в ситуации невозможности туда вернуться.

Т.И. Соловьева,
М.Ю. Токарев,
М.Р. Хачатурова

Ностальгическое переживание места силы (на примере Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова)

Как показывают недавние исследования, валентность ностальгического переживания места силы определяют индивидуальные различия людей. Уже упомянутые М. Прусик и М. Левика отмечают, что, несмотря на преимущественно позитивную окраску таких ностальгических переживаний, они могут представлять собой часть как адаптивных, так и неадаптивных стратегий совладания [Prusik, 2016]. С. Гарридо также акцентирует внимание на разнице между ностальгией как здоровым механизмом совладания и ностальгией, возникающей у людей со сниженной способностью к регулированию аффекта, что наблюдается, например, при депрессии. Одержимость утратой идеализированного прошлого усугубляет депрессию. Другой пример — заикленность эмигрантов на своем прошлом, которая влечет за собой неспособность к адаптации и повышение чувства изоляции. Другими словами, в ситуациях, когда уровень психологического благополучия невелик, погружение в ностальгические грезы о прошлом может привести к усилению контраста между ним и мрачной действительностью [Garrido, 2018]. Следовательно, ностальгическое переживание места силы, несмотря на свой ресурсно-восстановительный потенциал, не обладает абсолютно положительным эффектом.

В то же время ностальгия может использоваться для преодоления возникающих трудностей. В ряде исследований были продемонстрированы значимые положительные связи между склонностью к ностальгии и использованием адаптивных копинг-стратегий. Склонность к ностальгии коррелирует с сфокусированным на решении проблемы адаптивным совладающим поведением и переосмыслением стрессовой ситуации. Кроме того, благоприятный опыт детства и юности определяет эту склонность, что может быть объяснено ресурсностью данных воспоминаний для преодоления трудностей [Batcho, 2013; Wang, 2023в]. Во многих ответах респондентов нашего исследования прослеживается особая роль ББС в становлении их личности на момент событий, описываемых в интервью, возможности обрести друзей на всю жизнь, спутников жизни, приобретения ценного жизненного опыта. Все это отвечает характеристикам ББС как особого места силы, к которому стремятся вернуться как минимум на уровне ностальгических переживаний.

Ограничения исследования

Представленное исследование содержит в себе несколько ограничений. Во-первых, нами использовался только контент-анализ как единственный метод анализа данных. Несмотря на выделение категорий в соответствии с имеющимися в других исследованиях данными,

обозначение кодов анализа могло носить субъективный характер. Во-вторых, для изучения валентности ностальгического переживания места силы можно использовать количественные опросники, диагностирующие эмоциональное отношение и восприятие респондентами обозначенных событий. Наконец, большей надежности и обоснованности сделанных выводов могли бы послужить увеличение выборки исследования и рассмотрение ряда других мест силы.

* * *

Полученные результаты исследования* позволяют нам сделать следующие выводы:

- структура ностальгического переживания места силы на примере Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова включает три категории: уникальные средовые условия, значимые события, близкие люди — и при этом имеет гендерную специфику;
- установлена доминирующая положительная валентность ностальгического переживания ББС как места силы;
- ностальгическое переживание места силы может быть амбивалентным. С одной стороны, оно способствует движению вперед, поощряя размышления о прошлом и стремление в место, где трудности не раз преодолевались. С другой стороны, потенциально, в случае склонности к неадаптивным моделям мышления и заикленности на прошлом, а также невозможности вернуться в «свое» место силы, его значение в позитивном функционировании личности значительно снижается.

Полученные результаты могут иметь практическое значение в психологическом консультировании и психотерапии, а также быть востребованными в других дисциплинах, таких как урбанистика, гуманитарная и медицинская география. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение возможных терапевтических функций ностальгического переживания места силы.

Nostalgic Experience of a Place of Power (Based on the White Sea Biological Station Named After N.A. Pertsov)

Tatyana I. Solov'yeva

Research Intern of Laboratory for the Psychology of Salutogenic Environment.
National Research University Higher School of Economics.

Т.И. Соловьева,
М.Ю. Токарев,
М.Р. Хачатурова

Ностальгическое переживание места силы (на примере Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова)

* Авторы выражают благодарность А.З. Менделеву за бесценную помощь в сборе и обработке эмпирического материала, без которого исследование не могло бы состояться.

Mikhail Yu. Tokarev

Milana R. Khachaturova

Abstract. The nostalgic experience of a place of power is considered using the example of the White Sea Biological Station named after N.A. Pertsov. Number of research examining the influence of place on human behavior, development and health, as well as its resource capacity, has increased dramatically in recent decades. We tested two research questions: what is the structure of the nostalgic experience of a place of power and what valence does it have? The study respondents are aged 16–25, 10 are female and 25 are male. We used the content analysis of interview texts with the identification of categories and codes, as well as the Janis coefficient to assess the valence of the nostalgic experience of a place of power. The results of the study showed that the structure of in the nostalgic experience of a place of power using the example of the White Sea Biological Station includes three main categories, mentioned in order of importance: Unique Environmental Conditions, Significant Events and Close People. The results of the study indicate the dominant positive valence of the White Sea Biological Station as the nostalgic experience of a place of power (the Janis coefficient — 0.11) and also that the nostalgic experience of a place of power can be ambivalent. On the one hand, it promotes movement forward by encouraging reflection on the past, where difficulties have been overcome more than once. On the other hand, if a person is prone to unhealthy thinking patterns, the benefits of remembering the past are neutralized, leading to fixation on it. The research results can be used in psychological counseling and psychotherapy, as well as a part of training and programs to improve the level of personal potential and coping with difficult life situations.

Keywords: nostalgic experience, ambivalence of nostalgia, place of power, place attachment, close people, significant events, unique environmental conditions, White Sea Biological Station Named After N.A. Pertsov.

For citation: Solov'yeva T.I., Tokarev M.Yu., Khachaturova M.R. Nostalgic Experience of a Place of Power (Based on the White Sea Biological Station Named After N.A. Pertsov) // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 5. P. 29–49. DOI: 10.31857/S0236200724050029

Литература/References

Бусыгина Н.П. Качественные и количественные методы исследований в психологии. М.: Юрайт, 2019.

Busygina N.P. *Kachestvennye i kolichestvennye metody issledovaniy v psikhologii* [Qualitative and Quantitative Research Methods in Psychology]. Moscow: Yurait Publ., 2019.

Кретова Л.А. Возрастные особенности тематического и образного содержания ностальгических воспоминаний // Учен. зап. Ин-та психологии РАН. 2022. Т. 2, № 1(3). С. 20–30.

Kretova L.F. *Vozrastnye osobennosti tematicheskogo i obraznogo sodержaniya nostalgicheskikh vospominanii* [Age-related Features of the Thematic and Figurative Content of Nostalgic Memories]. *Uchenye zapiski Instituta psikhologii RAN*. 2022. Vol. 2, N 1(3). P. 20–30.

Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Резниченко С.И., Хачатурова М.Р. Дом и его обитатели: психологическое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2018.

Nartova-Bochaver S.K., Bochaver A.A., Reznichenko S.I., Khachaturova M.R. *Dom i ego obitateli: psikhologicheskoe issledovanie* [The House and Its Inhabitants: A Psychological Study]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2018.

Batcho K.I. Nostalgia: Retreat or Support in Difficult Times? *The American Journal of Psychology*. 2013. Vol. 126, N 3. P. 355–367. DOI: 10.5406/amerjpsyc.126.3.0355

Bennett J. Narrating Family Histories: Negotiating Identity and Belonging Through Tropes of Nostalgia and Authenticity. *Current Sociology*. 2015. Vol. 66. DOI: 10.1177/0011392115578984

Bonaiuto M., Albers T., Aricchio S., Cataldi S. Pride of Place in a Religious Context: An Environmental Psychology and Sociology Perspective. *The Psychology of Religion and Place*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 97–129. DOI: 10.1007/978-3-030-28848-8_6

Buttazzoni A., Ellard C., Sadiora S., Minaker L. Toward Conceptualizing “Place Immersion” As a Spatial Neuropsychological Phenomenon: A Multidisciplinary Meta-Review and Synthesis. *Journal of Environmental Psychology*. 2022. Vol. 81. DOI: 10.1016/j.jenvp.2022.101810

Cheung W., Hepper E., Reid C. et al. Anticipated Nostalgia: Looking Forward to Looking Back. *Cognition and Emotion*. 2019. Vol. 34. P. 1–15. DOI: 10.1080/02699931.2019.1649247

Cresswell T. *Place: An Introduction*. Hoboken, NJ: John Wiley and Sons, 2014.

Т.И. Соловьева,
М.Ю. Токарев,
М.Р. Хачатурова

Ностальгическое переживание места силы (на примере Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова)

- Evans G.W. The Built Environment and Mental Health. *Journal of Urban Health: Bulletin of the New York Academy of Medicine*. 2003. Vol. 80(4). P. 536–555. DOI: 10.1093/jurban/jtg063
- Farah M.J., Shera D.M., Savage J.H. et al. Childhood Poverty: Specific Associations with Neurocognitive Development. *Brain Research*. 2006. Vol. 1110(1). P. 166–174. DOI: 10.1016/j.brainres.2006.06.072
- Fredrickson B.L., Joiner T. Reflections on Positive Emotions and Upward Spirals. *Perspectives on Psychological Science*. 2018. Vol. 13(2). P. 194–199. DOI: 10.1177/1745691617692106
- Fullilove M.T. Psychiatric Implications of Displacement: Contributions from the Psychology of Place. *American Journal of Psychiatry*. 1996. Vol. 153(12). P. 1516–1523. DOI: 10.1176/ajp.153.12.1516
- Gammon S., Ramshaw G. Distancing from the Present: Nostalgia and Leisure in Lockdown. *Leisure Sciences*. 2020. Vol. 43. P. 1–7. DOI: 10.1080/01490400.2020.1773993
- Garrido S. The Influence of Personality and Coping Style on the Affective Outcomes of Nostalgia: Is Nostalgia a Healthy Coping Mechanism or Rumination? *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 120. P. 259–264. DOI: 10.1016/j.paid.2016.07.021
- Green J.D., Reid C.A., Kneuer M.A., Hedgebeth M.V. The Proust Effect: Scents, Food, and Nostalgia. *Current Opinion in Psychology*. 2023. Vol. 50. DOI: 10.1016/j.copsyc.2023.101562
- Hashemnezhad H., Heidari A.A., Mohammad H.P. “Sense of Place” and “Place Attachment”. *International Journal of Architecture and Urban Development*. 2013. Vol. 3(1). P. 5–12.
- Hepper E.G., Dennis A. From Rosy Past to Happy and Flourishing Present: Nostalgia As a Resource for Hedonic and Eudaimonic Wellbeing. *Current Opinion in Psychology*. 2023. Vol. 49. DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101547
- Kaplan R., Kaplan S. *The Experience of Nature: A Psychological Perspective*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1989.
- Knez I. Place and the Self: An Autobiographical Memory Synthesis. *Philosophical Psychology*. 2014. Vol. 27. DOI: 10.1080/09515089.2012.728124
- Krippendorff K. *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004.
- Leunissen J.M. Diamonds and Rust: The Affective Ambivalence of Nostalgia. *Current Opinion in Psychology*. 2023. Vol. 49. DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101541
- Prusik M., Lewicka M. Nostalgia for Communist Times and Autobiographical Memory: Negative Present or Positive Past? *Political Psychology*. 2016. Vol. 37 (5). P. 677–693. DOI: 10.1111/pops.12330
- Sedikides C., Cheung W.Y., Wildschut T. et al. Nostalgia Motivates Pursuit of Important Goals by Increasing Meaning in Life. *European Journal of Social Psychology*. 2018. Vol. 48(2). P. 209–216. DOI: 10.1002/ejsp.2318
- Sedikides C., Wildschut T. Nostalgia As Motivation. *Current Opinion in Psychology*. 2022. Vol. 49. DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101537
- Sedikides C., Wildschut T. The Motivational Potency of Nostalgia: The Future is Called Yesterday. *Advances in Motivation Science*. 2020. Vol. 7. P. 75–111. DOI: 10.1016/bs.adms.2019.05.001

- Srivastava E., Sivakumaran B., Maheswarappa S.S., Paul J. Nostalgia: A Review, Propositions, and Future Research Agenda. *Journal of Advertising*. 2023. Vol. 52(4). P. 613–632. DOI: 10.1080/00913367.2022.2101036
- Wang J.F. Nostalgia in Tourism. *Current Opinion in Psychology*. 2023a. Vol. 49. DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101552
- Wang Y., Sedikides C., Wildschut T. et al. Distress Prospectively Predicts Higher Nostalgia, and Nostalgia Prospectively Predicts Lower Distress. *Journal of Personality*. 2023b. Vol. 91. DOI: 10.1111/jopy.12824
- Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C. Nostalgia: Content, Triggers, Functions. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 91. P. 975–993. DOI: 10.1037/0022-3514.91.5.975
- Woodruff T.J., Axelrad D.A., Kyle A.D. et al. Trends in Environmentally Related Childhood Illnesses. *Pediatrics*. 2004. Vol. 113(3). P. 1133–1140. DOI: 10.1542/peds.113.S3.1133

Т.И. Соловьева,
М.Ю. Токарев,
М.Р. Хачатурова

Ностальгическое переживание места силы (на примере Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова)

СЕРЬЕЗНЫЙ ДОСУГ КАК СРЕДА ДЛЯ ПРОЯВЛЕНИЙ АГЕНТНОСТИ В ОПЫТЕ СТАНОВЯЩИХСЯ ВЗРОСЛЫХ

Цыганова Екатерина Михайловна — стажер-исследователь центра исследований современного детства института образования.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 101000 Москва, Потаповский пер., д. 16, стр. 10.

ORCID: 0000-0003-4945-2553

etsyganova@hse.ru

Бочавер Александра Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент департамента образовательных программ, директор центра исследований современного детства института образования.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 101000 Москва, Потаповский пер., д. 16, стр. 10.

ORCID: 0000-0001-6131-5602

abochaver@hse.ru

Статья подготовлена на основе исследования, осуществленного в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; проект «Жизненный выбор: факторы и механизмы принятия ключевых решений на разных стадиях жизненного пути».

Ерофеева Виктория Георгиевна — стажер-исследователь центра исследований современного детства института образования. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000 Москва, Потаповский пер., д. 16, стр. 10. ORCID: 0000-0003-1077-6737 verofeeva@hse.ru

*Е.М. Цыганова,
А.А. Бочавер,
В.Г. Ерофеева*
Серьезный досуг как среда для проявлений агентности в опыте становящихся взрослых

Аннотация. Рассматривается серьезный досуг как жизненная среда, значимая для развития агентности в разных возрастах. В период становящейся взрослости перед молодыми людьми встает множество вызовов, требующих от них активного совершения выборов в сферах образования, профессиональной деятельности, отношений, и важную роль здесь играет их предшествующий опыт инициативного взаимодействия со средой, на который можно опираться, принимая ответственные решения. Важной средой для проб и реализации агентности может служить сфера серьезного досуга как активности, требующей усилий и длительного вовлечения и в то же время отличающейся большой свободой действия. Осознание и интеграция опыта агентности в автобиографический нарратив могут служить основой для усложнения, дифференциации мотивационной системы личности и дальнейшего развития самодетерминации. Несмотря на широкую представленность исследований в сфере досуга, выборы, которые совершали молодые взрослые в досуговой активности, и отношение к ним еще предстоит исследовать. Для изучения проявлений агентности в серьезном досуге были собраны 24 интервью с информантами периода становящейся взрослости. Проведенный дедуктивный тематический анализ показал, что проявления агентности могут быть обнаружены на этапах инициации, реализации и прекращения серьезного досуга, где они могут быть представлены в виде инициативы, взаимодействия, осмысления событий и принятия решений, изменения и организации деятельности. Согласно анализу автобиографических нарративов, среда серьезного досуга является насыщенной и перспективной для проявлений агентности в разных возрастах.

Ключевые слова: становящаяся взрослость, жизненные выборы, автобиографический нарратив, серьезный досуг, спорт, творчество, агентность, инициатива.

Ссылка для цитирования: Цыганова Е.М., Бочавер А.А., Ерофеева В.Г. Серьезный досуг как среда для проявлений агентности в опыте становящихся взрослых // Человек. 2024. Т. 35, № 5. С. 50–74. DOI: 10.31857/S0236200724050037

Становящаяся взрослость — это период перехода от подросткового возраста ко взрослости, захватывающий ориентировочно временной промежуток от 18 до 29 лет [Arnett, 2000], который характеризуется как ощущение нестабильности, сосредоточенность на себе и исследование своей идентичности [Arnett, 2023]. В это время молодые люди совершают многочисленные выборы, связанные с образовательной и профессиональной траекторией, переездами и близкими отношениями [Nelson, 2021; Mikhaylova, 2024]. Подобные выборы оказывают серьезное влияние на их дальнейший жизненный путь, благополучие и успешность. В этой связи особенно важно, в какой мере выборы совершаются с опорой на личные мотивы и предпочтения — как проявление агентности (в противовес совершению действий под давлением или в соответствии с социальной желательностью). С точки зрения проектирования дальнейшего жизненного пути большой интерес вызывает тот опыт агентных действий, который уже имеется у молодежи к этому времени, отрефлексирован и может служить опорой для совершения дальнейших выборов и принятия решений.

Агентность предполагает ответственность человека за происходящие с ним события, авторство собственной жизни, управление собой [Сорокин, 2021]. Во взаимодействии со средой она может быть выражена по-разному — как проактивное подстраивание (агентность в таком случае проявляется скорее в сопротивлении вызовам, нежели в трансформирующем среду действии); подстраивание под средовые требования и некоторое изменение среды (осмысленность деятельности, саморегуляция, стремление к независимости, инновационное поведение); преимущественно проактивное изменение среды (например, в случае предпринимательства и трансформационного лидерства) [там же].

Пространство дополнительного образования является насыщенной средой обучения разнообразным, в том числе агентным, практикам [Зенкин, 2023], однако его роль редко обсуждается за пределами образовательной траектории в контексте возраста появляющейся взрослости. Свободное время, досуг ребенка также оказываются важнейшим контекстом освоения навыков; зачастую они трудно различимы с дополнительным образованием — например, появился термин «эдьютейнмент» (edutainment), объединяющий образование (education) и развлечение (entertainment) [Граус, 2021].

Данное исследование посвящено вопросу о том, как агентность может проявляться в выборах, совершаемых в сфере так называемого серьезного досуга (СД), на основе анализа автобиографических нарративов становящихся взрослых и с опорой на теорию

самодетерминации и концепцию агентности [Ryan, 2009; Сорокин, 2021].

Серьезный досуг как среда для проявлений агентности

Досуг бывает сложно определить, зачастую его понимают как факкультативную активность, не подлежащую социальной оценке и потому совершаемую в условиях сниженного негативного напряжения [Stebbins, 1997]. Он субъективно дополняет и обогащает жизнь [Kelly, 2020], связан с удовлетворением потребностей в автономии и компетентности [Bhavsar, 2020], удовлетворенностью качеством жизни [Brajša-Žganec, 2011], высоким субъективным и духовным благополучием [Kuykendall, 2015; Heintzman, 2022]. С точки зрения системного подхода досуг — это тот «запасной», или «лишний», элемент системы, благодаря которому она развивается [Von Bertalanffy, 1958].

Досуг включает участие в социальных и культурных мероприятиях, творческую и спортивную активность [Scott, 1998], отдых дома и на свежем воздухе [Iso-Ahola, 1994], потребление информации из СМИ, различные хобби [Lloyd, 2002]. Обычно досуг мотивирован внутренне и приносит удовольствие [Daily, 2018], однако он может существенно различаться по количеству прикладываемых усилий. Так, Р. Стеббинс разделяет две формы досуга. СД, в отличие от «несерьезного» досуга, подразумевает значимую для самоопределения человека деятельность, для получения удовольствия от которой и удовлетворения потребностей в автономии и компетентности требуется определенный уровень мастерства [Stebbins, 2006; 2020]. Например, к СД относятся спортивные занятия, волонтерство, творческая активность и не относятся чтение, просмотр телевизора, прослушивание музыки.

Поскольку СД требует усилий, связан с самоопределением и определенными рисками, предположительно он представляет собой значимую среду совершения выборов, требующую выносливости и инициативности. С позиции агентности человек, обладая потенциалом действия в каждую секунду своего бытия [Epshtein, 2019], постоянно сталкивается с возможностями для самодетерминации и делает выборы в построении собственной жизни в различных ситуациях развития [Леонтьев, 2011], что может проявляться и в сфере СД, оказывающей влияние в том числе на дальнейшую профессиональную траекторию [Denault, 2019]. Проявления агентности при их осознании и интеграции в автобиографический нарратив могут служить основой для

Е.М. Цыганова,
А.А. Бочавер,
В.Г. Ерофеева

Серьезный досуг как среда для проявлений агентности в опыте становящихся взрослых

усложнения, дифференциации мотивационной системы личности и дальнейшего развития самодетерминации.

СД в совмещении с другими сферами жизни также может создавать новые вызовы, требующие проявления агентности у становящихся взрослых: молодым людям приходится совмещать досуг с учебой, например, в университете [Van Rens, 2019], находить при этом время на романтические отношения, общение и карьеру. Иногда молодые люди жертвуют досугом ради академических успехов [Holding, 2020] или, не умея совместить досуг с более значимыми жизненными задачами (такими, как семья и карьера), откладывают его до более подходящего времени (например, до выхода на пенсию) [Freund, 2020]. Подобные решения требуют затрат ресурсов и инициативы в их реализации. Таким образом, и сама среда СД, и СД в контексте иной деятельности могут создавать условия для проявления агентности.

Авторство жизни и личный нарратив

Осмысление себя может происходить посредством рассказывания истории о себе (личного нарратива). Так, в концепции, предложенной Д. Мак-Адамсом, нарративная идентичность — это представление человека о себе, которое принимает форму истории [McAdams, 1996]. В ней присутствуют герои, сцены, сеттинг, сценарий и тема. Одни значимые события, жизненные выборы, яркие удачные и неудачные ситуации подвергаются когнитивному контролю и попадают в историю «о себе», другие — пересматриваются и перерабатываются восприятием, третьи — и вовсе остаются неиспользованными в автобиографическом нарративе. Выбор и дальнейшее погружение в СД являются интенсивным жизненным опытом, требующим усилий, приносящим эмоции, влияющим на самоопределение, в связи с чем обладают потенциалом быть отобранными в нарратив «о себе». Кроме того, досуг может быть представлен не только в истории о прошлом, но и в образах возможного — в планируемых выборах. «Возможное Я» понимается как представление индивида о том, каким он хотел бы стать, мог бы стать или боится стать в будущем [Василевская, 2016]. При этом не всегда «возможное Я» оказывается связанным с реализацией действий в итоге [Гришутина, 2019], и в этой сфере у становящихся взрослых может образоваться дополнительное поле трудностей.

Ранее в исследованиях, посвященных досуговой активности, приоритет отдавался изучению результата выборов (в пользу какого-либо вида досуговой активности или отказа от нее) [Iso-Ahola, 1994; Holding, 2020; Houlfort, 2022], однако проявления

агентности в отношении собственной среды СД изучены недостаточно. Таким образом, цель нашего исследования — проанализировать, как через выборы в среде СД реализуется агентность становящихся взрослых. Задачей исследования является изучение характера проявления агентности в СД. При этом нами поставлен исследовательский вопрос: как агентность проявляется в выборах, совершенных и планируемых быть совершенными в сфере СД?

Методы и процедура исследования

Для ответа на поставленный исследовательский вопрос были проведены и проанализированы интервью, посвященные значимым выборам становящихся взрослых в более широком контексте. Гайд интервью (см. *приложение 1*) был составлен на основе литературы по теме выборов в период молодости [McAdams, 1996]; он включал нарративную часть, где информант рассказывал о своих ключевых выборах в течение жизни до сегодняшнего дня, и часть с указанием выборов в жизненных сферах и сложностью их свершения (где 10 — очень сложно сделать выбор, 1 — очень просто). Завершалось интервью вопросом о планируемых выборах в течение следующих 10 лет жизни информанта.

Все интервью с информантами проводились онлайн в августе — октябре 2022 года. Выборка была спланирована с учетом возраста и пола информантов. В социальных сетях университета, где работают авторы данной статьи, было размещено объявление о поиске заинтересованных лиц для участия в проекте, содержащее краткое описание проекта, предложение оставить свои контакты и ряд вопросов о возрасте, поле и пр. Была собрана база потенциальных информантов, из которой затем были отобраны 12 женщин и 12 мужчин, проживающих в крупных и небольших населенных пунктах России.

Обработка интервью производилась в программе MaxQDA2022 методом дедуктивного тематического анализа [Fereday, 2006]. Первоначальные темы для анализа включали низкую, среднюю и высокую агентность. Внутри тем были выделены подтемы, касающиеся инициации, реализации и завершения СД. Внутри каждой из подтем выделялись коды на основе анализа текста, приведенные в кодировочной таблице (*приложение 2*).

Результаты и их обсуждение

В свободном рассказе о собственной жизни информанты обозначали выборы, касающиеся всех трех этапов СД (инициация,

Е.М. Цыганова,
А.А. Бочавер,
В.Г. Ерофеева

Серьезный досуг как среда для проявления агентности в опыте становящихся взрослых

■■■■■■■■■■ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДО- ВАНИЯ ■■■■■■■■■■

реализация / переход / отказ от перехода в профессиональную сферу, завершение). В табл. 1 приводятся данные об информантах и их опыте СД.

Табл. 1. Распределение информантов по типу СД

Данные об информантах (пол, возраст, место проживания)	Вид СД и его продолжительность
Мужчина, 19 лет, Москва	Олимпиадная философия (4 года)
Мужчина, 19 лет, Ростов-на-Дону	Теннис (10 лет)
Мужчина, 19 лет, Ростов-на-Дону	Творчество (ок. 2 лет), участие в конкурсе (менее 1 года)
Женщина, 25 лет, Тула	Школа изобразительных искусств (4 года)
Женщина, 23 года, Тула	Танцы (ок. 3 лет), музыкальная школа (5 лет)
Женщина, 23 года, Сочи	Настольный теннис (ок. 5 лет), рукоделие (ок. 5 лет)
Мужчина, 24 года, Москва	Компьютерные игры (5 лет), теннис (ок. 5 лет), шахматы (ок. 5 лет), танцы (ок. 5 лет), сочинение стихов (1 год)
Мужчина, 23 года, Москва	Бокс (менее 1 года)
Мужчина, 24 года, Москва	Волонтерство, футбол, настольный теннис
Женщина, 18 лет, Ростов-на-Дону	Баскетбол (полгода), спортивный туризм, легкая атлетика, организация квестов (1 год)
Женщина, 19 лет, Ростов-на-Дону	Ушу (1 год), танцы (2 года)
Женщина, 19 лет, Ростов-на-Дону	Синхронное плавание (1 год), легкая атлетика
Женщина, 21 год, Москва	Танцы (2 года)
Женщина, 20 лет, Москва	Музыкальная школа (7 лет)
Женщина, 20 лет, Москва	Танцы (10 лет), рукоделие (10 лет), спорт (10 лет), волонтерская деятельность (5 лет)
Женщина, 25 лет, Москва	Цирковая студия (5 лет)
Женщина, 25 лет, Москва	Плавание (5 лет), бальные танцы (5 лет), хор (5 лет), карате (3 года)
Женщина, 24 года, Москва	Стрижка волос (2 года, затем переход в профессиональную сферу)

Продолжение табл. 1	
Данные об информантах (пол, возраст, место проживания)	Вид СД и его продолжительность
Мужчина, 25 лет, Уфа	Плавание (4 года)
Мужчина, 24 года, Тула	Театр (до 18 лет), политика – волонтерство (4 года)
Мужчина, 23 года, Ростов-на-Дону	Посещение спортзала, бег, серфинг
Мужчина, 20 лет, Ростов-на-Дону	Танцы (5–6 лет), программирование (с 4–5-го класса, затем переход в профессиональную сферу)
Мужчина, 21 год, Ростов-на-Дону	Фотография (ок. 2 лет), гитара (3 года), сочинение стихов (1 год)
Мужчина, 21 год, Ростов-на-Дону	Компьютерные игры (3 года)

Е.М. Цыганова,
А.А. Бочавер,
В.Г. Ерофеева

Серьезный до-
суг как среда
для проявле-
ний агентности
в опыте становя-
щихся взрослых

Инициация СД. Низкая агентность в инициации СД присутствовала при описании детских опытов, где требовались одобрение и помощь родителя, чтобы записаться на занятия, или родители сами записывали детей на занятия, или преподаватели сами вовлекали обучающихся в СД. Здесь речь идет не о низком или высоком уровне агентности в дошкольном возрасте, а о том, что этот период в актуальном автобиографическом нарративе может характеризоваться воспоминаниями о собственной активности, инициативности, энергичности или о пассивности, подчинении родительским выборам: *«Родители меня также, говоря о самостоятельности, все время куда-то записывали, на какие-то кружки»* (мужчина, 25 лет, Уфа); *«Всех учеников старались задействовать, меня и одноклассницу предлагали ведущими везде... Ничего такого выбирать не приходилось, но все, что давали, я старалась брать»* (женщина, 24 года, Москва).

Средняя агентность в инициации СД проявлялась в желании активности, уговорах родителей отвести на секцию и поиске их одобрения: *«На тот момент я безумно любила мультик “Кунг-фу панда”, и я выбрала секцию боевых искусств, она называлась “Ушу, Кунг-фу”, и родители записали меня в эту секцию»* (женщина, 25 лет, Москва).

Родители, несмотря на желание и просьбу ребенка, могли поставить ультиматум, с которым приходилось считаться: *«Мама решила сделать так, что если я хочу играть на гитаре, то я должен поступить в музыкальную школу. А так как я очень сильно хотел играть на этом инструменте, мне пришлось сдаться»* (мужчина, 19 лет, Ростов-на-Дону).

Высокая агентность в инициации СД проявлялась в независимом от других выборе активности и подключении к ней, стремлении к повышению мастерства или самостоятельному созданию своего досуга. Обычно агентность упоминалась информантами начиная с воспоминаний о подростковом возрасте (средние и старшие классы в школе, университетские годы): *«В седьмом классе где-то у меня появилась такая мечта, я захотела стать парикмахером. Я начинала в этом как-то немножечко пробовать себя, на сестре тренировалась, какие-то косы плела, прически делала»* (женщина, 25 лет, Москва).

На этапе инициации СД взаимодействие со средой в случае средней и слабой агентности скорее реактивно, в то время как при высокой агентности поведение информанта носит трансформирующий характер: решение о начале занятий исходит из личных побуждений, а далее среда для реализации СД становится доступной в результате усилий информанта.

Реализация СД. Низкая агентность в реализации СД отражается в приспособлении и адаптации к условиям среды: информанты действуют под давлением, мотивированы извне, придают мало значения этому опыту и в свободно рассказанном нарративе стремятся его пропустить. Часто слабая агентность характеризует реализацию той активности, которую информант впоследствии решает прекратить: *«Мама была не против, я ходила, ходила, а потом мне уже надоело»* (женщина, 18 лет, Ростов-на-Дону).

При среднем уровне агентности в реализации СД информанты подстраиваются под ограничения и правила среды, однако находят возможности для проявления инициативы через коммуникацию с педагогами и тренерами: *«У нас была такая преемственность поколений — были номера, которые уже несколько лет были и в которых просто менялись участники, а концепция номеров оставалась той же. Но была возможность какие-то элементы себе добавлять. Я что-то сама там придумывала, и уже тренер смотрел, в какой номер мы можем это вставить»* (женщина, 25 лет, Москва).

Высокий уровень агентности присутствует, когда информанты берут полную ответственность за осуществление СД и организацию его среды: *«Я стал как бы топ-1 в этой игре, и я так подумал: ничего себе, если я так могу, если, усердно работая, я могу стать крутым тут, то я могу стать крутым и в других вещах. ...И главное, что я получил реальный практический опыт, — я и создавал группу, и вел блог, и организовывал турниры»* (мужчина, 24 года, Москва).

Досуг со средней и высокой агентностью в реализации характеризуется преимущественно как источник удовольствия и способ развития характера: *«Если рассматривать мое детство и среду, в которой я росла, то было много разных выборов. Например, та*

же лепка, фигурки из гипса. Хотела делать — пожалуйста, вот еще гипс, делай, хотела лепить из глины — пожалуйста, глина, лепи. Это мелкие выборы, но за счет них и того, что мне не за-прещали следовать за интересами, это сформировало меня очень сильно в текущей деятельности» (женщина, 25 лет, Тула).

Прекращение СД. Низкая агентность в прекращении СД может описываться как то, что происходит с отсутствием внутренней мотивации и под влиянием других людей, составляющих среду СД, — тренеров, педагогов, родителей: «Танцы потом закрылись, у нас там педагог ушел, остались только теннис и шахматы» (мужчина, 24 года, Москва).

Средняя агентность выражается в том, что информант не только подчиняется среде, но и реализует свои интересы в момент завершения СД: «Возможно, я побоялась чего-то серьезного и профессионального. Потому что, как будто, вот если я сделаю этот выбор, позже я не смогу уйти куда-то, у меня будет колея, по которой я должна идти» (женщина, 23 года, Сочи).

Информанты с высокой агентностью завершают активность СД, полагаясь на собственные желания и видение того, как они хотят построить свою жизнь; характеристики среды в данном случае не являются ключевыми: «За всю свою жизнь попробовала очень много разного спорта и поняла, что мне нравится делать. Когда я начала заниматься легкой атлетикой, я поняла, что я люблю бегать, но мне нравится только бегать, например. Мне не нравится все остальное, что мы делали. И я просто занимаюсь для себя» (женщина, 19 лет, Ростов-на-Дону).

Е.М. Цыганова,
А.А. Бочавер,
В.Г. Ерофеева
Серьезный до-
суг как среда
для проявле-
ний агентности
в опыте становя-
щихся взрослых

Табл 2. **Выраженность агентности на трех этапах СД**

Выражен- ность агентности / этапы СД	Агентность		
	низкая	средняя	высокая
Инициация	Инициация под влиянием окружения, родителей (8)	Внутренний интерес, просьба родителей начать заниматься СД, внедрение в существующую среду (12)	Полный контроль над средой, самостоятельное создание досугового пространства / самостоятельная запись на секции, внутренний интерес в инициации (13)

Продолжение табл. 2			
Выражен- ность агентности / этапы СД	Агентность		
	низкая	средняя	высокая
Реализация	Приспособление к условиям СД (4)	Некоторое проявление инициативности в совмещении с ограничениями тренера, характера СД (7)	Свобода в осуществлении и составлении структуры СД (7)
Прекра- щение	Прекращение под влиянием среды и людей, находящихся в ней (6)	Личная заинтересован- ность, возможно некоторое давление извне, которое вынуждает подчиняться. Среда СД может отчасти влиять на выбор покинуть активность (2)	Внутреннее желание, среда СД не имеет значения при уходе из деятельности (6)

Примечание. В скобках приведено количество кодов.

Серьезный досуг среди будущих выборов

Серьезная досуговая активность в предстоящих выборах упоминается относительно нечасто и строится вокруг планирования занятий спортом и физической активностью (2), волонтерства (3), игры на музыкальных инструментах (1), продолжения занятий любимым делом для себя (1) и переориентирования досуга в профессию (1)*. При этом все информанты, упоминающие досуговую активность в будущих выборах, уже имели опыт вовлеченности в нее в прошлом. Среди упоминающих СД как перспективу два информанта сетуют о том, что раньше им не занимались. Один из них (женщина, 18 лет, Ростов-на-Дону) сожалеет об уходе из спорта и хочет к нему вернуться. Таким образом, агентная позиция выходит за пределы СД и оказывается направленной на интеграцию СД в образ жизни, а не на выбор конкретного СД. Другой информант (женщина, 25 лет, Тула) хочет уйти с работы и профессионально заняться творчеством,

* В скобках указано количество кодов.

являющимся ее хобби на настоящий момент. Агентность во взаимодействии со средой у молодежи предстает как самостоятельное регулирование деятельности и полное управление СД: *«Хочется больше творчеством заниматься; может быть, это будет какой-то выбор в пользу отказа от офисной работы на какое-то время, может быть — уход в самозанятость, именно в творческую профессию. Я понимаю, что на самом деле вся энергия у меня там, и когда я забываю заниматься творчеством, я начинаю страдать от этого»* (женщина, 24 года, Москва).

Два других информанта, упоминающих СД в предстоящих выборах, отмечают этот опыт как удачный выбор. Первый информант (женщина, 20 лет, Москва) сообщает о желании перейти на более ответственную роль в своей волонтерской деятельности, то есть расширить агентность в реализации с СД, а второй (мужчина, 25 лет, Уфа) — аргументирует вовлеченность в спорт улучшением качества своего здоровья, что может отражать метапозицию по отношению к СД как к площадке для удовлетворения иных значимых целей: *«В конце года будет достроен бассейн, и я все чаще буду ходить и улучшу качество своего здоровья»*.

Имеет место и такой случай: информант (женщина, 25 лет, Москва) в предстоящих выборах планирует участие в волонтерской деятельности за рубежом с целью переезда за границу, отмечая гимнастику и в удачных, и в неудачных выборах, что не складывается в последовательную картину развития СД.

Итак, хотя выборы в сфере досуговой активности в будущем нечасто появляются в перспективе молодых людей по сравнению с иными сферами (карьерное развитие, смена места жительства, построение семьи), их описания маркируют усиление ответственности в существующей активности или открытие новых перспектив и возможностей (поддержание здоровья, возможность выезда за рубеж).

Сложность совершения выбора досуговой активности

Такой показатель, как сложность совершения выбора в досуговой активности, в среднем оценивается информантами на 2,92 из 10. При этом информанты описывают сами выборы как легкие по принятию решения, но сложные из-за совмещения СД с другими видами деятельности или необходимости начать что-то новое, быть открытыми опыту. Только один информант оценивает сложность выбора СД на 10, что обусловлено вынужденным сопутствующим выбором стиля жизни — это, по его мнению, возможно только через анализ и изменение собственных нравственных ориентиров. Следовательно,

Е.М. Цыганова,
А.А. Бочавер,
В.Г. Ерофеева

Серьезный досуг как среда для проявления агентности в опыте становящихся взрослых

трудными выборы в сфере СД делают не действия по отношению к самому досугу, не решения и даже не проявление агентности внутри среды СД, а то, что выходит за ее пределы и требует интеграции сфер жизни, переноса агентности на другие контексты и выстраивания более целостного автобиографического нарратива.

* * *

Применение концепта агентности к теме выборов в среде СД позволяет выделить три этапа СД, на которых агентность может проявляться по-разному, — инициация СД, собственно реализация, прекращение СД. Выделены и описаны слабый, средний и высокий уровни проявления агентности на этих этапах. Для воспоминаний о дошкольном детстве и возрасте младших школьников типичны невысокие проявления агентности в инициации СД, обусловленные необходимостью медиации со стороны родителей. Высокая агентность в инициации СД встречается в описаниях выборов начиная с подросткового возраста, она включает самостоятельную запись в кружок или полностью самостоятельную организацию СД.

Слабая агентность в реализации СД в основном сочетается с инициативой взрослых и впоследствии приводит к выбору прекращения активности (требующему роста агентности). СД со средней и высокой агентностью в реализации характеризуется преимущественно как приносящий удовольствие за счет реализации малых выборов, а также способствующий развитию характера, что соответствует исследованиям, которые показывают роль СД в формировании идентичности [Snelgrove, 2015; Rathunde, 2017; Padilla-Walker, 2010].

Для проявлений агентности важна структура деятельности: если СД реализуется самостоятельно, без надзора тренера, это обстоятельство позволяет проявить большую инициативу; если досуг реализуется в секции с педагогом или тренером, возможности для проявления агентности оказываются ограниченными [Doistua, 2020; Fraguera-Vale, 2020]. В нашем исследовании прекращение СД связано с давлением педагогов, родителей, внешних событий или с личной заинтересованностью в завершении активности.

Досуговая активность нечасто появляется в будущих выборах молодых людей по сравнению с другими сферами жизни; в перспективе вовлеченность в СД связана с усилением ответственности в нем или увлечением новым делом. Описание подобных перспектив соответствует характеристикам становящейся взрослости как периода, для которого характерно стремление проектировать свою жизненную траекторию и развивать активную позицию по отношению к будущему [Arnett, 2023]. Субъективная

сложность осуществления выборов в сфере СД связана с интеграцией разных форм активности в собственный образ жизни, что соответствует предшествующим исследованиям [Van Rens, 2019].

Новизна настоящего исследования состоит в том, что рамка агентности дает возможность рассмотреть среду СД не как контекст развития отдельных навыков, а как пространство приобретения опытов агентности, включающих инициацию, осуществление и прекращение деятельности. Осмысление таких опытов может вносить весомый вклад в развертывание автобиографического нарратива, развитие самодетерминации и повышение чувства авторства в отношении своей жизни, что особенно важно в контексте серьезных внешних стрессов. Ограничения исследования могут быть связаны с предвзятостью припоминания (recall bias) [Blome, 2015], социальной желательностью, а также добровольным участием в исследовании.

СД предоставляет свободу для творчества, самовыражения и совершения выборов, что особенно важно в период становящейся взрослости, — можно сказать, что среда СД является насыщенной и перспективной для проявлений агентности. Среди перспектив исследования можно обозначить вопрос о переносе опыта агентности со среды СД на другие жизненные сферы и более подробное исследование роли опыта СД в развитии активной, агентной позиции становящихся взрослых в отношении своей жизни.

Serious Leisure As a Medium for Expressions of Agency in the Experience of Emerging Adults

Ekaterina M. Tsyganova

Research Intern of the Modern Childhood Research Centre, Institute of Education.

National Research University Higher School of Economics.

16, Build. 10 Potapovsky Lane, Moscow 101000, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-4945-2553

etsyganova@hse.ru

Alexandra A. Bochaver

CSc in Psychology, Associate Professor of the Department of Educational Programmes, Director of the Modern Childhood Research Centre, Institute of Education.

National Research University Higher School of Economics.

16, Build. 10 Potapovsky Lane, Moscow 101000, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-6131-5602

abochaver@hse.ru

Victoria G. Yerofeeva

Research Intern of the Modern Childhood Research Centre, Institute of Education.

*Е.М. Цыганова,
А.А. Бочавер,
В.Г. Ерофеева*

Серьезный досуг как среда для проявлений агентности в опыте становящихся взрослых

National Research University Higher School of Economics.
 16, Build. 10 Potapovsky Lane, Moscow 101000, Russian Federation.
 ORCID: 0000-0003-1077-6737
 verofeeva@hse.ru

Abstract. The serious leisure is considered as a living environment that is important for the development of agency at different ages. In the period of growing up, young people face many challenges that require them to actively make choices in the fields of education, profession, and relationships, and their previous experience of proactive interaction with the environment plays an important role, which can be relied upon when making responsible decisions. An important environment for the trial and implementation of agency can be the sphere of serious leisure as an activity that requires effort and long-term involvement and at the same time is characterized by great freedom of action. Awareness and integration of the experience of agency in the autobiographical narrative can serve as a basis for the complication and differentiation of the motivational system of the individual and further development of self-determination. Despite the wide representation of leisure studies, the choices made by young adults in leisure activities and attitudes towards them have yet to be explored. To study the manifestations of agency in serious leisure, 24 interviews with informants from the period of growing up were collected. The conducted deductive thematic analysis showed that the manifestations of agency can be found at the stages of initiation, implementation and termination of serious leisure, where they can be presented in the form of initiative, interaction, comprehension of events and decision-making, changes and organization of activities. The analysis of autobiographical narratives shows that the environment of serious leisure is saturated and promising for manifestations of agency at different ages.

Keywords: emerging adulthood, life choices, autobiographical narrative, serious leisure, sport, creativity, agency, initiative.

For citation: Tsyganova E.M., Bochaver A.A., Yerofeeva V.G. Serious Leisure As a Medium for Expressions of Agency in the Experience of Emerging Adults // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 5. P. 50–74. DOI: 10.31857/S0236200724050037

Литература/References

Василевская Е.Ю., Молчанова О.Н. Возможные Я: обзор зарубежных исследований // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. Т. 13, № 4. С. 801–815.

Vasilevskaya E.Ju., Molchanova O.N. Vozmozhnye Ja: obzor zarubezhnykh issledovaniy [Possible Self: A Review of Foreign Studies]. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2016. Vol. 13, N 4. P. 801–815.

Граус Г., Косарецкий С.Г., Кудрявцева А.А. и др. Эдьютейнмент-центры как образовательный феномен. Кейс Кидзании // *Вопр. образования*. 2021. № 2. С. 243–260. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-243-260

Graus G., Kosareckii S.G., Kudryavtseva A.A. et al. Ehd'yuteinment-centry kak obrazovatel'nyi fenomen. Keis Kidzanii [Edutainment Centres As an

- Educational Phenomenon. The Case of Kidzania]. *Educational Studies*. 2021. N 2. P. 243–260. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-243-260
- Гришутина М.М., Костенко В.Ю. Возможное и невозможное «я»: уточнение конструкторов // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Психология. 2019. Т. 9, № 3. С. 268–279. DOI: 10.21638/spbu16.2019.304
- Grishutina M.M., Kostenko V.Yu. Vozmozhnoe i nevozmozhnoe «ya»: utochnenie konstruktorov [The Possible and Impossible Self: Clarifying Constructs]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*. 2019. Vol. 9, N 3. P. 268–279. DOI: 10.21638/spbu16.2019.304
- Зенкин М.А., Иванов И.Ю., Остапенко Е.С. Профессия или развитие: потенциал, подходы и модели отраслевого дополнительного образования детей в России. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023.
- Zenkin M.A., Ivanov I.Yu., Ostapenko E.S. Professiya ili razvitiye: potentsial, podhody i modeli otraslevogo dopolnitel'nogo obrazovaniya detei v Rossii [Profession or Development: Potential, Approaches and Models of Sectoral Supplementary Education for Children in Russia]. Moscow: National Research University Higher School of Economics Publ., 2023.
- Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вopr. психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
- Leont'ev D.A. Novye orientiry ponimaniya lichnosti v psikhologii: ot neobhodimogo k vozmozhnomu [New Benchmarks for Understanding Personality in Psychology: From the Necessary to the Possible]. *Voprosy psikhologii*. 2011. N 1. P. 3–27.
- Сорокин П.С., Зыкова А.В. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 216–241. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1858
- Sorokin P.S., Zyкова A.V. “Transformiruyushchaya agentnost” kak predmet issledovaniy i razrabotok v XXI veke: obzor i interpretatsiya mezhdunarodnogo opyta [“Transformative Agency” As a Subject of Research and Development in the 21st Century: A Review and Interpretation of International Experience]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye pereмены*. 2021. N 5. P. 216–241. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1858
- Arnett J.J. Emerging Adulthood: A Theory of Development from the Late Teens Through the Twenties. *American Psychologist*. 2000. Vol. 55, N 5. P. 469. DOI: 10.1037/0003-066X.55.5.469
- Arnett J.J. *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties*. 3rd ed. New York: Oxford University Press, 2023.
- Bhavsar N., Bartholomew K.J., Qusted E. et al. Measuring Psychological Need States in Sport: Theoretical Considerations and a New Measure. *Psychology of Sport and Exercise*. 2020. Vol. 47. DOI: 10.1016/j.psychsport.2019.101617
- Blome C., Augustin M. Measuring Change in Quality of Life: Bias in Prospective and Retrospective Evaluation. *Value in Health*. 2015. Vol. 18, N 1. P. 110–115. DOI: 10.1016/j.jval.2014.10.007
- Brajša-Žganec A., Merkaš M., Šverko I. Quality of Life and Leisure Activities: How do Leisure Activities Contribute to Subjective Well-Being? *Social Indicators Research*. 2011. Vol. 102. P. 81–91. DOI: 10.1007/s11205-010-9724-2
- Е.М. Цыганова,
А.А. Бочавер,
В.Г. Ерофеева
Серьезный досу-
г как среда
для проявле-
ний агентности
в опыте становя-
щихся взрослых

- Daily L.Z. Towards a Definition of “Hobby”: An Empirical Test of a Proposed Operational Definition of the Word Hobby. *Journal of Occupational Science*. 2018. Vol. 25, N 3. P. 368–382. DOI: 10.1080/14427591.2018.1463286
- Denault A.S., Ratelle C.F., Duchesne S., Guay F. Extracurricular Activities and Career Indecision: A Look at the Mediating Role of Vocational Exploration. *Journal of Vocational Behavior*. 2019. Vol. 110. P. 43–53. DOI: 10.1016/j.jvb.2018.11.006
- Doistua J., Lazcano I., Madariaga A. Self-Managed Leisure, Satisfaction, and Benefits Perceived by Disabled Youth in Northern Spain. *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00716
- Epshtein M.N. *The Philosophy of Possible: Thinking and Culture Modalities*. Leiden: Brill Rodopi, 2019.
- Fereday J., Muir-Cochrane E. Demonstrating Rigor Using Thematic Analysis: A Hybrid Approach of Inductive and Deductive Coding and Theme Development. *International Journal of Qualitative Methods*. 2006. Vol. 5, N 1. P. 80–92. DOI: 10.1177/160940690600500107
- Fraguela-Vale R., Varela-Garrote L., Carretero-García M., Peralbo-Rubio E.M. Basic Psychological Needs, Physical Self-Concept, and Physical Activity Among Adolescents: Autonomy in Focus. *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11.
- Freund A.M. The Bucket List Effect: Why Leisure Goals are Often Deferred Until Retirement. *American Psychologist*. 2020. Vol. 75, N 4. P. 499. DOI: 10.1037/amp0000617
- Holding A.C., St-Jacques A., Verner-Filion J. et al. Sacrifice — but at what Price? A Longitudinal Study of Young Adults’ Sacrifice of Basic Psychological Needs in Pursuit of Career Goals. *Motiv Emot*. 2020. Vol. 44, N 1. P. 99–115. DOI: 10.1007/s11031-019-09777-7
- Houliort N., Cécire P., Koestner R., Verner-Filion J. Managing the Work-Home Interface by Making Sacrifices: Costs of Sacrificing Psychological Needs. *Motivation and Emotion*. 2022. Vol. 46, N 5. P. 658–671. DOI: 10.1007/s11031-022-09971-0
- Iso-Ahola S.E., Jackson E., Dunn E. Starting, Ceasing, and Replacing Leisure Activities over the Life-Span. *Journal of Leisure Research*. 1994. Vol. 26, N 3. P. 227–249. DOI: 10.1080/00222216.1994.11969958
- Kelly C.M., Strauss K., Arnold J., Stride C. The Relationship Between Leisure Activities and Psychological Resources that Support a Sustainable Career: The Role of Leisure Seriousness and Work-Leisure Similarity. *Journal of Vocational Behavior*. 2020. Vol. 117. DOI: 10.1016/j.jvb.2019.103340
- Kuykendall L., Tay L., Ng V. Leisure Engagement and Subjective Well-Being: A Meta-Analysis. *Psychological Bulletin*. 2015. Vol. 141, N 2. P. 364. DOI: 10.1037/a0038508
- Lloyd K.M., Auld C.J. The Role of Leisure in Determining Quality of Life: Issues of Content and Measurement. *Social Indicators Research*. 2002. Vol. 57, N 1. P. 43–71.
- McAdams D.P., Hoffman B.J., Day R., Mansfield E.D. Themes of Agency and Communion in Significant Autobiographical Scenes. *Journal of Personality*. 1996. Vol. 64, N 2. P. 339–377. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1996.tb00514.x
- Mikhaylova O., Bocharov A., Yerofeyeva V. Education, Relationships, and Place: Life Choices in the Narratives of University Master Students. *Frontiers in Psychology*. 2024. Vol. 15. P. 1232370. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1232370
- Nelson L.J. The Theory of Emerging Adulthood 20 Years Later: A Look at Where It Has Taken Us, What We Know Now, and Where We Need to Go. *Emerging Adulthood*. 2021. Vol. 9, N 3. P. 179–188. DOI: 10.1177/2167696820950

- Padilla-Walker L.M., Nelson L.J., Carroll J.S., Jensen A.C. More Than a Just a Game: Video Game and Internet Use During Emerging Adulthood. *Journal of Youth and Adolescence*. 2010. Vol. 39. P. 103–113. DOI: 10.1007/s10964-008-9390-8
- Rathunde K., Isabella R. Play, Flow, and Tailoring Identity in Middle Adulthood. *Identity Flexibility During Adulthood: Perspectives in Adult Development*. 2017. Sept. P. 211–232.
- Ryan R., Williams G., Patrick H., Deci E. Self-Determination Theory and Physical. *Hellenic Journal of Psychology*. 2009. Vol. 6, N 2. P. 107–124.
- Scott D., Willits F. Adolescent and Adult Leisure Patterns: A Reassessment. *Journal of Leisure Research*. 1998. Vol. 30. P. 319–330.
- Snelgrove R. Youth with Chronic Illness Forming Identities Through Leisure. *Journal of Leisure Research*. 2015. Vol. 47, N 1. P. 154–173. DOI: 10.1080/00222216.2015.11950355
- Stebbins R.A. Casual Leisure: A Conceptual Statement. *Leisure studies*. 1997. Vol. 16, N 1. P. 17–25. DOI: 10.1080/026143697375485
- Stebbins R.A. Serious Leisure. *A Handbook of Leisure Studies*, ed. by C. Rojek, S.M. Shaw, A.J. Veal. London: Palgrave Macmillan UK, 2006. P. 448–456.
- Stebbins R.A. *The Serious Leisure Perspective: A Synthesis*. Cham, Switzerland: Springer Nature, 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-48036-3
- Van Rens F., Ashley R.A., Steele A.R. Well-Being and Performance in Dual Careers: The Role of Academic and Athletic Identities. *The Sport Psychologist*. 2019. Vol. 33, N 1. P. 42–51.
- Von Bertalanffy L., Rapaport A. General Systems: Yearbook of the Society for the Advancement of General Systems Theory, Vol. 1, 1956. *British Journal for the Philosophy of Science*. 1958. Vol. 9, N 34. P. 170–171.

Е.М. Цыганова,
А.А. Бочавер,
В.Г. Ерофеева

Серьезный досуг как среда для проявлений агентности в опыте становящихся взрослых

Приложение 1. Гайд интервью

Здравствуйте! Спасибо, что согласились принять участие в исследовании. Сегодня мы поговорим с Вами о самостоятельности и жизненных выборах. Наша беседа будет записываться на диктофон, но мы сохраним конфиденциальность данных. Интервью будут анализироваться в обобщенном виде. Вы можете в любой момент нашей беседы отказаться от ее продолжения. Пожалуйста, отвечайте на вопросы развернуто.

Для начала скажите, пожалуйста, как к Вам лучше обращаться, сколько Вам лет, в каком городе сейчас живете, где учитесь? Есть ли у Вас хобби/увлечения? Работаете ли Вы?

Часть 1. Биографическая история

А теперь расскажите, пожалуйста, о своей жизни начиная с момента рождения до текущего дня. Постарайтесь подробно остановиться на всех возрастах, в которых Вы себя помните, событиях и жизненных выборах, которые Вы считаете важными. Рассказ должен продолжаться примерно 10–15 мин, далее я задам несколько уточняющих вопросов.

Часть 2. Выборы

Спасибо за Ваш подробный рассказ. Вероятно, не раз Вам по жизни приходилось и приходится совершать какие-либо выборы и теперь мы подробнее поговорим о подобных ситуациях.

2.1. Сферы выборов

Давайте разделим Вашу жизнь на сферы, вот их перечень:

- Обучение, профессиональное развитие
- Здоровье
- Работа
- Отношения с родителями
- Дружеские отношения
- Место жительства
- Принятие повседневных и важных решений
- Стиль жизни / досуг
- Романтические отношения
- Финансы

Расскажите, пожалуйста, о каждой из сфер. Какие выборы Вам приходилось совершать в каждой из них за последний год?

Оцените, пожалуйста, сферы выборов с точки зрения тяжести совершения выбора для Вас сейчас, где 10 — очень сложно сделать выбор, 1 — очень просто сделать выбор, и объясните, почему.

2.2. Неудачные выборы

Есть ли выборы в Вашей жизни, которые Вы считаете неудачными? Почему Вы считаете их таковыми?

Расскажите о любом случае из Вашей жизни, который Вы рассматриваете как *неудачный* выбор, существенно повлиявший на Вашу жизнь в дальнейшем. При повествовании сфокусируйтесь на следующих моментах:

- что произошло (суть ситуации);
- когда это произошло (время);
- кто входил в число участников данной ситуации (участники);
- где это произошло (место);
- какие чувства тогда вызвала у Вас сложившаяся ситуация (чувства тогда);
- какие чувства сейчас вызывает у Вас имевшая место ситуация (чувства сейчас);
- какие мысли тогда возникли у Вас в связи со сложившейся ситуацией (мысли тогда);
- что Вы думаете об имевшей место ситуации сейчас (мысли сейчас).

2.3. Удачные выборы

А какие выборы Вы считаете удачными? Почему Вы считаете их таковыми?

Вспомните, пожалуйста, о любом случае из Вашей жизни, который Вы рассматриваете как *удачный* выбор, существенно повлиявший на Вашу жизнь сейчас. При рассказе сфокусируйтесь на следующих моментах:

- что произошло (суть ситуации);
- когда это произошло (время);
- кто входил в число участников данной ситуации (участники);
- где это произошло (место);
- какие чувства тогда вызвала у Вас сложившаяся ситуация (чувства тогда);
- какие чувства сейчас вызывает у Вас имевшая место ситуация (чувства сейчас);
- какие мысли тогда возникли у Вас в связи со сложившейся ситуацией (мысли тогда);
- что Вы думаете об имевшей место ситуации сейчас (мысли сейчас).

2.4. Будущие выборы

Вероятно, в будущем Вам тоже придется совершить ряд выборов. Как Вы считаете, какие выборы встанут перед Вами в ближайшие 10 лет?

Приложение 2. Кодировочная таблица

Название темы	Название подтемы	Код	Примеры	Комментарии
Низкая агентность (НА). Проактивное подстраивание	НА — инициация СД	Решение, предложение со стороны родителей	«Они все время меня куда-то записывали». «Отвели». «Не выбирала».	Инициация СД происходит под влиянием социального окружения
		Действие родителей с опорой на детский интерес	«Они такие: “Ну все, надо его отдать в секцию, а то он нас замучает”».	
		Случайность	«Попала».	
		Внешнее предложение	«Что предложат, то берешь, выбора не было». «Нам предложили в школе баскетбол».	
	НА — реализация СД	Отсутствие внутренней мотивации	«Ходила-ходила, а потом мне надоело».	Приспособление к условиям СД
		Действия под давлением	«...Баба с характером... При ней я на верное-таки и научился более-менее играть на фоне и, собственно, уже и закрывал дальнейшие дисциплины». «Нужно было закончить».	
	НА — прекращение СД	Уход педагога	«Танцы потом закрылись, у нас там педагог ушел».	Прекращение СД под влиянием социального окружения, под давлением, в условиях отсутствия собственного интереса
		Уход из-за педагога	«...В большинстве своем из-за педагога... У меня всегда такое, когда заставляют что-то и когда это что-то надо сделать, я бросаю».	

Е.М. Цыганова,
А.А. Бочавер,
В.Г. Ерофеева

Серьезный досуг как среда для проявлений агентности в опыте становящихся взрослых

Продолжение таблицы				
Название темы	Название подтемы	Код	Примеры	Комментарии
Средняя агентность (СА). Подстраивание под средовые требования и некоторое изменение среды		Инициатива родителей	«Мама, видимо, ну немножко испугалась, и она такая: “Юля, а не хочешь ты случайно пойти на танцы вместо каратэ?”»	
		Отсутствие внутренней мотивации	«Как-то мне надоело, больше не хожу».	
	СА — инициация СД	Собственный интерес при поддержке родителей	«Это был мой интерес и поддержка со стороны родителей, чтобы я реализовала его... Безумно любила мультик “Кунг-фу панда”, и я выбрала секцию боевых искусств, она называлась “Ушу, Кунг-фу”, и родители записали меня в эту секцию».	Присутствуют собственный интерес и активность, внедрение в существующую среду СД, но не происходит самостоятельного создания среды
		Опора на собственный интерес	«Потому что сама хотела».	
		Интерес и переговоры с родителями	«Прихожу домой и говорю: “Мама, я хочу!” — помню, родителей уговаривала». «Уговоры повлияли на семью».	
		Реализация интереса на условиях родителей	«Мама решила сделать так, что если я хочу играть на гитаре, то я должен поступить в музыкальную школу».	

Продолжение таблицы				
Название темы	Название подтемы	Код	Примеры	Комментарии
		Предоставление родителями свободы действий	«Родители никогда не требовали от меня уклона в какую-либо сферу».	
	СА — реализация СД	Активность в условиях возможных ограничений	«Мне не за-прещали сле-довать за интересами».	Проявления инициативно-сти, принятия решений в ус-ловиях огра-ничений, обу-словленных решениями тренера, роди-телей, харак-тером СД
		Собственные решения при поддержке взрослых	«Мелкие выбо-ры». «Была воз-можность там какие-то элементы себе добавлять». «Под музыку, которую за-писал папа». «Можно было выбрать там цвета предме-тов, какую-то обмотку там для булавы или для обруча». «И мне нрави-лось то, что там есть сво-бода творче-ства и есть вроде как ка-кие-то рамки, вот в кото-рых у тебя есть тренер есть твой ру-ководитель и ты там, например, с ним ставишь номер».	
		Пережива-ние себя как агента	«Зародились лидерские ка-чества». «Был акти-вистом». «Стал разви-вать себя как творческая личность».	

Е.М. Цыганова,
А.А. Бочавер,
В.Г. Ерофеева

Серьезный до-суг как среда для проявле-ний агентности в опыте становя-щихся взрослых

Продолжение таблицы				
Название темы	Название подтемы	Код	Примеры	Комментарии
		Удовольствие от усилий	«Мне, наверное, всегда нравилось чем-то таким заниматься, чувствовать какую-то, наверное, власть над своим телом, то есть когда ты растешь, в том числе над собой, вот».	Среда СД переживается как такая, которой нужно подчиняться, и интересы побуждают к прекращению СД
	СА — прекращение СД	Аргументированное решение	«Решила, что не хочу этим заниматься». «Если я сделаю этот выбор, позже я не смогу уйти куда-то, у меня будет коля, по которой я должна идти». «Если я сейчас буду танцами заниматься, то только танцы, танцы, танцы, танцы...»	
Высокая агентность (ВА). Преимущественно проактивное изменение среды	ВА — инициация СД	Самостоятельное создание своего досуга	«Начал писать».	Контроль над средой СД, самостоятельная организация досугового пространства, внутренний интерес в инициации
		Самостоятельное расширение среды	«Пошла в клуб подростковый». «Просто открыл сайт, зарегистрировался». «Я записалась».	
		Поступки вопреки окружению	«И мне мальчик, кстати, с литературы, говорил то, что, Вера, ну ты подумай, журналистика, возможно, —	

Продолжение таблицы				
Название темы	Название подтемы	Код	Примеры	Комментарии
			<i>не твоё (смех). Но я всё равно как бы пошла».</i>	
		Внутреннее желание, решение	«Появилась мечта». «Приняла решение».	
		Стремление к повышению мастерства	«Хочется научиться классно играть».	
	ВА — реализация СД	Создание структуры СД	«Объединять людей и строить какие-то команды, чтобы эти команды выстреливали со своими проектами в этот момент, — вот это мне нравится». «Создавал группу, и вел блог, и организовывал турниры». «Организовываю, собираю вокруг себя людей».	Осуществление и организация СД в соответствии со своими представлениями, создание новых проектов и команд (структур)
		Собственная активность	«Начала пробовать себя».	
		Несоблюдение требований структуры, перестраивание	«В шуточной форме, я решил особо не заморачиваться». «Посчитал то, что это слишком скучно и неинтересно, поэтому старался больше публику развеселить».	
	ВА — прекращение СД	Собственное решение	«Уходила, потому что сама хотела». «Решил пораньше уйти и заниматься чем-нибудь поинтереснее». «Я решила, что я уйду».	Среда СД как таковая не имеет значения, в приоритете собственные интересы, выборы

Е.М. Цыганова,
А.А. Бочавер,
В.Г. Ерофеева

Серьезный досуг как среда для проявлений агентности в опыте становящихся взрослых

Продолжение таблицы				
Название темы	Название подтемы	Код	Примеры	Комментарии
		Переосмысление	«Я так подумал — на что мне эта литература сдалась?»	
		Предпочтение альтернативы	«Я выбрала друзей и какую-то социальную жизнь».	

©2024 О.В. СИЛИНА, Е.А. МОРОЗОВА, В.И. ВАСИЛЬЕВА,
И.А. МАКСИМОВ

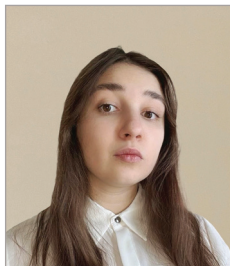
ФЕНОМЕН ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Силина Ольга Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии и семейного консультирования. Московский институт психоанализа. Российская Федерация, 121170 Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр. 14. ORCID: 0000-0001-7750-6200 omela333@yandex.ru

Морозова Елена Анатольевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры возрастной психологии и семейного консультирования. Московский институт психоанализа. Российская Федерация, 121170 Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр. 14. ORCID: 0009-0007-7578-673X Int-sobesednik@yandex.ru

Васильева Вероника Игоревна — аспирантка, преподаватель кафедры возрастной психологии и семейного консультирования. Московский институт психоанализа. Российская Федерация, 121170 Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр. 14. ORCID: 0009-0006-1197-0952 nica.cosits@yandex.ru

Максимов Иван Александрович —
психолог-консультант.
Центр нейропсихологии и логопедии Ember.int.
Российская Федерация, 195213 Санкт-Петербург,
Новочеркасский просп., д. 58.
ORCID: 0009-0006-8635-621X
inva-maskimov@yandex.ru

Ключевые слова: психологические границы ребенка, психологическое пространство ребенка, качественные методы исследования, проективная методика «Свой дом», старший дошкольный возраст, диагностика психологических границ у дошкольников, особенности психологических границ старших дошкольников, роль взрослого и сверстника в дошкольном возрасте.

Ссылка для цитирования: Силина О.В., Морозова Е.А., Васильева В.И., Максимов И.А. Феномен психологических границ у детей старшего дошкольного возраста // Человек. 2024. Т. 35, № 5. С. 75–93. DOI: 10.31857/S0236200724050048

Динамичность жизни вызывает необходимость острее, четче реагировать на вызовы среды. Дети, как и взрослые, вынуждены стремительно «входить» в новые социально-психологические пространства, что требует устойчивой и быстрой идентификации с задачами взросления, умения быстро «встраиваться» и «осваивать» новое пространство, что, вероятно, приводит к росту тревожных, депрессивных, пограничных расстройств личности в подростковом возрасте, суицидальных попыток, сопряженных со слабостью адаптационных возможностей детей и подростков [Быкова и др., 2023]. Прочность границ взрослого человека положительно взаимосвязана с уверенностью в контактах с внешним миром [Шаповал, 2019]. Поэтому необходимо обращать пристальное внимание на состояние психологических границ не только у взрослых, но и у детей.

О.В. Силина,
Е.А. Морозова,
В.И. Васильева,
И.А. Максимов
Феномен психологических границ у детей старшего дошкольного возраста

Психологические границы: феномен, определение, характеристики

Ничего я не понимаю. Мама говорит:
«Это твоя комната», а потом ругается,
что там мои вещи везде лежат.
А., 6 лет

Границы — это механизм структурирования внешнего и внутреннего мира, возникающий еще в раннем возрасте [Пивненко, 2008; Володина, 2010; Нартова-Бочавер, 2017; Силина, 2020]. На каждом новом возрастном этапе возникает две задачи: структурировать внутреннее пространство и вписать «свое» пространство в интерперсональное. Момент перехода от одного возрастного этапа является завершением одной ситуации развития и переходом к другой, предыдущая система становится дезорганизованной, в ней увеличивается хаос и энтропия, а последующая требует новой структуры, нового порядка, усиления негэнтропии за счет внешнего воздействия, формирующего «порядок из хаоса» [Пригожин, Стенгерс, 1986: 250; Глейк, 2001; Журавлев, Купрейченко, 2012; Погожина, 2016; Zhang, 2017]. Психологические границы, являясь прижизненно формируемым феноменом, требуют тщательного сопровождения в процессе взросления ребенка.

Психологические границы детей старшего дошкольного возраста представляют особый интерес в силу перехода ребенка в принципиально иную среду, с принципиально иными требованиями и, предположительно, конфигурация психологических границ будет обладать рядом особенностей, необходимых для

Качественный подход к исследованию психологических границ у дошкольников

Надо-то надо, но как?

А.Н. Леонтьев писал, что предметом качественных исследований является то, «как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира — мира, в котором они живут, действуют, который они сами переделывают и частично создают» [Леонтьев, 1983: 254]. Переход к нелинейному, человекомерному миру требует «иного», «нового» взгляда на понимание сущности ребенка [Бурлакова, 2016; Носуленко, 2021].

Одно из опасений при использовании качественного подхода — это возможность формирования методического индивидуализма. Однако Л.С. Выготский, Л. Витгенштейн, П. Уинч говорили о том, что любое познание — это процесс использования общепризнанных знаков, которые интегрируют в себе социальный опыт многих поколений, делая невозможным существование приватного языка [Нартова-Бочавер, Силина 2018]. Методики «Тест Мира» М. Ловенфельд, «Деревня» Р. Мукиелли и другие тесты обращаются к символическому языку, который Д. Калфф считает более универсальным, но требующим значительных усилий по «расшифровке» [Калфф, 2021]. Вспомним эксперименты Э. Эриксона с постройкой дома мальчиками и девочками, а также задачи Ж. Пиаже и исследования интеллекта — они служат подтверждением тому, что качественные методы исследования обладают высокой научной значимостью. С. Московичи говорит о том,

что индивидуальные особенности человека могут быть выражены и в графической, и материализованной форме.

Согласно grounded theory («обоснованная теория») повышение степени объективности качественных методов исследования может осуществляться по следующим параметрам [Strauss, Corbin, 1998]: подтверждаемость (четко прописанные инструкции), включенность (понимание условий жизни респондента), правдоподобность (респондент/близкие люди как источник информации), переносимость (возможность повторить процедуру в других социокультурных условиях). Интерпретация полученных данных позволяет взойти к смыслу феномена путем формирования его структурированного образа, свободного от внутренних противоречий [Бурлакова, 2016; Уинборн, 2022].

Проективная методика «Свой дом»: исследование характеристик психологических границ у дошкольников

Мама на работе работает и дома тоже работает.
Так где же у нее дом?
С., 5 лет

Поясним, почему для исследования психологического пространства и психологических границ был выбран стимул «дом». Образ дома является значимым для любой возрастной категории людей, он атемпорален (дом нужен людям любого возраста), пластичен и динамичен (содержание дома отражает устойчивые интересы и актуальные потребности человека) и «пограничен» (это место пересечения личного и социального, отделяемого друг от друга лишь чертой порога) [Петрова, 1999]. Дом — это приватное упорядоченное контролируемое пространство повседневной жизни человека, наполненное собственным смыслом и символами [Резниченко, Нартова-Бочавер, Кузнецова, 2016]. Словосочетание «свой дом» может рассматриваться как метонимия, предлагающая наполнить форму (образ дома) собственным смыслом и содержанием, важным для ребенка в настоящий момент.

Проективная методика «Свой дом» может быть отнесена к ряду экспрессивных (детям предлагается «встроить» свое пространство в уже существующий мир, что происходит и в реальности: в каждой группе, социальной ситуации нужно определить/найти «свое» место). Обратим внимание, что стимульный материал уже заполнен различными объектами (стимульный материал стилизован под детский рисунок, что создает у детей ощущение

О.В. Силина,
Е.А. Морозова,
В.И. Васильева,
И.А. Максимов
Феномен психологических границ у детей старшего дошкольного возраста

СОЦИ- АЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

безопасности и уверенности в собственных силах). Это позволяет увидеть стратегию размещения «своего» дома в предложенном пространстве: на свободном месте или же присваивая себе понравившиеся объекты.

Диагностическая процедура проводится в присутствии родителей. Ребенку предлагается бланк методики и цветные карандаши. Инструкция звучит следующим образом: «Давай посмотрим на карту. Что ты видишь? Люди живут в разных местах: кому-то нравятся горы, кому-то нравится море. Какое место может понравиться тебе? Почему? Дома бывают разные: большие, маленькие, из кирпичей и из дерева. Дома могут быть похожи на маленькие домики, на большие замки, они могут быть разноцветными или одного цвета. Какой бы дом ты назвал своим? Почему это именно твой дом? Возьми, пожалуйста, карандаши и нарисуй свой дом там, где тебе было бы комфортно». В процессе рисования важно задавать вопросы ребенку (таблица 1), отмечая его ответы либо среди предложенных, либо регистрируя уникальные ответы ребенка в бланке (таблица 1).

Таблица 1. Бланк регистрации ответов ребенка (фрагмент)

Характеристика границ	Инструкция	Маркеры наблюдения.
Пространство	Скажи, пожалуйста, что для тебя является очень важным в твоей жизни? Назови то, что ты не хочешь, чтобы исчезало из твоей жизни? За это ты готов даже поругаться с кем-то? А как ты думаешь, что у других людей есть ценного в их жизни? Что они готовы защищать?	Размер: 1 – маленькое, 2 – среднее, 3 – большое. Уединенность: 1 – да, 2 – нет. Атмосфера для жизни: 1 – неблагоприятная, 2 – достаточная, 3 – благоприятная. Собственные ценности: 1 – нет, 2 – сомневается, 3 – есть. Ценности другого человека: 1 – нет, 2 – сомневается, 3 – да
Границы	Будут ли у тебя соседи? Кто это будет? Нарисуй им домики. Твой дом будет одноэтажным или многоэтажным? Что будет вокруг дома? Как другие люди поймут, что это твое место? Будут ли какие-то границы у твоего места? Как ты обозначишь, что это твое место? Будут ли границы у твоих соседей? Как ты узнаешь, что у соседей есть границы?	Местоположение: Край: 1 – нет, 2 – да. Центр: 1 – нет, 2 – да. Рядом с другом: 1 – нет, 2 – да. Соседи есть: 1 – нет, 2 – да. Выбрал место самостоятельно: 1 – нет, 2 – да. Другие дети подсказали: 1 – нет, 2 – да. Обратился за помощью к взрослому: 1 – нет, 2 – да. Структурированное пространство: 1 – нет, 2 – частично, 3 – да.

Продолжение табл. 1		
Характеристика границ	Инструкция	Маркеры наблюдения.
Контроль, регуляция и способы защиты	Что ты будешь делать, если на территорию забежит другой человек / собака / друг / враг? Как ты остановишь своего соседа, если он начал занимать твою территорию без разрешения? Если тебе очень-очень хочется пообщаться с другим человеком, как ты будешь это делать? Если человек не хочет с тобой общаться, то что ты будешь делать?	Физические: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Эмоциональные: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Помощь взрослого: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Самостоятельно: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Просит друзей помочь: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Прибегает к гендерным отличиям: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Личностно реагирует: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Агрессивно: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Пассивные: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Конструктивно: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Деструктивно: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Совместная деятельность есть: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да.

О.В. Силина,
Е.А. Морозова,
В.И. Васильева,
И.А. Максимов
Феномен психологических границ у детей старшего дошкольного возраста

Для подтверждения правдоподобности полученных результатов необходимо проведение интервью с родителями (ответы также фиксируются в бланке, таблица 2).

Таблица 2. Бланк регистрации ответов родителей

	Вопросы родителям	Ответы родителей
Пространство	Есть ли у ребенка любимое место? Какое оно? Где располагается?	Наличие любимого места: 1 – нет, 2 – да. Расположенность любимого места: 1 – уединенное, 2 – в специальном месте, 3 – поближе к другим членам семьи. Размер любимого места: 1 – маленькое, 2 – средний, 3 – большой.
Границы	Ребенок предпочитает более длинную дистанцию по отношению к незнакомым людям? У ребенка есть четкое понимание собственных границ?	Длинная дистанция по отношению к незнакомым: 1 – нет, 2 – иногда, 3 – всегда. Понимание границ: 1 – нет, 2 – по-разному, 3 – да.

СОЦИ- АЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Продолжение табл. 2

	Вопросы родителям	Ответы родителей
Контроль, регуляция и способы защиты	Отстаивает ли ребенок свои предметы / интересы в ситуации со знакомыми / незнакомыми людьми? Как именно он отстаивает свою позицию?	Отстаивает интересы: 1 – нет, 2 – иногда, 3 часто Физические: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Эмоциональные: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Помощь взрослого: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Самостоятельно: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Просит друзей помочь: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Прибегает к социальным нормам: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Прибегает к гендерным отличиям: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Личностно реагирует: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Агрессивно: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Пассивные: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Конструктивно: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да. Деструктивно: 1 – нет, 2 – часто, 3 – да.

Выборка

В исследовании приняло участие 50 детей старшего дошкольного возраста (25 девочек и 25 мальчиков) из полных семей, имеющих одного сиблинга. Данные семьи имеют средний финансовый достаток, постоянно проживают в городе Москве, оба родителя имеют высшее образование. Дети, по словам родителей, имеют обширный кругозор; отмечается, что уровень психического и речевого развития соответствует возрастной норме (с каждым ребенком была проведена предварительная беседа, по результатам которой было принято решение о включении результатов исследования в базу данных).

Процедура исследования

Исследование проводилось с каждым ребенком индивидуально в присутствии родителей при наличии их письменного согласия. В процедуре принимали участие два психолога: один проводил диагностическую процедуру, другой выступал в качестве наблюдателя. Процедура исследования была единообразной: знакомство с психологом, погружение в ситуацию исследования, рисование,

полуструктурированное интервью с ребенком, позволяющее описать различные характеристики психологических границ. Затем проводилась беседа с родителями, которая подтверждала или опровергала описываемое ребенком поведение.

Результаты исследования

Полученные данные были подвергнуты факторному анализу, который осуществлялся при помощи метода главных компонент и вращения Варимакс. Мера адекватности выборки Кайзера–Майера–Олкина (КМО = 0,511), при уровне значимости $p < 0,001$, что говорит о возможности проведения факторного анализа. В результате было выделено 10 факторов, которые описывают 73,3 % дисперсии (таблица 3 и таблица 4).

Таблица 3. Факторы и факторная нагрузка элементов

Маркеры наблюдений	компонента									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Деструктивность поведения	–0,82									
Конструктивность поведения	0,76									
Понимание способов нарушения чужих границ	0,67									
Прибегает к социальным нормам	0,62				–0,50					
Помощь взрослого	0,57					0,42				
Понимание способов защиты собственных границ	0,52	0,41							0,43	
Пространство структурировано		0,78								
Признание ценностей других		0,76								
Активность общая		0,63								
Физическая защита			–0,77							
Агрессивная защита			0,60							
Эмоциональная защита			0,58							
Уединенность			0,56							
Самостоятельность общая				0,73						
Понимание способов нарушения собственных границ другими				0,68						

О.В. Силина,
Е.А. Морозова,
В.И. Васильева,
И.А. Максимов
Феномен психологических границ у детей старшего дошкольного возраста

Таблица 4. Объясненная совокупная дисперсия

Первый фактор объясняет 12,1 % дисперсии исходных данных. Он связан с конструктивностью (вежливым и уважительным взаимодействием), пониманием способов нарушения чужих границ, пониманием способов защиты собственных границ (использование социальных норм, помощи взрослого, гендерных отличий) и обратно связан с деструктивностью (разрушением, неуважением

и пр.). Данный фактор может быть определен как «психологические границы в ситуации взаимодействия».

Второй фактор объясняет 9,6 % дисперсии исходных данных и связан с пониманием способов защиты собственных границ, структурированием пространства, ценностями других и обратно связан с интервенцией в чужое пространство. Данный фактор можно определить как «психологические границы личности в ситуации покоя». Третий фактор объясняет 8 % дисперсии исходных данных и связан с агрессивностью, эмоциональными способами защиты границ, уединенностью, отрицательно связан с физическими способами защиты границ. Данный фактор можно определить как «психологические границы в ситуации угрозы»; в данных ситуациях структура психологических границ должна быть качественно иной, чем в ситуации покоя и взаимодействия, так как необходимо четко, однозначно и быстро реагировать на вызов внешнего мира.

Четвертый фактор объясняет 7,5 % дисперсии исходных данных. Данный фактор связан с общей самостоятельностью (принимает решения сам, без помощи взрослых, других детей), пониманием способов нарушения собственных границ другими людьми, самостоятельностью в конкретной ситуации и отрицательно связан с использованием гендерных отличий. Данный фактор можно определить как «самостоятельность границ». Пятый фактор объясняет 7 % дисперсии. Данный фактор связан с общей самостоятельностью и собственными ценностями, отрицательно связан с использованием социальных норм. Данный фактор может быть определен как «ценностно-смысловая основа психологических границ», что соотносится с морально-нравственным развитием ребенка, который к старшему дошкольному возрасту начинает ориентироваться на общечеловеческие ценности. Шестой фактор объясняет 6,5 % дисперсии; он связан с помощью взрослого и отрицательно связан с размером пространства ребенка. Данный фактор можно обозначить как «представленность личности в пространстве: роль взрослого». Взрослый, помогающий в сложной ситуации, укрепляет позицию ребенка, но как бы лишает его собственной территории, занимая собой все пространство ребенка.

Седьмой фактор объясняет 6,3 % дисперсии. Данный фактор связан с атмосферой среды (доброжелательность, дружелюбность, привлекательность среды) и отрицательно связан с нахождением в центре рисунка. Определить его можно как «мониторинг среды»: четкое понимание расположения вещей в пространстве, ясность взаимоотношений людей дают ощущение безопасности пространства. Восьмой фактор объясняет 5,6 % дисперсии; он связан с возможностью просить помощи у друзей и отрицательно

О.В. Силина,
Е.А. Морозова,
В.И. Васильева,
И.А. Максимов
Феномен психологических границ у детей старшего дошкольного возраста

связан с личностным реагированием. Его можно обозначить как «представленность личности в пространстве: роль сверстников». Дружеская поддержка укрепляет границы, но, вероятно, лишает их некоторой уникальности, появляется обобщенное «мы», я и друг. Девятый фактор объясняет 5,5 % дисперсии; он связан с пассивностью и способами защиты собственных границ и может быть определен как «скорость реагирования на угрозу», что имеет важное для детей значение. Эффективность, адекватность защиты собственных границ взаимосвязана и с психофизиологическими особенностями ребенка, с недостатком жизненного опыта, что, вероятно, компенсируется паузой перед ответом на вызов внешнего мира. Десятый фактор объясняет 5 % дисперсии; он связан с наличием совместной деятельности и общей открытостью, что можно определить как «готовность к взаимодействию», что отражает возрастные особенности детей дошкольного возраста (любопытность, открытость и пр.).

Обсуждение

Обращение к качественным методам исследования помогло собрать тонко нюансированные данные относительно феномена психологических границ у старших дошкольников. Были получены следующие категории, описывающие исследуемый феномен: психологические границы в ситуации взаимодействия, покоя и угрозы, самостоятельность границ, ценностно-смысловая основа психологических границ, представленность личности в пространстве: роль взрослого и роль сверстников, мониторинг среды, скорость реагирования на угрозу и готовность ко взаимодействию.

Феномен границ не является «застывшим», «неизменным»; они чутко реагируют на разные «состояния мира» [Володина, 2010; Леви, 2017]: ситуация уединения и покоя, конструктивное взаимодействие с другим и ситуация угрозы вызывают разные поведенческие реакции, что находит подтверждение и в данном исследовании.

Такие факторы, как «самостоятельность границ», «готовность к взаимодействию» отражают возрастные особенности детей старшего дошкольного возраста. Взросление ребенка предполагает расширение границ освоенного мира (экскурсии, совместные поездки со взрослыми), а также увеличение дистанции между детьми и родителями [Авдулова, 2013; Кудряшова, 2023]. Каждое место, где бывает ребенок, предполагает новую структуру отношений, новое перераспределение ролей, новые правила взаимодействия, и, следовательно, требует новой конфигурации границ.

К старшему дошкольному возрасту родители поддерживают самостоятельность детей, предоставляя им больше свободы в решении различных жизненных задач (знакомиться с другими детьми, просить помощи в затруднительных ситуациях и пр.) [Авдулова, 2013].

Жизненное пространство ребенка включает взаимодействие со взрослыми и сверстниками, что находит отражение в таких факторах, как «представленность ребенка в пространстве: роль взрослых и сверстников». Обратившись к исследованиям Е.О. Смирновой, Т.Ю. Кудряшовой, можно отметить, что в старшем дошкольном возрасте отношение к взрослому и сверстникам качественно изменяется: взрослый становится не только гарантом безопасности, но и носителем социокультурных ценностей, характерных для взрослого сообщества, в которое ребенок стремится попасть [Смирнова, Холмогорова, 2005; Кудряшова, 2023]. В то время как ровесник начинает выступать как самоценный отдельный человек, которому хочется бескорыстно помогать, дарить подарки, уступать, сопереживать, то есть появляется эмоциональная вовлеченность в действия другого. Эти возрастные особенности детей старшего дошкольного возраста отражаются и на состоянии психологических границ: идентификация со значимым взрослым и дружеская поддержка сверстников являются одним из способов поддержания собственного благополучия в сложных жизненных ситуациях.

Субъектно-средовой подход, рассматривая личность в единстве ее бытия, предполагает необходимость «осваивать», реорганизовывать и «переживать» бытийные пространства как «свои» [Бурмистрова-Савенкова, 2016], что требует активного изучения окружающей среды, а также формирования адаптивной реакции на внешние вызовы. В представленном исследовании это находит отражение в таких факторах, как «мониторинг среды», «скорость реагирования на угрозу». Дошкольники, проявляя осторожность, отсрочено реагируя на внешний вызов, тем самым обеспечивают выбор наиболее эффективной ответной реакции. Таким образом, психологические границы детей старшего дошкольного возраста являются не только механизмом разделения себя и среды, но и обладают высоким адаптационным потенциалом.

* * *

Психологические границы детей старшего дошкольного возраста предстают как системный феномен: определены разные состояния психологических границ (в покое, конфликте, взаимодействии), обозначена различная роль взрослого и сверстников в процессе развития границ, требуется дальнейшее изучение процессов

О.В. Силина,
Е.А. Морозова,
В.И. Васильева,
И.А. Максимов
Феномен психологических границ у детей старшего дошкольного возраста

взаимодействия ребенка со средой (необходимость паузы при принятии решения, возможность оценивать состояние среды прежде, чем вступать во взаимодействие). Необходимо сказать и об ограничениях исследования: недостаточность выборки, а также отсутствие данных, полученных с помощью других методик. Хотелось бы закончить данную статью словами одного из детей: «Я вдруг понял, что я — отдельный от мамы и папы. Это грустно и интересно одновременно» (мальчик, 6 лет). Действительно, процесс взросления — тяжелый период в жизни ребенка, требующий внимательного сопровождения взрослыми.

The Phenomenon of Psychological Boundaries in Older Preschool Children

Olga V. Silina

CSc in Psychology, Associate Professor of the Department of Age Psychology and Family Counseling.

Moscow Institute of Psychoanalysis.

34/14, Kutuzovsky Prospekt, 121170 Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-7750-6200

omela333@yandex.ru

Elena A. Morozova

CSc in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Age Psychology and Family Counseling.

Moscow Institute of Psychoanalysis.

34/14, Kutuzovsky Prospekt, 121170 Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0009-0007-7578-673X

Int-sobesednik@yandex.ru

Veronika I. Vasilyeva

Postgraduate student, lecturer at the Department of Age Psychology and Family Counseling.

Moscow Institute of Psychoanalysis.

34/14, Kutuzovsky Prospekt, 121170 Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0009-0006-1197-0952

nica.cosits@yandex.ru

Ivan A. Maximov

Consultant psychologist.

Center for Neuropsychology and Speech Therapy Ember.int.

58, Novochoerkassky Av., 195213 St. Petersburg, Russian Federation.

ORCID: 0009-0006-8635-621X

inva-maskimov@yandex.ru

Abstract. The psychological boundary, considered as a convenient descriptive metaphor, allows us to designate the process of separating the personal space of one person from another. By the older preschool

age, this phenomenon acquires special significance: the child is preparing to enter a new social development situation, which implies the need to restructure the existing relationships with the environment. The study of the phenomenon of psychological boundaries in older preschool children. A qualitative approach provides the opportunity to obtain finely nuanced information, to delve deeply into each individual case. The stimulus material is addressed to the understandable, meaningful, valuable for the child construct "home". This stimulus acts as a metonymy, which needs to be filled with its own psychological content. In the process of drawing, a semi-structured conversation is held with the child, during which the features of the drawing are clarified. The plausibility, portability and confirmability of the results obtained are ensured by clear instructions, the presence of a response registration form and observation data, and interviewing parents. Qualitative interpretation of the results allows you to "hear a child's voice", proceed to the analysis of an individual case, create "order out of chaos" by combining the child's interactions with the environment into a single phenomenon — psychological boundaries. The study showed that the psychological boundaries of older preschoolers are a complex construct, including an assessment of the friendliness of the environment, the role of adults and peers, and the presence of various states of psychological boundaries (at rest, in interaction, and in a threatening situation).

Keywords: psychological boundaries of a child, psychological space of a child, qualitative research methods, the projective technique "Your home", senior preschool age, diagnosis of psychological boundaries in preschoolers, features of psychological boundaries of older preschoolers, adult and peer participation in the development of psychological boundaries.

For citation: Silina O.V., Morozova E.A., Vasilyeva V.I., Maximov I.A. The Phenomenon of Psychological Boundaries in Older Preschool Children // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 5. P. 75–93. DOI: 10.31857/S0236200724050048

Литература/References

- Авдулова Т.П. Социализация ребенка в пространстве семьи // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 31 [Электронный ресурс]. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/665> (дата обращения: 12.04.2024).
- Avdulova T.P. Sotsializatsiya rebenka v prostranstve sem'i [Child Socialization in a Family Space]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. 2013. Vol. 6, N 31 [Electronic resource]. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/665> (date of access: 04.12.2024).
- Бурлакова Н.С. Проективные методы: дискуссии о научном статусе, возможностях развития и применения в клинической психологии // Диагностика в медицинской (клинической) психологии: современное состояние и перспективы. Коллективная монография. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2016. С. 38–53.
- Burlakova N.S. Proektivnye metody: diskussii o nauchnom statuse, vozmozhnostyakh razvitiya i primeneniya v klinicheskoi psikhologii [Projective Methods: Discussion Concerning their Status, Development Opportunities and

О.В. Силина,
Е.А. Морозова,
В.И. Васильева,
И.А. Максимов
Феномен психологических
границ у детей старшего
дошкольного
возраста

- 90

Кудряшова Т.Ю. Особенности формирования ценностных ориентаций у детей старшего дошкольного возраста // Нижегородское образование. 2023. № 1. С. 68–75.

Kudryashova T.Yu. Osobennosti formirovaniya tsennostnykh orientatsii u detei starshego doshkol'nogo vozrasta [Features of the Formation of Value Orientations in Older Preschool Children]. *Nizhegorodskoe obrazovanie* [Education in Nizhny Novgorod]. 2023. N 1. P. 68–75.

Леви Т.С. Телесно-энергетический подход к пониманию психологической границы человека // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2017. № 2. С. 10–18.

Levi T.S. Telesno-energiinyi podkhod k ponimaniyu psikhologicheskoi granitsy cheloveka [Corporal and Energy Approach to the Understanding of a Human's Psychological Boundary]. *Nauchnye trudy Moskovskogo humanitarnogo universiteta* [Scientific works of the Moscow University for Humanities]. 2017. N 2. P. 10–18.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983.

Leontiev A.N. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya: v 2-kh t.* [Selected psychological works: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika Publ, 1983.

Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Современные критериальные системы валидности качественных исследований в психологии // Национальный психологический журнал. 2014. № 2(12). С. 36–48.

Melnikova O.T., Khoroshilov D.A. Sovremennye kriterial'nye sistemy validnosti kachestvennykh issledovaniy v psikhologii [Modern Criteria System of Identifying the Validity of Qualitative Research in Psychology]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal]. 2014. N 2(12). P. 36–48.

Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В. Психологические границы личности: взросление и культура. М.: Памятники исторической мысли, 2018.

Nartova-Bochaver S.K., Silina O.V. *Psikhologicheskie granitsy lichnosti: vzroslenie i kul'tura* [Psychological Boundaries of Personality: Growing Up and Culture]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2018.

Нартова-Бочавер С.К. Психология суверенности: 10 лет спустя. М.: Смысл, 2017.

Nartova-Bochaver S.K. *Psikhologiya suverenosti: 10 let spustya* [The Psychological Sovereignty: Ten Years After]. Moscow: Smysl Publ., 2017.

Носуленко В.Н. Вопросы интеграции качественных и количественных методов в психологическом исследовании // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14, № 3. С. 4–16.

Nosulenko V.N. Voprosy integratsii kachestvennykh i kolichestvennykh metodov v psikhologicheskom issledovanii [Integration Issues of Qualitative and Quantitative Methods in Psychological Research]. *Ekspperimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology]. 2021. Vol. 14, N 3. P. 4–16.

Петрова М. Образ дома в фольклоре и мифе // Серия «Symposium», Эстетика сегодня: состояние, перспективы. Вып. 1. Материалы научной конференции. 20–21 октября 1999 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999. С. 59–61.

О.В. Силина,
Е.А. Морозова,
В.И. Васильева,
И.А. Максимов
Феномен психологических границ у детей старшего дошкольного возраста

- 92

Winborn M. *Interpretatsiya v yungianskom analize: iskusstvo i tekhnika* [Interpretation in Jungian Analysis. Art and Technique], transl. from English. Moscow: Prakticheskaya meditsina Publ., 2022.

Шаповал И.А. Прочность границ личности: Я-концепция и онтологическая уверенность // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN319.pdf> (дата обращения: 04.02.2024).

Shapoval I.A. Prochnost' granits lichnosti: Ya-kontseptsiya i ontologicheskaya uverennost' [The Strength of Personality Borders: Self-concept and Ontological Confidence]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology]. 2019. N 3 [Electronic resource]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN319.pdf> (date of access: 15.02.2024).

Strauss A., Corbin J. *Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory*. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publication Inc., 1998.

Zhang W. Resolving Defense Mechanisms: a Perspective Based on Dissipative Structure Theory. *The International Journal of Psychoanalysis*. 2017. N 98(2). P. 457–472.

О.В. Силина,
Е.А. Морозова,
В.И. Васильева,
И.А. Максимов
Феномен психологических границ у детей старшего дошкольного возраста

©2024 С.Н. ВАЧКОВА, В.Б. САЛАХОВА, А.Г. ИСТОМИНА,
И.А. КЛИМОВ

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В СРЕДУ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ И ОПЫТ ПЛАНИРОВАНИЯ ЖИЗНИ НА ПЕНСИИ ЛИЦАМИ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

Вачкова Светлана Николаевна — доктор педагогических наук, доцент, директор НИИ урбанистики и глобального образования. Московский городской педагогический университет.
Российская Федерация, 129226 Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1, ORCID:0000-0002-3136-3336
SVachkova@mgpu.ru

Истомина Анна Геннадьевна — младший научный сотрудник центра аналитических исследований и моделирования в образовании НИИ урбанистики и глобального образования. Московский городской педагогический университет.
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1. ORCID:000-0001-8094-7699
IstominaAG@mgpu.ru

Климов Иван Александрович — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник центра аналитических исследований и моделирования в образовании НИИ урбанистики и глобального образования.

Московский городской педагогический университет.

Российская Федерация, 129 226 Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1.

Старший научный сотрудник международной лаборатории прикладного сетевого анализа.

Национальный университет «Высшая школа экономики».

ORCID:0000-0002-3958-538X

klimov_ivan@list.ru,

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник центра аналитических исследований и моделирования в образовании НИИ урбанистики и глобального образования.

Московский городской педагогический университет.

Российская Федерация, 129 226 Москва,

2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1.

Ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности РАН.

ORCID: 0000-0002-5056-6518

salakhovavb@mgpu.ru

С.Н. Вачкова,
В.Б. Салахова,
А.Г. Истомина,
И.А. Климов

Вовлеченность
в среду актив-
ного долголетия
и опыт плани-
рования жизни
на пенсии лица-
ми пенсионного
возраста

Аннотация. Выход на пенсию — один из самых значимых периодов жизни человека, связанный с завершением профессиональной деятельности, адаптацией к новой социальной реальности, сопровождаемой, как правило, сменой социальных ролей, общественного статуса, моделей поведения. Целью настоящего исследования стало изучение опыта планирования жизни на пенсии, а также оценка вовлеченности москвичей пенсионного возраста в среду активного долголетия по шести направлениям: работа, учеба, хобби, здоровый образ жизни, семья, общественная активность. Для этого было проведено количественное исследование, целевой группой которого стали люди пенсионного возраста, проживающие в г. Москве. Всего было опрошено 538 человек. Методом был выбран уличный опрос, который проводился в 12 административных округах Москвы. В результате проведенного исследования было установлено, что 1) москвичи пенсионного возраста характеризуются невысокой степенью развития навыка планирования собственной старости; 2) главной доминантой в суждениях москвичей старшего возраста о желаемом будущем на пенсии оказывается обустройство своего локального жизненного пространства: физического (дом, дача, сад) и социального (общение со значимыми людьми); 3) при высокой вовлеченности москвичей пенсионного возраста в практики активного

Ссылка для цитирования: Вачкова С.Н., Истомина А.Г., Климов И.А., Са-
лахова В.Б. Вовлеченность в среду активного долголетия и опыт пла-
нирования жизни на пенсии лицами пенсионного возраста // Человек.
2024. Т. 35. № 5. С. 94–112. DOI: 10.31857/S0236200724050058

Исследования, посвященные пенсионному возрасту, охватывают широкий перечень тематик, включая вопросы здоровья, социальной адаптации [Конарева, Сергиенко, 2015], качества жизни и активного долголетия [Павлова, Сергиенко, 2020], социальной защиты и пенсионного обеспечения [Юшкова, Дорошенко, 2019],

планирования жизни на пенсии [Михайлова, Овчинникова, 2022] и других.

Затрагивая проблему старшего поколения, необходимо обратить внимание на политику активного долголетия в нашей стране и за рубежом. Изначально концепция активного долголетия (active ageing) развивалась в поле социальной политики и была направлена на развитие благоприятной среды для лиц пенсионного возраста с целью увеличения продолжительности жизни старшего поколения и продления периода оплачиваемой занятости [Boudiny, 2013; São José De et al., 2017]. В 2012 году в рамках проведения Европейского года активного старения и солидарности поколений был разработан Индекс активного долголетия (Active Ageing Index, AAI, ИАД), направленный на измерение нереализованного потенциала общества к активному долголетию [Zaidi et al., 2013: 6]. В России данный инструмент доказательной политики стал применяться по инициативе Федеральной службы государственной статистики на выборочных наблюдениях Росстата в 2019 году [Приказ Росстата, 2019]. Нацеленный на решение задачи междугосударственной сопоставимости оценок, Индекс активного долголетия, по оценкам исследователей, остается довольно трудным в использовании [Varlamova, Sinyavskaya, 2021; Lakomý, 2021].

В то же время разработка ИАД и общественная дискуссия о факторах активного долголетия оказали положительное влияние на российскую социально-политическую повестку в отношении лиц старшего возраста. На сегодняшний день в России действуют различные федеральные и региональные программы, направленные на повышение социальной интеграции людей пенсионного возраста в разные сферы социальной жизнедеятельности. Так, в рамках национального проекта «Демография» и федерального проекта «Старшее поколение» реализуются ряд программ активного долголетия, целью которых является смягчение негативных эффектов возрастных изменений (социальной депривации, изоляции, эксклюзии) и интеграция граждан «третьего возраста» в активную социальную жизнь общества. Цель политики активного долголетия состоит в повышении качества жизни пожилых людей путем содействия их профессиональной и общественной активности, социальной интегрированности, участия в культурных мероприятиях, духовных и досуговых практиках и др. [Ferrer et al., 2016; Kim, Woo; Uysal et al., 2016; Мануильская и др., 2022]. Результаты исследований подтверждают, что участие пенсионеров в программах, направленных на досуговые активности, связанные с перемещениями и общением с другими людьми (выходы в театры, на спортивные и культурно-развлекательные мероприятия, участие в экскурсионных поездках, рукоделие и пр.), положительно

С.Н. Вачкова,
В.Б. Салахова,
А.Г. Истомина,
И.А. Климов

Вовлеченность
в среду актив-
ного долголетия
и опыт плани-
рования жизни
на пенсии лица-
ми пенсионного
возраста

влияет на их субъективное благополучие [Мануильская и др., 2022; Lakomý, 2021; Павлова, Сергиенко, 2020].

Одним из ключевых предметов исследования по тематике старения является проблема адаптации лиц пенсионного возраста к выходу на пенсию и принятию новой социальной роли.

Отдельную область занимают исследования, посвященные вопросам социальной адаптации пенсионеров в целом, в рамках которых изучаются условия противодействия возрастному и социальному неравенству, финансовый потенциал россиян и их готовность вкладываться в собственную старость, готовность к планированию собственной старости [Мануильская и др., 2022; Суслова, 2017]. Социально-психологическое направление исследований сфокусировано на изучении психологических особенностей лиц старшего возраста, условиях их когнитивной и эмоциональной адаптации к новой ситуации, стратегиях преодоления личностного кризиса и навыков совладающего поведения, и др. [Henning et. al, 2021; Seeman et. al, 2001; Большакова, 2019; Конарева, Сергиенко, 2015].

Тема планирования будущего у людей предпенсионного и пенсионного возраста зачастую связана с изучением копинг-стратегий в ситуации стресса и необходимости совладать с жизненными трудностями [Skinner et al., 2003]. Результаты исследований указывают на то, что пожилые люди, придерживающиеся стратегии «выживания», предполагающей отсутствие активностей и социальных контактов, отличаются более низким уровнем жизнестойкости: сильнее нуждаются в эмоциональной поддержке со стороны других в стрессовых ситуациях, более склонны к отрицанию и уходу от проблем. Стратегии, ориентированные на активное преодоление, включают в себя, как правило, элементы когнитивной адаптации, эмоционально-ориентированные подходы и поведенческую адаптацию [Большакова, 2019]. Выбор той или иной стратегии адаптации может быть обусловлен предшествующим опытом планирования и инвестирования в собственные планы различных ресурсов.

Цель настоящего исследования — изучить опыт планирования жизни на пенсии, а также оценить вовлеченность москвичей пенсионного возраста в среду активного долголетия. Под средой активного долголетия понимается прежде всего пространство социальных практик горожан раннего пенсионного возраста в шести сферах повседневной жизни: работа, хобби, учеба, семья, общественная деятельность, ЗОЖ и спорт, рассматриваемые как часть жизненного мира человека.

Задачи исследования: 1) изучить навыки и опыт планирования собственной старости; 2) изучить особенности организации

жизненного пространства лиц раннего пенсионного возраста в условиях новой социальной роли и статуса «пенсионера»; 3) оценить распространенность практик активного долголетия среди москвичей раннего пенсионного возраста по шести направлениям: работа, учеба, хобби, спорт и здоровый образ жизни, семья, общественная активность; 4) выявить отличия в установках на активное деятельное времяпрепровождение у мужчин и женщин раннего пенсионного возраста.

Методология и выборка. Сбор данных проведен НИИ урбанистики и глобального образования ГАОУ ВО МГПУ в мае – июне 2023 года. Целевой группой стали люди раннего пенсионного возраста, проживающие в г. Москва. Всего было опрошено 538 человек. Выборка была сегментирована на две подгруппы:

Женщины раннего пенсионного возраста от 56,5 до 61,5 лет — 60 %;

Мужчины раннего пенсионного возраста от 61,5 до 66,5 лет — 40 %.

У большинства (72 %) опрошенных москвичей раннего пенсионного возраста оформлена пенсия по возрасту. Такую пенсию получают 73 % женщин и 70 % мужчин. Пенсию по другим причинам (по здоровью, по выслуге лет, по специфике профессии) получают 17 % опрошенных; чаще такая пенсия имеется у мужчин (20 %), нежели у женщин (15 %). Около десятой части опрошенных женщин и мужчин пока не имеют пенсии. Половина (49 %) опрошенных респондентов в настоящее время работают. Постоянную занятость имеет треть всех респондентов, 15 % опрошенных — временную. Опрос проводился в 12 административных округах города, в том числе и в Новой Москве. Методом был выбран уличный опрос. Тип выборки — многоступенчатая стратифицированная с организацией ступеней отбора по городским округам.

Навык планирования жизни на пенсии

Прямой вопрос о планах на будущее показывает, что доля тех, кто планирует свое будущее (51 %) соразмерна доле тех, кто этого не делает (49 %). При этом женщины раннего пенсионного возраста, будучи также более молодой когортой в сравнении с мужчинами¹, демонстрируют более высокую склонность к планированию

С.Н. Вачкова,
В.Б. Салахова,
А.Г. Истомина,
И.А. Климов

Вовлеченность
в среду актив-
ного долголетия
и опыт плани-
рования жизни
на пенсии лица-
ми пенсионного
возраста

¹ Так как две подвыборки различаются полом и возрастом одновременно (женщины имеют возраст от 56,5 до 61,5 лет, мужчины — от 61,5 до 66,5 лет), то определить какая именно переменная (пол или возраст) оказала большее влияние на различия в мотивационных установках и паттернах поведения, не представляется возможным. В статье статистически значимые отличия трактуются как влияние переменной пола.

своего будущего на пенсии² (58 % против 41 % в группе мужчин) (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о планах на будущее

Планирование будущего	Все опрошенные	Женщины (56,5–61,5 лет)	Мужчины (61,5–66,5 лет)
Строю планы на будущее	51 %	58 %	41 %
Планов не строю	41 %	34 %	51 %
Затрудняюсь ответить	8 %	8 %	8 %

Горизонт планирования, как правило, охватывает период от года до трех (25 % в целом по выборке). Планы на ближайшие полгода есть у 14 % опрошенных, тогда как десятая часть респондентов планируют на срок от четырех лет и более. При этом женщины существенно чаще выбирают в качестве горизонта планирования временной промежуток от года до трех лет — (29 %), в два раза реже планируя на полугодие (16 %), и еще реже имеют долгосрочные планы (10 %).

У мужчин раннего пенсионного возраста среднесрочная стратегия планирования также встречается чаще, однако не выглядит столь доминирующей (19 %). При этом на второй план у мужчин выходит долгосрочное планирование от 4 лет (11 %), а краткосрочность планов встречается немногим реже (10 %). Таким образом мужчины пенсионного возраста, будучи менее склонными к планированию в случае построения планов, чаще выбирают более долгосрочные стратегии планирования в отличие от женщин (табл. 2).

Ответы респондентов на вопросы о том, когда они стали обдумывать свою жизнь после достижения пенсионного возраста, показывают, что треть опрошенных (34 %) не задумывались и не строили планы прежде³. Планы и размышления о данном периоде жизни начинают появляться после 50 лет (34 %), либо в преддверии пятидесятилетия (15 %). В более молодом возрасте,

² Приводящиеся в статье утверждения относительно большей/меньшей склонности респондентов к тому или иному поведению или большей/меньшей выраженности тех или иных установок, делаются на основании выявленных статистически значимых отличий (на уровне значимости 0,01 или 0,05). Для проверки связи использовался коэффициент корреляции Пирсона.

³ Если суммировать данные по вариантам ответа «Не задумывался(ась)» и «Затрудняюсь ответить».

Таблица 2. Горизонт планирования

Стратегии планирования	Все опрошенные	Женщины (56,5–61,5 лет)	Мужчины, (61,5–66,5 лет)
На несколько месяцев – полгода	14 %	16 %	10 %
От года до трех	25 %	29 %	19 %
От четырех лет и больше	10 %	10 %	11 %
Затрудняюсь ответить	2 %	2 %	1 %
Планов не строю	49 %	42 %	59 %

до 40 лет, мысли о жизни на пенсии появлялись лишь у шестой части опрошенных. В этой части наши данные во многом сходятся с результатами исследования Е. Михайловой и Н. Овчинниковой, согласно которым большая часть женщин старшего среднего и предпенсионного возраста начинает задумываться о пенсии с 55 лет [Михайлова, Овчинникова, 2022].

Образ желаемого будущего

Каковы особенности планирования жизненной среды лиц пенсионного возраста в условиях новой социальной роли и статуса «пенсционера»?

В табл. 3 представлены виды деятельности, которые москвичи раннего пенсионного возраста включают в свой образ желаемого будущего. Главной доминантой в суждениях москвичей старшего возраста о наиболее привлекательной жизни на пенсии оказывается обустройство своей локальной жизненной среды. Локальная жизненная среда формируется прежде всего двумя категориями: 1) физической средой, к которой относится дом, дача, сад, и 2) коммуникативной, рассматриваемая прежде всего через общение с ближайшим кругом — семьей и родственниками. Так, 50 % москвичей пенсионного возраста хотели бы сосредоточиться на общении с близкими. Второй по привлекательности сферой приложения усилий становится дача и сад, которую вписывают в свои планы 41 % респондентов.

Деятельность, связанная с заботой о собственном здоровье (38 %), становится третьей по популярности, отражая стремление респондентов к продлению своего долголетия. За данной категорией могут подразумеваться как практики, ориентированные на локализацию жизненной среды, так и на более «социальные» практики (к примеру, поездки в санатории).

Несмотря на стремление к локализации пространства жизнедеятельности, очевиден и запрос москвичей пенсионного возраста

С.Н. Вачкова,
В.Б. Салахова,
А.Г. Истомина,
И.А. Климов

Вовлеченность в среду активного долголетия и опыт планирования жизни на пенсии лицами пенсионного возраста

Виды деятельности	Все опрошенные	Женщины (56,5–61,5 лет)	Мужчины (56,5–61,5 лет)
Общение с семьей, родственниками	50 %	58 %	40 %
Дача, сад	41 %	45 %	34 %
Здоровье	38 %	43 %	32 %
Путешествия	37 %	41 %	31 %
Общение с людьми	31 %	38 %	21 %
Жить спокойно, ничем не заниматься	30 %	28 %	34 %
Увлечение, хобби	29 %	34 %	21 %
Спорт, физкультура	26 %	24 %	29 %
Дом, ремонт, строительство	26 %	22 %	33 %
Творчество	23 %	28 %	15 %
Саморазвитие	22 %	27 %	15 %
Работа, заработок	16 %	15 %	18 %
Профессия	12 %	13 %	11 %
Учеба, новые знания	12 %	15 %	7 %
Общественная деятельность	7 %	8 %	6 %

Наиболее редко в образ желаемого будущего москвичей старшего возраста попадают такие практики активного долголетия, как развитие в профессии (12 %), учеба и получение новых знаний (12 %) и общественная деятельность (7 %).

В то же время значительная часть (30 %) москвичей пенсионного возраста видят оптимальным для себя не вовлекаться в какие-то виды деятельности и просто «жить спокойно». Желание ничем не заниматься на пенсии не зависит от наличия (или отсутствия)

4 Вопрос: «Если представить разные возможности, каким делом вы бы хотели заниматься <сейчас>, после достижения пенсионного возраста? Какая жизнь будет доставлять вам удовольствие? (любое число ответов)».

трудоустроенности у респондента. Однако у работающих пенсионеров, в меньшей степени удовлетворенных своей текущей работой, желание ничем не заниматься на пенсии выражено сильнее, чем у тех, кто оценивает свою работу как интересную.

Ответы респондентов на вопрос о желаемых видах деятельности позволили выявить отличия в установках на активное времяпрепровождение на пенсии у мужчин и женщин раннего пенсионного возраста. В частности, общение с семьей и родственниками, а также с другими людьми наиболее предпочтительная сфера для женщин. Доля женщин пенсионного возраста, желающих поддерживать или расширять «дальний» круг общения почти в два раза больше (38 %), чем доля мужчин (21 %). Более «фемининными» в образе желаемого будущего выглядят также активности, связанные с дачей и садом, которые выбирают почти половина женщин и лишь треть мужчин. Забота о здоровье, путешествия, хобби, творчество, саморазвитие, и получение новых знаний также чаще входят в планы женщин, нежели мужчин. Более «маскулинные» виды активности, связанные со строительством и ремонтом, чаще включают в свою программу будущего мужчины (33 против 22 % в группе женщины).

Вовлеченность в среду активного долголетия

Работа, образование и учеба, хобби и увлечения, спорт и здоровый образ жизни, общественная активность во многом положительно влияют на жизнь пожилых людей, улучшают ее качество, повышая уровень субъективного благополучия [Lakomý, 2021; Мануильская и др., 2022]. Далее рассмотрим, насколько москвичи пенсионного возраста вовлечены в каждую из этих сфер.

Работа. Половина (49 %) опрошенных москвичей раннего пенсионного возраста (примерно в равной пропорции мужчины и женщины) вовлечены в трудовую деятельность. При этом треть из них (34 %) имеют постоянную занятость, а 15 % — временную. Работающие пенсионеры достаточно высоко оценивают свою работу: средний балл удовлетворенности работой равен 4,02 из 5⁵. Чуть большую удовлетворенность демонстрируют мужчины (4,05), нежели женщины (3,99), однако эта разница не является статистически значимой. Работающие мужчины и женщины раннего пенсионного возраста артикулируют схожее намерение продолжительной трудовой деятельности. Более половины (53 %) из

С.Н. Вачкова,
В.Б. Салахова,
А.Г. Истомина,
И.А. Климов

Вовлеченность
в среду актив-
ного долголетия
и опыт плани-
рования жизни
на пенсии лица-
ми пенсионного
возраста

⁵ Вопрос: «Вам нравится или не нравится ваша нынешняя работа, характер занятости? Оцените от 1 до 5».

тех, кто работает, планируют продолжать трудовую деятельность «пока будет возможно», 8 % — хотят работать еще более 5 лет, 16 % — до 5 лет, а 17 % — до 3 лет, 6 % — затруднились ответить.

Учеба, получение знаний. Почти треть (31 %) опрошенных москвичей раннего пенсионного возраста за последние два года имели опыт прохождения какого-то обучения. При этом более вовлеченными в образовательные практики выглядят женщины: 36 % против 23 % в группе мужчин. Более трети (36 %) москвичей пенсионного возраста, из числа проходивших обучение, получали знания, которые касались их увлечений. Примерно столько же (34 %) получали образование, которое было необходимо для работы. Около пятой части (23 %) респондентов учились с целью использовать знания и для работы, и для хобби. Еще 6 % опрошенных сообщили о иных целях получения образования, а 1 % затруднились ответить. Полученный опыт обучения оценивается довольно высоко — 4,2 балла из 5⁶. Чуть больше нравилось учиться женщинам (4,22 балла) и немногим меньше — мужчинам (4,16), однако это различие не является статистически значимым. На всей выборке идея учиться привлекает респондентов существенно меньше — 3,37 балла из 5⁷. Больше идея получить образование нравится женщинам — 3,45 балла, и менее привлекательна она для мужчин — 2,98 балла.

Досуг, свободное время и увлечения. У подавляющего большинства москвичей раннего пенсионного возраста есть увлечения и хобби — 80 % (примерно в равной доле у мужчин и женщин). Оценка среднего балла относительно возможности уделять время хобби показывает, что москвичи пенсионного возраста в целом не чувствуют существенных ограничений в занятии своими любимыми увлечениями — 4,07 балла из 5⁸.

Здоровый образ жизни и спорт. Половина (52 %) опрошенных москвичей раннего пенсионного возраста (примерно в равной доле мужчины и женщины) занимаются физкультурой или спортом на регулярной основе: от занятий каждый день до раза в неделю. Подавляющее большинство (75 %) москвичей пенсионного возраста проходят ежегодную диспансеризацию. В этом отношении они демонстрируют большую осознанность как в сравнении с россиянами, среди которых доля тех, кто проходил

⁶ Вопрос: «Оцените, насколько Вам нравилось учиться, когда Вы этим занимались? Оцените от 1 до 5».

⁷ Вопрос: «Вам бы понравилась идея снова чему-то поучиться, освоить другие знания, навыки? Оцените от 1 до 5».

⁸ Вопрос: «Если говорить в целом, Вам удастся или не удастся полноценно заниматься любимыми делами, своими увлечениями, хобби? Оцените от 1 до 5».

диспансеризацию за последний год, составляет 33 %, так и в сопоставлении с россиянами старше 60 лет, из которых половина (48 %) сообщают о пройденной за последние 12 месяцев диспансеризации⁹. Достаточно распространены среди москвичей раннего пенсионного возраста практики правильного питания: почти половина (46 %) всех опрошенных сообщили, что стараются питаться правильно; чаще к этому стремятся женщины (51 %), и реже — мужчины (39 %). Уровень распространенности данного паттерна ЗОЖ в среде пожилых москвичей соответствует его популярности среди россиян разных возрастов (49 %), зафиксированных данными ФОМ в 2017 году¹⁰.

Около пятой части (22 %) москвичей раннего пенсионного возраста курят; среди мужчин доля курильщиков больше в три раза (38 % против 12 % в группе женщин). На фоне более чем трети (36 %) курящих россиян¹¹ москвичи пенсионного возраста демонстрируют более высокий уровень здорового образа жизни по данному показателю. Общая оценка удовлетворенности пожилых жителей столицы своим самочувствием находится на уровне 3,55 баллов из 5, то есть на середине между удовлетворительной и хорошей.

Семья. Москвичи старшего возраста довольно плотно включены в семейные связи. Более половины (56 %) проживают с супругой или супругом, пятая часть (20 %) живут с детьми, 11 % — с внуками, 4 % — с подругой / компаньоном, и 4 % проживают с другими родственниками. Стоит отметить, что при этом выделяется значительная часть пенсионеров, которые живут одни — 28 %. Незначительно чаще в одиночку проживают женщины (31 %), реже — мужчины (24 %). Абсолютное большинство (83 %) респондентов имеют довольно устойчивую и плотную коммуникацию со своей семьей — от ежедневного общения до раза в неделю. Более интенсивные контакты поддерживают женщины: 52 % женщин общаются с семьей и родственниками каждый день, тогда как среди мужчин лишь 40 % общаются с близкими ежедневно. Качество общения с родственниками оценивается довольно высоко — 4,0 балла из 5. Чуть выше балл удовлетворенности

С.Н. Вачкова,
В.Б. Салахова,
А.Г. Истомина,
И.А. Климов

Вовлеченность
в среду актив-
ного долголетия
и опыт плани-
рования жизни
на пенсии лица-
ми пенсионного
возраста

⁹ Всероссийский интернет-опрос ВЦИОМ по вероятностной панели. Выборка: 1708 россиян в возрасте от 18 лет. Проведен 17–18 октября 2023 г. [Федоров, 2023].

¹⁰ «ФОМнибус» — опрос граждан РФ от 18 лет и старше. Октябрь, ноябрь 2017. В каждом опросе: 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6% [ФОМ, 2017].

¹¹ «ФОМнибус» — опрос граждан РФ от 18 лет и старше. Октябрь, ноябрь 2017. В каждом опросе: 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6% [ФОМ, 2017].

Общественная активность. Примерно около четверти опрошенных москвичей раннего пенсионного возраста вовлечены в разную общественную активность. Около 7 % респондентов участвуют в работе общественных организаций (что согласуется с данными Росстата за 2022 год, согласно которым 6 % россиян в возрасте от 55 до 59 лет являлись членами каких-либо общественных, добровольных или благотворительных организаций [Комплексное наблюдение, 2022]). Примерно 6 % социально активных москвичей пенсионного возраста занимаются волонтерством или благотворительностью. Столько же (6 %) опрошенных сообщают, что являются старшими по дому/подъезду, 2 % — участвуют в работе местного самоуправления, еще 2 % — вовлечены в другие формы помогающего поведения. Помогаящая деятельность более половины (53 %) общественно активных москвичей носит нерегулярный характер: от нескольких раз в месяц до нескольких раз в год; а менее половины (41 %) вовлечены в такую деятельность на регулярной основе (от ежедневной работы до раза в неделю).

Удовлетворенность москвичей пенсионного возраста своей социальной деятельностью достаточно высока — 4,26 балла из 5. Незначительно чаще общественной деятельностью нравится заниматься женщинам (4,33), немногим меньше — мужчинам (4,11). Привлекательность идеи занятия общественной деятельностью для не вовлеченных в нее москвичей пенсионного возраста находится на крайне низком уровне — 1,85 баллов из 5¹². При этом степень привлекательности этой идеи для мужчин (1,83) и женщин (1,86) почти одинакова.

* * *

Полученные результаты исследования позволяют сделать несколько обобщенных выводов.

1. Москвичи пенсионного возраста характеризуются невысокой степенью развития навыка стратегирования собственной старости (лишь половина опрошенных сообщили, что строят планы на будущее). При этом планирование жизни на пенсии начинается после 50 лет или в преддверии пятидесятилетия. В целом мужчины менее склонны планировать свое будущее в сравнении с женщинами.

¹² Вопрос: «А насколько бы Вам понравилась идея заниматься общественной деятельностью? Оцените от 1 до 5».

2. Желаемое будущее на пенсии конструируется прежде всего через образ локального жизненного пространства, связанного с устройством своей физической среды — дома, дачи, сада, а также среды общения со значимыми людьми, в первую очередь, с родственниками. В то же время значительная доля горожан пенсионного возраста демонстрируют высокую потребность в различных видах самореализации и развития (путешествия, творчество, занятия любимыми делами, хобби), а также деятельность, направленную на активное долголетие, физические (телесные) аспекты жизни (акцент на здоровье, активный образ жизни). Наряду с этой частью опрошенных выделяется и когорта тех, кто артикулирует запрос на «пассивное» проживание, выраженное желанием жить на пенсии «спокойно и ничем не заниматься».

3. Присутствуют отличия в установках на активное деятельное времяпрепровождение у мужчин и женщин раннего пенсионного возраста: женщины чаще, чем мужчины стремятся на пенсии поддерживать коммуникацию с ближним и дальним кругом общения, заниматься дачей и садом, творчеством, самореализацией, получать образование, заботиться о здоровье и др. Артикулированный запрос подтверждается большей фактической вовлеченностью в данные практики: женщины регулярнее общаются с семьей, чаще учатся и чаще практикуют отдельные практики ЗОЖ, нежели мужчины. В свою очередь мужчины более склонны включать в образ активного времяпрепровождения на пенсии более маскируемые активности, такие как ремонт и строительство.

При этом мы не видим значимых различий в установках мужчин и женщин относительно работы, спорта и общественной деятельности: эти активности в образ желательного будущего на пенсии включают примерно равные доли представителей обеих целевых групп. Отсутствие различий на уровне мотивационных установок отражается в конкретных паттернах поведения: мужчины и женщины пенсионного возраста демонстрируют сопоставимый уровень вовлеченности в трудовую деятельность, физкультуру и спорт и общественную активность. В качестве исключения можно назвать лишь хобби и увлечения, которые имеют подавляющее большинство представителей обеих целевых подгрупп, однако посвящать им время на пенсии чаще хотели бы женщины.

4. «Программа действий» по формированию жизненной среды на пенсии пенсионерами г. Москвы воплощается через распространенность таких практик активного долголетия, как продолжение трудовой активности, занятия хобби и получение знаний, инвестиции в общение с детьми, внуками и другими родственниками (данное направление мобилизует и воодушевляет людей сильнее всего), поддержание практик здорового образа жизни и занятия

С.Н. Вачкова,
В.Б. Салахова,
А.Г. Истомина,
И.А. Климов

Вовлеченность
в среду актив-
ного долголетия
и опыт плани-
рования жизни
на пенсии лица-
ми пенсионного
возраста

The Environment of Active Ageing: The Experience of Strategizing and Accomplishing Life After Retirement

CSc in Psychology, Leading Researcher, Center for Analytical Research and Modeling in Education, Research Institute of Urbanism and Global Education, Moscow City University.

4 Vtoroy Selskohoziaystvenny proezd, Moscow 129226, Russian Federation.

Leading Researcher at the Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-5056-6518

salakhovavb@mgpu.ru

Abstract: Retirement is an important period in a human life connected with a change in life priorities, a shift of one's focus of attention due to retirement from professional activity and adaptation to new social reality (a change in social roles, social status, models of behavior). The objective of this study was to analyze the experience of senior citizens of Moscow in terms of planning and accomplishing their lives after retirement, as well as evaluating their involvement in the environment of active ageing along 6 dimensions: work, education, hobby, healthy lifestyle, family, community service. To achieve this, a study has been conducted involving senior citizens of Moscow. The sample comprised 538 respondents. The method was a street interview conducted in 12 administrative districts of Moscow. The results of the study include the following: 1) Moscow's senior citizens have an underdeveloped skill of planning their own lives after retirement; 2) the dominant idea in their judgements about their future after retirement is aspiration to set up their local life space: either physical (home, summer cottage, garden), or social (communication with valuable people); 3) despite being actively engaged in the practices of active ageing connected with professional activities, hobby, sport or healthy lifestyle, senior citizens of Moscow are neither very much interested nor involved in social activities such as volunteering or other types of community service; 4) gender differences in attitudes to active pastime are highlighted: female pensioners demonstrate a high interest in communication, learning, creativity, self-development and are more involved in these activities; male pensioners are more inclined to repair and construction.

Keywords: active ageing environment, senior citizens, retirement age, strategizing (planning) experience, image of the future.

For citation: Vachkova S.N., Istomina A.G., Klimov I.A., Salakhova V.B. The Environment of Active Ageing: The Experience of Strategizing and Accomplishing Life After Retirement // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 5. P. 94–112. DOI: 10.31857/S0236200724050058

Литература/References

Большакова Г.А. Сравнительный анализ копинг-стратегий у лиц пожилого возраста с разными стратегиями старения // *Student Research*. Сборник статей VIII Международного научно-практического конкурса. Наука и Просвещение, Пенза. 2019. С. 147–150.

Bol'shakova G.A. Sravnitel'nyj analiz koping-strategij u lic pozhilogo vozrasta s raznymi strategiyami stareniya [Comparative Analysis of Coping Strategies in the Elderly with Different Aging Strategies]. *Student Research*.

С.Н. Вачкова,
В.Б. Салахова,
А.Г. Истомина,
И.А. Климов

Вовлеченность
в среду актив-
ного долголетия
и опыт плани-
рования жизни
на пенсии лица-
ми пенсионного
возраста

- 110

Approval of the Methodology for Calculating the Active Longevity Index in the Russian Federation”]. N 634, dated on October 31, 2019. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_337013/ (date of access: 24.03.2024).

Суслова Т.Ф. Социальная активность личности как детерминанта позитивной адаптации и полноценной жизни в пенсионном возрасте // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 3. С. 63–70.

Suslova T.F. Social'naya aktivnost' lichnosti kak determinanta pozitivnoj adaptatsii i polnocennoj zhizni v pensionnom vozraste [Social Activity of the Personality as a Determinant of Positive Adaptation and Full-Fledged Life at Retirement Age]. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*. 2017. Vol. 6, N 3. P. 63–70. DOI: 10.17759/jmfp.2017060307

Федоров В. С заботой о здоровье: россияне о диспансеризации // ВЦИОМ. 2023. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/s-zabotoi-o-zdorove-rossijane-o-dispanserizacii> (дата обращения: 27.04.2024).

Fedorov V. S zabotoj o zdorov'e: rossiyane o dispanserizacii [Taking Care of Health: Russians about Medical Examination]. *VCIOM*. 2023. [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/s-zabotoi-o-zdorove-rossijane-o-dispanserizacii> (date of access: 27.04.2024).

ФОМ. Образ жизни и здоровье. Внимательны ли россияне к своему здоровью? Что делают, чтобы его поддерживать? 12 декабря 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/13883> (дата обращения: 29.03.2024).

FOM. Obraz zhizni i zdorov'e. Vnimatel'ny li rossiyane k svoemu zdorov'yu? Chto delayut, chtoby ego podderzhivat'? [Lifestyle and Health. Are Russians Careful About their Health? What are they Doing to Support it?] 12.12.2017 URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/13883> (date of access: 29.03.2024).

Юшкова С.А., Дорошенко М.В. Стратегии пенсионного поведения в условиях реформирования пенсионной системы // Власть. 2019. № 1. С. 41–46. DOI: 10.31171/vlast'.v27i1.6196

Yushkova S.A., Doroshenko M.V. Strategii pensionnogo povedeniya v usloviyah reformirovaniya pensionnoj sistemy [Strategies for Retirement Behavior in the Context of Reforming the Pension System]. *Vlast'*. 2019. N 1. P. 41–46. DOI: 10.31171/vlast'.v27i1.6196

Boudiny K. “Active Ageing”: From Empty Rhetoric to Effective Policy Tool. *Ageing and Society*. 2013. Vol. 33, N 6. P. 1077–1098. DOI: 10.1017/S0144686X1200030X

Choi J., Joung E. The Association Between the Utilization of Long-term Care Services and Mortality in Elderly Koreans. *Archives of Gerontology and Geriatrics*. 2016. Vol. 65, P. 122–127. DOI: 10.1016/j.archger.2016.03.013

Ferrer J.G., Sanz M.F., Ferrandis E.D. et al. Social Tourism and Healthy Ageing. *International Journal of Tourism Research*. 2016. Vol. 18, N 4. P. 297–307. DOI: 10.1002/jtr.2048

Henning G. et al. Towards an active and happy retirement? Changes in leisure activity and depressive symptoms during the retirement transition. *Aging & Mental Health*. 2021. Vol. 25, N 4. P. 621–631. DOI: 10.1080/13607863.2019.1709156

С.Н. Вачкова,
В.Б. Салахова,
А.Г. Истомина,
И.А. Климов

Вовлеченность
в среду актив-
ного долголетия
и опыт плани-
рования жизни
на пенсии лица-
ми пенсионного
возраста

©2024 Е.А. НИКИТИНА

ДОМ ДЛЯ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА: БЕЗОПАСНОСТЬ И НЕ ТОЛЬКО

Никитина Елена Альфредовна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник. Институт психологии РАН. Российская Федерация, 129366 Москва, Ярославская ул., д. 13, корп. 1.
ORCID: 0000-0001-8609-2281
NikitinaEA@ipran.ru

Аннотация. В статье представлен обзор исследований характеристик оптимального места жительства и его оснащения для людей пожилого и старческого возраста. В настоящее время большинство представителей старшего поколения предпочитают оставаться в собственном доме или квартире. Показано, что дом должен обеспечивать не только безопасность и стабильность, но и потенциал для развития и реализации собственной индивидуальности. Акцент на безопасность и предотвращение бытового травматизма не полностью отражает реальные потребности пожилых людей. В литературе отмечается, что к числу наиболее значимых характеристик дома можно отнести его состояние, энергоэффективность, возможность контроля температуры, безопасность, близость к природе, хорошее освещение, приватность и защищенность от посторонних взглядов. Несколько реже упоминается необходимость адаптации помещений к возрастным изменениям — безопасность ванной комнаты, расширение

Статья подготовлена в рамках Госзадания № 0138-2024-0009 — «Системное развитие субъекта в нормальных, субэкстремальных и экстремальных условиях жизнедеятельности».

Ключевые слова: пожилой и старческий возраст, позитивное старение, дом, среда обитания, развитие, безопасность, ресурсность, стабильность, психологическое благополучие, салютогенез.

Ссылка для цитирования: Никитина Е.А. Дом для пожилого человека: безопасность и не только // Человек. 2024. Т. 35, № 5. С. 113–126. DOI: 10.31857/S0236200724050069

Одним из важных условий психологического благополучия человека любого возраста является комфортная и безопасная среда обитания, устроенная с учетом индивидуальных предпочтений и возможностей каждого. Дом как жизненная среда человека становится объектом изучения лишь в последние десятилетия, при этом исследования часто не учитывают возрастные особенности людей. Однако и потребности, и образ идеального дома у детей, подростков, людей среднего и старшего возрастов, имея некоторые универсальные черты, заметно различаются. Модели домашней среды для представителей младших поколений к настоящему времени подробно изучены [Дом как жизненная среда человека..., 2016; Нартова-Бочавер и др., 2018]. Однако демографические изменения в обществе — рост продолжительности жизни, увеличение и доли, и абсолютного количества людей пожилого и старческого возраста в большинстве стран, ставят на повестку дня проблематику оптимальной домашней среды для представителей поздней зрелости. Цель данной работы — проведение теоретического анализа современных публикаций в социогуманитарных изданиях, а также исследование представлений респондентов поздних возрастов и лиц, осуществляющих уход за ними, об оптимальном жизненном пространстве пожилого человека.

Виды жилья для людей поздних возрастов

Варианты организации проживания представителей старшего поколения во многом зависят от традиций и культурных норм, а также от особенностей социально-экономического развития государства. На основании мета-анализа 57 публикаций 1995–2016 годов С. Эткинд с коллегами предложили модель выбора пожилыми людьми предпочитаемой среды обитания [Etkind et al., 2018]. Авторы показывают, что можно выделить три группы факторов, важных для такого выбора: 1) семейный контекст и характеристики системы социальной поддержки, 2) индивидуально-личностные особенности, включающие социо-демографические переменные, ценности, ожидания, 3) состояние здоровья человека как в настоящий момент, так и в дальнейшей перспективе.

И хотя в основном пожилые люди хотели бы продолжать жить в собственных домах или квартирах, соглашаясь на некоторую помощь со стороны младших членов семьи или социальных служб, этот вариант не является единственно возможным. В Европе и Северной Америке все больше людей, выходя на пенсию, готовы переезжать в специально выстроенные и оборудованные для старшего населения квартиры, дома или целые кварталы. При этом у пожилых людей остается возможность как сохранения собственной обстановки, так и выбора из предлагаемых застройщиком/организатором вариантов.

В РФ такой вариант жилья для старшего поколения пока крайне редок, и спрос на них, например, на проживание в Комплексе социальных домов в Москве, в последнее время не растет, а даже снижается [Грязнова, Мануильская, 2020]. Российские пенсионеры чаще остаются в своей квартире, переезжают к детям или отправляются в дом престарелых/интернат, дом ветеранов для пожилых и т.д. Количество подобных организаций в последние годы растет. На 2012 год в России существовало 865 стационарных учреждений социального обслуживания общего типа для старшего населения, в которых проживало около 92 тыс. человек [Шляфер, 2013], к началу 2021 года уже было около 1700 государственных домов престарелых, обслуживавших более 300 тыс. человек.

При этом социологическое исследование, проведенное в 2022 году, показало, что на вопрос: «Хотели бы вы провести годы своей старости в Доме-интернате для престарелых?», только 1 % опрошенных ответил: «Да, с удовольствием!» и 3% — «Хотели бы, но без особого энтузиазма». Положительную оценку бытовых условий в домах престарелых дали лишь 13,9% респондентов [Информационно-аналитический отчет..., 2022]. Условия в Домах для ветеранов сцены и науки или в частных пансионатах для

Е.А. Никитина

Дом для пожилого человека: безопасность и не только

пожилых людей заметно отличаются в лучшую сторону, однако таких учреждений крайне мало, и доступны они для незначительной доли населения. Все-таки в настоящее время большинство представителей старшего поколения и в России, и в странах Запада предпочли бы жить в своих квартирах или домах, сохраняя привычный образ жизни и значимые социальные связи с окружением [Грязнова, Мануильская, 2020; Etkind et al., 2018]. И в этом случае перед исследователями встает задача выявления факторов благополучной жизни пожилого человека у себя дома (Aging in place).

Константность домашней среды как фактор благополучия пожилого человека

Всемирная организация здравоохранения обращает внимание на оптимальную организацию для старшего поколения широкого круга характеристик жилья, в том числе: финансовую доступность, то есть возможность самостоятельно оплачивать пользование домом или квартирой, наличие основных коммунальных услуг, дизайн, переоборудование, ремонт и содержание, связь с семьей и обществом, наличие выбора вариантов жилья, условия жизни и т.д.

Большинство этих параметров важны для людей всех поколений, однако существуют и особенности, связанные с возрастом. Молодые люди, обосновывающиеся на новом месте жительства, часто берут из родительского дома только самое необходимое, предпочитая начинать быт с чистого листа, выбирая мебель, покрытия и дизайн в соответствии с собственным вкусом и актуальными тенденциями моды. Однако со временем происходит накопление этого «самого необходимого», и к пожилому возрасту дом или квартира может стать своего рода хранилищем артефактов и воспоминаний прожитой жизни. Для человека старшего возраста ремонт дома или покупка новой мебели часто сводится к повторению давно существующей конфигурации, включая форму и цветовое решение. С одной стороны, это является результатом многолетней оптимизации жизненного пространства, в котором для каждой функции подобрано идеальное орудие, а каждая вещь получила свое наилучшее место. С другой стороны, такой консерватизм может быть связан с растущим нежеланием появления нового, даже если это новое будет в большей степени соответствовать своему назначению. Снижение открытости опыту после 60 лет неоднократно отмечено в литературе, однако К. Локенхофф полагает, что не старение как биологический процесс, а накопление с годами негативного опыта может вызывать такие личностные изменения — более высокие значения нейротизма и меньшие показатели открытости опыту

демонстрировали респонденты, сообщавшие о наличии высоко стрессового события за последние два года [Lockenhoff et al, 2009]. Важно, что склонность не принимать перемены и не инициировать новые виды деятельности отрицательно связана с гармоничным старением [Gregory et al, 2010]. Таким образом, в основе психологического благополучия человека лежит баланс между стабильностью среды и теми ресурсами, которые окружающий мир предоставляет для постоянного развития человека.

Впервые проблематику жизненной среды представителей позднего возраста сделала предметом исследования экологическая геронтология — отрасль науки, ведущая начало с работ М.П. Лоутона [Lawton, 1977] и ориентированная на описание, объяснение и оптимизацию отношений между пожилыми людьми и их социально-пространственным окружением на микро- (квартиры или дома) и макроуровне (age-friendly сообществ или даже стран). В публикациях 70–90-х годов XX века основное внимание уделялось оценке и описанию жилищных условий и стандартов, а также возможностей для переоборудования конкретных домов или целых кварталов с точки зрения возможного влияния на три основные функции окружающей среды: сохранение (постоянство и предсказуемость), стимулирование (возможность ухода от привычной рутины и введение новых стимулов) и поддержку (потенциал для компенсации сниженных или утерянных навыков и функций). Таким образом, оптимальное жилище пожилого человека поддерживает интеграцию его личности в прошлом, настоящем и будущем, дает «чувство дома», дает возможность осуществления новых социальных или досуговых активностей и в то же время представляет собой удобное и безопасное пространство. Именно значимостью функции сохранения можно объяснить отказ пожилых людей от возможных изменений места жительства — по мере старения возможность переезда рассматривается все более неохотно [Mulliner et al., 2020]. Однако есть данные и о том, что переезд для респондентов старшего возраста может быть не только стрессогенным событием, но и давать импульс к дальнейшему развитию. Ф. Освальд обращает внимание на то, что отъезд со старого места жительства может быть вызван двумя кардинально различающимися, но сложно дифференцируемыми причинами — поехать навстречу чему-то, либо уехать от чего-то [Oswald et al., 2002]. Реализация первого сценария может оказаться началом нового этапа в жизни пожилого человека. Второй вариант чаще связан с вынужденным решением. Сходная мотивация может быть прослежена и в Российской Федерации. Так, в России отмечается существенная миграция пожилого населения из областей с суровыми климатическими условиями (Чукотского АО, Магаданской,

Е.А. Никитина

Дом для пожилого человека: безопасность и не только

Чем старше становится человек, тем больше времени он проводит дома, а значит именно дом и его обитатели во многом оказываются источником чувства компетентности, осмысленности и наполненности жизни. Роль социальных взаимодействий для благополучного старения не подвергается сомнению, однако данных о значении дома как реального физического, так и идеального места обитания остается до конца не изученной.

Современные исследования должны ответить на ряд взаимосвязанных вопросов:

- Каковы предпочтения старшего поколения относительно характеристик своего дома?
- Какие изменения возможностей и потребностей представителей старшего поколения могут требовать соответствующих изменений в их жилище с точки зрения современных научных представлений?
- Насколько совпадают образы оптимального дома у людей позднего возраста и тех, кто осуществляет заботу о них?

Изучение ответов на первый вопрос позволило выстроить достаточно типичный образ идеального дома для старшего поколения. В социологических опросах пожилые люди указывают на важность удобства самого дома, а также на факторы окружающей среды — безопасность района проживания, доступность транспорта и ключевых общественных мест (таких как магазины, сервисные и медицинские центры), чистое и подходящее для прогулок окружение, безопасные пешеходные дорожки и переходы, перила около ступеней, наличие теплых, устойчивых мест для сидения и общественных туалетов [Newton et al., 2010]. Отсутствие или недостаточность этих опций снижают физическую и социальную активность людей старших возрастов, ухудшают качество их

жизни. Причем чем старше становятся люди, тем важнее для них доступность необходимых социальных услуг. Так, в исследовании, проведенном в Швеции, пожилые люди 55–64 лет были склонны выбирать дома в отдаленных спокойных районах вблизи леса. В отличие от них, старшие респонденты предпочли бы жилье в центре города, в непосредственной близости от медицинских учреждений и магазинов [Andersson et al., 2019].

Интересно, что, если макро- (организационные мероприятия на уровне общества или страны в целом) и мезо-уровни (факторы ближнего окружения) жизненной среды пожилых людей изучены достаточно подробно, исследований предпочитаемых характеристик собственно дома или квартиры крайне мало. В работе Э. Мьюльнер с коллегами респондентов старшего возраста просили оценить значимость для них ряда характеристик дома и ближайшего окружения, выбранных на основании анализа литературы [Mulliner et al., 2020]. Было выявлено, что в число наиболее частотных характеристик попали (в порядке убывания числа выборов): состояние дома (наличие ремонта, отсутствие конструктивных дефектов, влаги и плесени), энергоэффективность в широком смысле — хорошая теплоизоляция и эффективная система отопления, возможность контролировать температуру в помещении, безопасность (надежные двери, система сигнализации), близость к природе и приятный вид из окон, хорошее естественное и искусственное освещение, приватность и защищенность от посторонних взглядов. Несколько реже упоминалась необходимость адаптации помещений к возрастным изменениям — безопасность ванной комнаты, расширение коридоров и дверных проемов, установка поручней, применение нескользящих ровных поверхностей, звукоизоляция и естественная вентиляция помещения. Выбор цвета в интерьере, размер дома и возможность его расширения, заняли место в самом низу получившегося рейтинга.

На российской выборке подобных исследований немного. Показано, что для респондентов позднего периода зрелости «важен домашний комфорт..., их привязанность к дому мотивируется средовой поддержкой и предсказуемостью среды» [Дом как жизненная среда человека, 2016: 178]. Колористические предпочтения пожилых людей оценивались в двух работах, проведенных сотрудниками Смоленского государственного университета. Наиболее предпочтительными в жилом интерьере оказались белый и серый цвета, а также светлые оттенки оранжевого, зеленого, желто-зеленого и желтого. Черный и большинство темных оттенков палитры, а также яркие цвета ни для одного из помещений выбраны не были. При этом для интимных зон (спальни, ванной комнаты и туалета) пожилые люди выбирали более светлые

Е.А. Никитина
Дом для пожилого человека:
безопасность
и не только

Важная роль функциональности и безопасности элементов меблировки кухни отмечена в проекте Т.В. Ефимовой с коллегами [Ефимова и др., 2019]. Респонденты в возрасте от 55 до 91 года отмечали ряд проблем и опасностей, связанных с организацией кухонного пространства: труднодоступные, слишком высоко или слишком низко расположенные полки, недостаточная освещенность, произвольно открывающиеся дверцы и острые углы мебели. При этом только 20 % респондентов, принявших участие в исследовании, указали на недовольство формой и размерами кухни и ее элементов, тогда как большинство недовольно внешним видом кухни. Авторы полагают, что большинство пользователей не осознают, что с более подходящим кухонным оборудованием они могут выполнять повседневные задачи быстрее, безопаснее и с меньшими усилиями и предлагают при разработке проекта кухни для пожилых людей в первую очередь обращать внимание на материалы и дизайн, обеспечивающие легкую уборку, а также на расположение элементов мебели и характеристики освещения.

Все эти параметры бесспорно важны, но, к сожалению, при таком подходе часто забывают о важности личных вкусов и предпочтений пользователей. Качественный пластик прекрасно моется, а современные светильники позволяют организовать оптимальную дифференцированную подсветку различных зон, но будет ли новая технологичная и безопасная кухня столь же любима, как старая, каждый уголок которой наполнен воспоминаниями? Предложенная альтернатива старого, привычного и любимого против нового, функционального и безопасного, конечно, является упрощением. Однако она ясно демонстрирует достаточно распространенный подход к организации быта пожилого человека, кратко формулируемый как: «я лучше знаю, что тебе нужно». Этот подход понятен, но далеко не всегда ведет к достижению планируемого позитивного результата. Регулярное «причинение пользы и добра» может приводить к снижению жизненной активности пожилого человека, потере независимости, отказу от принятия на себя ответственности за свою жизнь, к усилению тенденции к беспомощности.

Акцент на защиту от несчастных случаев в домашней обстановке отражается в содержании многочисленных методических пособий о правилах организации жилища пожилого человека, которые в основном посвящены обеспечению безопасности и содержат перечень шагов, которые необходимо предпринять для профилактики падений и бытовых травм (использовать устойчивую мебель, нескользящие покрытия, убрать лежащие в проходах провода, установить блокираторы на ящики и дверцы шкафов, заглушки на розетки). Тщательно проверяется связь с вероятностью падений отдельных характеристик квартиры или дома, например, уровня освещенности, наличия поручней, порогов, ковров в ванных комнатах и на лестницах [Edwards, Dulai, Rahman, 2019; Lord, Menz, Sherrington, 2006]. Отмечается, что негативные последствия постоянного домашнего беспорядка для пожилых людей включают не только большую вероятность падений и травм, но и ухудшение их функционирования в целом [Schafer & Upenieks, 2015]. Однако нельзя полностью согласиться со словами О.С. Грязновой и К.М. Мануильской, которые пишут: «Когда мы говорим о том, какого жилья хотят пожилые люди, мы в первую очередь говорим о безопасности» [2020: 66]. Пока не будет установлено иное, честнее будет сказать, что о безопасности в первую очередь думают и говорят родственники и социальные работники, осуществляющие уход за людьми старческого возраста.

К сожалению, во всех описанных выше работах, респондентам позднего возраста следовало выбирать наиболее значимые для них характеристики среды из предлагаемого исследователями ограниченного списка или палитры. При этом не обнаружено ни одной публикации, в которой пожилым людям предлагалось бы самостоятельно описать желаемые параметры своего дома.

Пилотажное исследование предпочтений пожилых людей

Мы провели фокус-группу с участниками проекта «Московское долголетие» по выявлению важных для них характеристик дома. На первом этапе был собран список 16 потенциально значимых переменных, которые затем были объединены в шесть более широких категорий. В этой части встречи понятие безопасности дома не прозвучало, однако на вопрос ведущего, важна ли эта характеристика, было получено согласие. На втором этапе участникам фокус-группы следовало по 5-балльной шкале оценить важность указанных семи категорий, а также, если нужно, добавить то, что значимо лично для каждого из них. Обработка протоколов

Е.А. Никитина
Дом для пожилого человека: безопасность и не только

позволила выстроить предварительный рейтинг параметров идеального дома. Наиболее важным участники назвали удобство и красоту дома, далее в порядке снижения значимости оказались безопасность, историчность, отражение индивидуальности и связь с природой (наиболее частотным дополнительным фактором оказалась экология местности — свежий воздух, близкий парк, отсутствие дыма от автомобилей). Пластичность дома, отражающая легкость и удобство внесения изменений, заняла последнее место.

Далее респондентам были предложены пары фотографий интерьеров, различающихся по показателям естественной освещенности (большое многостворчатое или маленькое окно), цветовой гаммы (светлый серый или светлый кремовый цвет), загруженности комнаты предметами мебели и домашними растениями. В каждой паре надо было выбрать предпочитаемое изображение. Результаты этой серии продемонстрировали заметное, но не абсолютное совпадение вкусов участников — выбор большинством широких окон, теплой цветовой гаммы и свободного пространства комнаты, не перегруженной деталями. Обсуждение темы идеального дома вызвало живой интерес участников, отразило их интерес к планированию своей жизни. В ближайшей перспективе предполагается провести исследование на более широкой выборке пожилых людей, в том числе планируется получить свободные описания того дома, в котором каждый респондент хотел бы жить.

* * *

Говоря о проблемах организации своего быта, респонденты старшего возраста часто отмечают, что младшие члены семьи берут на себя не только финансирование, но и выбор элементов окружения пожилого родственника с учетом потенциального ухудшения его физического и психологического функционирования в ближайшем или отдаленном будущем, не учитывают его стремления к автономии и реализации собственных желаний. Однако именно независимость и способность действовать самостоятельно являются главными ценностями пожилых людей [Нагорнова, 2014]. Исследования показывают, что «в период поздней зрелости жизненный опыт человека индивидуализируется, дифференцируется и наделяется такими особенностями, благодаря которым представляется субъекту как уникальный» [Сергиенко, Харламенкова, 2018: 248].

Важным направлением в современной геронтопсихологии среды мог бы стать переход от парадигмы компенсации и защиты к парадигме салютогенеза и развития, в которой речь будет идти не только о факторах риска, но и о тех характеристиках постоянного или временного места обитания человека, которые будут

коррелировать с удовлетворением базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и близким связям с окружающими [Ryan, Deci, 2008], а также с благополучным старением в целом. Даже в хосписах возможен отход от безликих больничных интерьеров, использование ресурсов понятности, контролируемости и осмысленности окружающей среды [Громова, Литвинова, 2020]. К сожалению, число публикаций, посвященных изучению предпочитаемых характеристик дома, ближайшего окружения и жизненной среды пожилого человека в целом, крайне мало. Практически неисследованной остается роль демографических факторов, особенностей культуры, психологических переменных. Однако уже на данном этапе становится ясно, что проблема оптимизации среды обитания для представителей позднего возраста, требует междисциплинарного рассмотрения.

Е.А. Никитина
Дом для пожилого человека: безопасность и не только

A House for an Elderly Person: about Safety and More

Elena A. Nikitina

CSc in Psychology, Senior Researcher.

Institute of Psychology RAS.

13/1, Yaroslavskaya street, Moscow 129366m, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-8609-2281

NikitinaEA@ipran.ru

The article provides an overview of studies devoted to the search for options for the optimal place of residence and its equipment for elderly and senile people. Currently, most of the older generation prefer to stay in their own house or apartment. It is shown that a home should provide not only security and stability, but also the potential for the development and realization of one's own individuality. The emphasis on safety and the prevention of household injuries does not fully reflect the real needs of older people. Some of the most significant characteristics of a home include the condition of the home, energy efficiency, temperature control, safety, proximity to nature, good lighting and privacy. Somewhat less frequently mentioned is the need to adapt premises to age-related changes - the safety of the bathroom, the expansion of corridors and doorways, the installation of handrails, the use of non-slip flat surfaces, sound insulation and natural ventilation of the room. Russian respondents point to the importance of the convenience and beauty of a home, its safety, historicity, reflection of individuality and connection with nature. At the same time, they draw attention to the fact that often younger family members take on not only financing, but also the choice of elements of the environment of an elderly relative, taking into account the potential deterioration of his physical and psychological functioning in the future, and do not take into account his desire for autonomy and the realization of his own desires. The negative consequences of such a

Lesotekhnicheskij zhurnal. 2019. Vol. 2(34). P. 137–146. DOI: 10.34220/issn.2222-7962/2019.2/15

Информационно-аналитический отчет по результатам всероссийского социологического исследования общественного мнения. М.: РАДА-реклама, 2022.
Informacionno-analiticheskij otchyot po rezul'tatam vserossijskogo sociologicheskogo issledovaniya obshchestvennogo mneniya [Information and Analytical Report on the Results of an all-Russian Sociological Study of Public Opinion]. M.: RADA-reklama Publ., 2022.

Карачурина Л.Б., Иванова К.А. Миграция пожилых в России (по данным переписи населения 2010 г.) // Региональные исследования. 2017. № 3. С. 51–60.
Karachurina L.B., Ivanova K.A. Migraciya pozhilyh v Rossii (po dannym perepisi naseleniya 2010 g.) [Migration of the Elderly in Russia (According to the 2010 Census)]. *Regional'nye issledovaniya*. 2017. Vol. 3. P. 51–60.

Нагорнова А.Ю. Формирование психологически комфортной среды для людей пожилого возраста // Психология, социология и педагогика. 2014. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://psychology.snauka.ru/2014/02/2847> (дата обращения: 28.10.2023).

Nagornova A.Yu. Formirovanie psihologicheski komfortnoj sredy dlya lyudej pozhilogo vozrasta [Creating a Psychologically Comfortable Environment for older People]. *Psihologiya, sociologiya i pedagogika*. 2014. Vol. 2 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://psychology.snauka.ru/2014/02/2847> (date of access: 28.10.2023).

Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование / отв. ред. С.К. Нартова-Бочавер. М.: Памятники исторической мысли, 2016.

Dom kak zhiznennaya sreda cheloveka: psihologicheskoe issledovanie [Home as a Human Living Environment: a Psychological Study], ed. by S.K. Nartova-Bochaver. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2016.

Национальные программы по созданию городов и сообществ, благоприятных для пожилых людей: руководство. Всемирная организация здравоохранения, 2023. <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/376111/9789240087040-rus.pdf?sequence=1>

Nacional'nye programmy po sozdaniyu gorodov i soobshchestv, blagopriyatnyh dlya pozhilyh lyudej: rukovodstvo. Vsemirnaya organizaciya zdrazvoohraneniya [National Programs for Creating Age-Friendly Cities and Communities: A Guide]; 2023. <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/376111/9789240087040-rus.pdf?sequence=1>

Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Резниченко С.И., Хачатурова М.Р. Дом и его обитатели: психологическое исследование. М.: Памятники психологической мысли, 2018.

Nartova-Bochaver S.K., Bochaver A.A., Reznichenko S.I., Hachaturova M.R. Dom i ego obitateli: psihologicheskoe issledovanie [The House and its Inhabitants: a Psychological Study]. M.: Pamyatniki psihologicheskoy mysli Publ., 2018.

Сергиенко Е.А., Харламенкова Н.Е. Психологические факторы благополучного старения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. № 3. С. 243–257.

Е.А. Никитина
Дом для пожилого человека: безопасность и не только

- 126

ЭНВАЙРОНМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД СТУДИИ RAAAF: ЛАНДШАФТЫ АФФОРДАНСОВ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПОВЕРХНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Тимофеевко Анастасия Игоревна — аспирант.
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».
Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мяс-
ницкая, д. 20.
ORCID: 0009-0004-2509-7467
timofeenko123@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена энвайронментальному методу в художественных практиках нидерландской студии Rietveld Architecture-Art-Affordances. Студия, основанная архитекторами братьями Рональдом и Эриком Ритвелдами в 2006 году, участвует в трансформации современного эстетического поля, дрейфуя вместе с когнитивистикой рубежа веков от понимания познания в терминах переработки информации к его трактовкам как процесса коэволюции организма и среды. Анализируя проекты «The End of Sitting» (2014) и «Breaking Habits» (2017), автор демонстрирует эвристический потенциал экологического мышления в энактивизме Ф. Варелы, Э. Томпсона и Э. Рош и экологической психологии Дж. Гибсона для современного искусства и дизайна. Особое внимание уделяется интенсификации взаимодействия тела и среды в ландшафтах аффордансов, создаваемых RAAAF для подрыва ригидных способов существования, и ре-фигурации поведенческих паттернов. В художественных практиках студии автор обнаруживает экологические стили проектирования

Ключевые слова: студия RAAAF, энактивизм, дизайн, художественные интервенции, утопический импульс, энвайронментальный метод, телесность, среда, ландшафт аффордансов, полифункциональные поверхности.

В 2014 году голландские архитекторы Эрик¹ и Рональд² Ритвелды, основатели междисциплинарной студии RAAAF (Rietveld Architecture-Art-Affordances), и художница Барбара Виссер представили проект «The End of Sitting» в выставочном центре «Looiersgracht 60» в Амстердаме. Арт-инсталляция из поверхностей, соединенных под разными углами, позиционировалась авторами как экспериментальная альтернатива сидячему образу жизни. Вместо закрепления между стулом и столом архитекторы предложили офисному человеку расширить репертуар поз за счет телесных положений, занимаемых в контакте с динамичными поверхностями. Об экспериментально-экологической альтернативе «сидению», представленной RAAAF, СМИ писали как о самом странном, новом, зовущем «никогда не садиться» концепт-офисе будущего [Rhodes, 2014, Williams, 2014, Office Furniture of the Future, 2021].

В этой инициативе, нацеленной на поиск новых способов взаимодействия человека и среды, можно различить продолжение художественных экспериментов XX века — от утопических проектов русского авангарда до нового урбанизма Уильяма Уайта, проектирующего комфортный и человекомерный город. Следуя за Ф. Джеймисоном, который различает утопическую программу и утопический импульс [Jameson, 2005], автор трактует разработки голландских архитекторов не как утопию *будущего*, но как импульс, побуждающий к артикуляции ограничений *настоящего* и внесению микро-изменений в повседневность. Утопическая

¹ Эрик Ритвелд (1969) — философ, старший научный сотрудник Амстердамского университета. Был младшим научным сотрудником Гарвардского университета, приглашенным ученым в Институте нейрологии имени Хелен Уиллс в Калифорнийском университете в Беркли.

² Рональд Ритвелд (1972) — архитектор, выпускник Амстердамского университета искусств и призер премии Prix de Rome (2006).

программа, по Джеймисону, системна, монолитна, нацелена на революционный масштаб проекта, радикально отдалена от настоящего и в то же время некритически «наследует» ограничениям существующего символического порядка. Тогда как утопический импульс, неопределенный и спонтанный, обеспечивает приостановку порядка и расширение возможностей для креативного действия. Он ассоциируется с брожением, игрой воображения, вспышкой и критическим осмыслением идеологических рамок [Джеймисон, 2011: 18]. Проект RAAAF не только деавтоматизирует рутины повседневности, но и создает пространство возможностей для освобождения офисных тел. Архитекторы не замещают один символический порядок другим, но делают отношения человека со средой насыщенными. Их проект можно сравнить с раствором, где устанавливаются и выкристаллизовываются новые связи и свойства.

Именно средовой метод RAAAF, как я покажу, запускает и поддерживает утопический импульс. Здесь востребованы энактивизм Ф. Варелы, Э. Томпсона и Э. Рош [Варела, 2023] и экологическая теория восприятия Дж. Гибсона [Гибсон, 1988], которая остается одним из главных источников вдохновения при пересмотре представлений о камерном сознании и интрапсихической реальности. Представляя в 1991 году энактивный подход, Варела, Томпсон и Рош отказались от компьютерной метафоры познания/сознания в пользу коэволюции и плотного взаимодействия человека и среды. Открытость RAAAF к разработкам когнитивистики рифмуется со специализацией одного из создателей студии: Эрик Ритвелд работает в университете Амстердама на стыке философии сознания, феноменологии, психологии и нейронауки.

На примере двух проектов («The End of Sitting», «Breaking Habits») я покажу, как RAAAF переносит наработки средовой когнитивистики (энактивизма) в сферу современного искусства и дизайна. Начав с характеристики теоретической базы междисциплинарной архитектурной студии, я опишу специфику ее подхода к взаимодействию человека и среды, а затем сосредоточусь на анализе ландшафтов аффордансов.

Теоретические опоры экологизма RAAAF: между психологией и когнитивистикой

В названии группы «Rietveld Architecture-Art-Affordances» включен *аффорданс* — термин, изобретенный американским психологом Дж. Гибсоном в рамках экологической психологии [Гибсон, 1988]. Для Гибсона восприятие — это одновременно свойство

А.И. Тимофеев
Энвайронментальный метод студии RAAAF: ландшафты аффордансов и экспериментальные поверхности существования

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

психического устройства и активного взаимодействия со средой: «Для его осуществления необходимо, чтобы наблюдатель активно передвигался, смотрел по сторонам и рассматривал объекты окружающего мира» [там же: 213]. Утверждая неразрывную связность разума, тела и окружающей среды, Гибсон считает необходимым разграничить *мир* как внешнее физическое пространство и *среду* как пространство обитания и активности, предоставляющей организму возможности для действия или аффордансы: «Аффордансы окружающего мира — это то, что он представляет животному, чем он его обеспечивает и что он ему предлагает, неважно, полезное или вредное ... нечто, что относится одновременно и к окружающему миру, и к животному таким образом, который не передается ни одним из существующих терминов. Он подразумевает взаимодополнительность окружающего мира и животного» [там же: 188]. Критика редукции офисной жизни к сидению и стулу, производимая RAAAF, в этом свете выглядит критикой аффордансов.

Популярным подход Гибсона, однако, сделала не психологическая наука, где учение об аффордансах оставалось нишевым, но объектно-ориентированный дизайн. В 1988 году американский теоретик дизайна Дональд Норман в знаменитом «Дизайне привычных вещей» [Norman, 2013] с помощью понятия Гибсона описал отношения между объектами, сконструированными дизайнером, и пользователем: «Аффорданс — это связь между свойствами объекта и возможностями агента, которые определяют, каким образом объект может быть использован» [ibid: 11]. Впоследствии аффордансы, ставшие одним из краеугольных камней UX-дизайна, обозначали меру его дружелюбия — способность проектируемых объектов и цифровых сред делать возможные действия с ними интуитивно понятными для пользователя. Искусственные аффордансы, по сути, материализуют взаимодействие дизайнера с пользователем, позволяя разработчику преобразовывать среды обитания и жизнь людей посредством заданных свойств спроектированного объекта. Обращаясь к аффордансам, RAAAF задействует потенциал их двойной трактовки — эколого-психологический и проектный, рассчитывая и усиливать взаимодействия человека со средой, и изменять их: «В отношении взаимной детерминации и взаимного созидания находятся живой организм и познаваемая и осваиваемая им среда (Umwelt), жизненные среды различных живых организмов и популяций, составляющих тем самым экологический ландшафт, жизненные миры отдельных людей и сообществ, объединяющиеся в единый Umwelt» [Князева, 2014: 150].

Развитие экологического подхода сопровождалось, как отмечает Елена Князева, разработкой специализированного тезауруса, позволяющего характеризовать средовые воздействия и

взаимодействия. Речь идет об «Umwelt», предложенном биологом Якобом фон Исклюлем для характеристики окружающего мира, который организм формирует и к которому приспосабливается [Uexküll, 1909]; о поле, описанном психологом Куртом Левиным как жизненном пространстве индивида и валентности вещей [Левин, 2000]; аффордансах Гибсона как экологических основаниях мира; экологии разума антрополога и психиатра Грегори Бейтсона [Бейтсон, 2000]. Формулируя общее основание, Князева подчеркивает, что «всюду указывается на живую и непосредственную связь живого организма и среды ... Umwelt — это созданный нами окружающий мир, обратно влияющий на нас самих... Эта теоретическая позиция становится в настоящее время достаточно популярной и получает название *extended mind* и *extended life*. Но ведь это и есть энвайронментализм, экология человеческого действия, коммуникации и познания» [Князева, 2014: 152].

И все же именно средовой когнитивизм или энактивизм стал для создателей RAAAF главным проводником в экологические миры современности. Формулируя в «Отелесненном уме» основания энактивизма, Ф. Варела с соавторами обозначают гносеологическую дилемму когнитивизма — выбор между курицей и яйцом, реконструкцией предзаданных свойств мира и пси-проекциями, — лишь для того, чтобы сформулировать взаимную спецификацию в отношениях человека и мира в качестве комплексной альтернативы обеим крайностям [Варела, 2023: 314]. Описывая взаимодействие со средой через воплощенное действие (*embodied action*), энактивисты отмечают два момента. Во-первых, познание рассматривается как производная от разнообразия опыта, получаемого посредством «тела, обладающего различными сенсомоторными способностями». Во-вторых, сенсомоторные способности индивида встроены в широкий биологический, психологический и культурный контексты [там же: 315]. Энактивисты подчеркивают значение сенсомоторных механизмов в их ситуационном функционировании, определяющих возможности индивида действовать в среде и быть движимым ею.

Среда в свою очередь принимает форму и очертания в перцептивном акте обитателя, воплощаясь с ним вместе. «Само тело как инструмент познания, ищущий и познающий отелесненный разум и познаваемая им окружающая среда, когнитивное усилие как активное действие рассматриваются в их взаимно обуславливающей, синергичной связке» [Князева, 2014: 8]. Накапливая значимые аффордансы, организм адаптируется, использует и меняет среду, готовя собственное преобразование: «Именно сам организм — в соответствии с собственной природой своих рецептов, порогами восприятия своих нервных центров и движениями

А.И. Тимофеев
Энвайронментальный метод
студии RAAAF:
ландшафты
аффордансов и экспериментальные
поверхности
существования

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

Рис. 1. RAAAF, Barbara Visser. The End of Sitting. 2014. Фрагмент из видео «The End of Sitting 1:1». Источник: <https://vimeo.com/123389881>

органов — отбирает те стимулы в физическом мире, к которым он будет чувствителен. Среда (Umwelt) возникает из мира посредством актуализации или бытия (being) организма» [Merleau-Ponty, 1963; цит. по Князева, 2014: 228].

Энактивистские разработки Варелы, Томпсона и Рош стали частью интердисциплинарного пространства современной когнитивистики³, представленного в виде зонтичной концепции «4E-cognition». Познание здесь определяется через четыре характеристики, производные от действия, как воплощенное (embodied), встроенное (embedded), расширенное (extended) и энактивное (enactive). В своих разработках RAAAF обращается не только к исследованиям создателей энактивизма, но откликается на весь спектр «4E cognition»⁴, определяющих познание как активное, телеснодетерминированное действие в среде.

Тело. Среда. RAAAF

Критика избыточной и нездоровой оседлости ведется давно и к голландской инсталляции не сводится. Достаточно вспомнить

³ См. исследования Шона Галлахера, Дэниала Хутто, Эрика Мина, Ламбруса Малафуриса и многих других: The Oxford Handbook of 4e cognition, Newen A., De Bruin L., Gallagher S. (ed). Oxford: Oxford University Press, 2018.; Gallagher S. Embodied and Enactive Approaches to Cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.; Hutto D., Myin E. Evolving Enactivism. Cambridge: MIT Press, 2017.; Malafouris L. How Things Shape the Mind. Cambridge: MIT Press, 2013. и другие.

⁴ Например, RAAAF откликается на теорию материальной вовлеченности Л. Малафуриса или сенсомоторный энактивизм А. Ноэ: Malafouris L. How Things Shape the Mind. Cambridge: MIT Press, 2013.; Noe A. Strange Tools. New York: Hill & Wang, 2016.

о производственной гимнастике, борьбе с гиподинамией, моде на ЗОЖ, разработке моделей столов для работы стоя и цифровых инструментах, осуществляющих мониторинг активности в режиме 24/7. Специфика подхода RAAAF к телесному освобождению заключается в том, что вместо доктрин и новых дисциплин ставка делается на создание инфраструктур, интенсифицирующих взаимодействие тела и среды в их ко-детерминации.

В основу инсталляции «The End of Sitting», впервые представленной в амстердамской галерее «Looiersgracht 60» в 2014 году, заложен отказ от линейного зонирования, создания ячеистой решетки офиса и привычного разделения помещения мебелью в пользу перетекающих друг в друга нерегулярных поверхностей, дробящихся уступами. Монолит, изготовленный из светлого пластика, не только не задает фиксированного способа локализации, но и побуждает экспериментировать с наиболее комфортными местоположениями, прилаживаясь к пространству.

Офисная мебель, альтернативу которой предлагает RAAAF, ставит знак равенства между работой и положением сидя. Она изготавливается в расчете на длительное сохранение этой позы в качестве общепринятой, социально приемлемой и удобной. Вращающееся, подвесное и откидное сидения, сидения с регулируемой высотой или на колесиках [Вигарелло, 2024: 396] позволяют сидеть в разных обстоятельствах, закрепляя функциональную гегемонию позы. Сидение проектируется таким образом, чтобы до вещей и инструментов можно было дотянуться, не вставая. Создавая условия для длительного погружения в рабочий процесс, мебель участвует в отчуждении человека от тела — позволяет «часами сохранять неподвижную позу для того, чтобы рассматривать предмет “вполне объективно”, как будто тебя самого тут и нет» [Строкина, 2007: 296]. Игнорируя первичные болевые ощущения, работник адаптируется к дискомфорту и тонической усталости. Чувствующее тело в офисе отходит на второй план, становясь белым шумом или предметом эргономической регуляции, оптимизации и экономии: «Рычаги при работе стоя должны быть на уровне плеч ... и на уровне локтей при работе сидя ...» [Вигарелло, 2024: 395].

И, напротив, в среде «The End of Sitting» многообразие поверхностей позволяет субъекту осваивать и обживать окружающее пространство посредством широкого спектра нефиксированных и нерегламентированных поз. Можно стоять, слегка облокотившись спиной или используя поверхность перед собой для письма; сидеть в полузакрытом, изолированном «уголке» или на возвышении; лежать, читая книгу и т.д. Форма инсталляции спроектирована архитекторами так, чтобы в одном положении было удобно находиться не дольше часа, побуждая к постоянной смене поз, поскольку «вредна

А.И. Тимофеев
Энвайронментальный метод
студии RAAAF:
ландшафты
аффордансов и экспериментальные
поверхности
существования

не сама поза, а время пребывания в ней» [Строкина, 2007: 302]. Так, застывшее офисное тело, производимое комбинацией столов-стульев, лишается устойчивого местоположения и обретает подвижность в ходе адаптации к динамичному ландшафту.

В «The End of Sitting» тело освобождается и в своем физическом действии, и в субъективном переживании, становясь центром знания об окружающем мире, приобретенном в действии и взаимодействии с ним (*энакции*). После раскрепощения и деавтоматизации тела-объекта в нем можно уже без специальной феноменологической редукции разглядеть основание существования, о котором Морис Мерло-Понти писал безотносительно к эффектам инсталляции RAAF: «Мы сами существуем в мире посредством нашего тела и воспринимаем мир при помощи нашего тела.

Вновь обретая таким образом контакт с телом и миром, мы обретаем самих себя, поскольку, если я воспринимаю при помощи тела, тело — это естественное «я» и, так сказать, субъект восприятия» [Мерло-Понти, 1999: 265].

В инсталляции RAAAF тело не только адаптируется под множество поверхностей, но и само становится отправной точкой для их конфигурации. На этапе проектирования архитекторы проводили эргономическое исследование различных положений тела, их удобства/неудобства для создания своих полифункциональных конструкций. Отталкиваясь от тела — в духе аффордансов уже не Гибсона, но Нормана, — дизайнеры проектируют новые среды обитания. Исследование телесности и оптимальных местоположений, начатое архитекторами на подготовительном этапе, может продолжаться в частном порядке, если индивид использует инсталляцию для выявления своих возможностей и потребностей. Исследование себя и мира, опирающееся на пробы местоположений, позволит современному работнику не только принимать во внимание собственное тело, но и создавать новые телесные паттерны офисной работы, де-рутинизируя повседневность.

Энактивный метод студии RAAAF можно различить в том внимании, что участники группы уделяют динамическим отношениям взаимодействия, со-настройки и со-производства тела и материальной среды. Ведь именно ее, а не стабильное, определенное и структурированное офисное *место* создают архитекторы и дизайнеры как пространство обитания и взаимодействия, движения и действия, изучения, внимания, мышления и изменения [Mitchell 2002: viii]. Впрочем, экологически прочитываемая среда обитания при ближайшем рассмотрении оказывается пластичнее и математически, и социологически прочитанного пространства, о котором пишет Томас Митчелл, суммируя идеи Анри Лефевра. Здесь «вместо геометрических точек и линий у нас есть <...> пункты наблюдения и пути следования <...> Понятие среды, следовательно, отличается от понятия пространства, поскольку точки пространства идентичны друг другу и лишены какой бы то ни было уникальности» [Гибсон, 1988: 54]. Студия RAAAF ориентирована на создание таких сред и экспериментирование с ними.

Ландшафты аффордансов и поверхности существования

Пространство, которое создается в «The End of Sitting», архитекторы RAAAF называют «ландшафтом аффордансов», тем самым, подчеркивая, что основу пространственной связности здесь

А.И. Тимофеев
Энвайронментальный метод
студии RAAAF:
ландшафты
аффордансов и экспериментальные
поверхности
существования

В определении аффордансов как «возможности действий, которые среда предлагает форме жизни» [Rietveld, 2014: 328], RAAAF следует за Гибсоном и, как кажется, Витгенштейном. Ведь это он, прагматически трактуя язык, писал о языковых играх как о формах жизни, задаваемых способами употребления и задающих их [Витгенштейн, 2010]. Другое дело, что на первый план здесь выходят корпоральные формы жизни и многообразие воплощений, практикуемое во взаимодействии с социальным и материальными средами.

Приобретая средовые навыки, мы узнаем, где локализованы аффордансы, соответствующие нашим интересам, и, в терминах Гибсона, *воспитываем внимание*, обучаясь отличать «правильное от неправильного, лучшее от худшего <...> в конкретных материальных условиях» [Гибсон, 1988: 331]. Одни аффордансы будут конвенциональными, другие — неконвенциональными (работать в офисе, лежа на полу). Описывая многообразие аффордансов в терминах ландшафта, RAAAF, как мне представляется, смещает акцент с социальной регламентации корпоральных и пространственных практик на равноценно сосуществующие возможности среды.

При проектировании офисного пространства создание удобных рабочих мест предполагает консервативные и универсальные решения для работников, поведение и существование которых регламентировано и предсказуемо. Учитывается средняя масса тела и средняя продолжительность рабочего дня, паттерны работы с документами и бизнес-коммуникации. Посылка проектировщика, исходящего из того, что удобная рабочая поза может быть только одна, находит продолжение в действиях потребителя, который выбирает не удобную позу, но удобный стул. RAAAF подрывает эту стабилизацию, демонстрируя изменчивость локализаций и местоположений. Студия проектирует среду, новая встреча с которой может дать новые способы адаптации.

Художественные интервенции RAAAF можно расценивать как попытку пересобрать аффордансы таким образом, чтобы различить в возможностях, представляемых средой, опору для привычек и поддерживаемых через них способов существования — тех самых «протоптаных троп» [Latour, 2013], что, будучи доведенными до автоматизма, позволяют не фокусироваться на повседневных вещах и их свойствах. Эту невидимость на свой лад взламывает графический дизайнер Марцин Виха, когда рассуждает о дизайне почтовых бланков: «Они просто-напросто есть. Неизбежные как погода. Неизменные, как климат. Даже

Рис. 3. RAAAF. Breaking Habits. 2017. Фрагмент фото инсталляции. Источник: https://www.raaaf.nl/nl/projects/1106_breaking_habits/1167

постоянное климата, прочнее политической системы, старше самой истории» [Виха, 2021: 149]. Атемпоральность и неизменность объектов и сред, поддерживающих существующие паттерны поведения, не позволяют разглядеть нормы и блокирует не только их ревизию, но и само стремление к поиску альтернатив.

В ландшафтах аффордансов, создаваемых RAAAF, основным рабочим элементом становится сложно организованная, складчатая, поверхность. И если Джулиана Бруно рассматривает поверхность как воплощение отношений материальности к эстетике, технологии и темпоральности [Bruno, 2014: 2], то у проектировщиков новых сред из Амстердама, как кажется, другие ориентиры. Они следуют, скорее, за ранним Делезом [Делез, 1998] и Гибсоном, которые отмечают исключительное значение поверхности для жизни, события и событийности самой жизни: «Поверхность — это то место, где разворачиваются основные события. Поверхность — это то, с чем соприкасается животное» [Гибсон, 1988: 46].

Сложные и неконвенциональные поверхности «The End of Sitting» интенсифицируют взаимодействие тел и окружения. Здесь приобретает значение не столько воздействие инсталляции на обитателя (побуждает стоять, а не сидеть) или обживание поверхности обитателем (превращение в поверхность для письма, например), но сама встреча тела и поверхности данной среды, характер встречи и кристаллизация отношений (то, как абстрактная поверхность предлагает себя в качестве поверхности письма и обретает это качество в действиях человека). Вместе с тем, объекты, проектируемые RAAAF, сопротивляются формализации и любым формам завершенности, способствуя преобразованию складок пространства в складки опыта, «бесформенные» и пластичные, предлагающие «вместо *границ*, где вещи оканчиваются» [Сендра,

А.И. Тимофеевко
Энвайронментальный метод
студии RAAAF:
ландшафты
аффордансов и экспери-
ментальные
поверхности
существования

2022: 58], *края*, становящиеся линиями перехода, протяженности, движения.

Еще более пластичные и складчатые поверхности существования RAAAF создает в проекте «Breaking Habits» (представленном в пространстве фонда визуальных искусств «Mondriaan Fund» в 2017 году в Амстердаме), продолжая свои эксперименты с деавтоматизацией рутин. На этот раз пересматриваются уже не офисные шаблоны, но устойчивые формы местоположения во время отдыха. Инсталляция представляет собой необычную гостиную, смоделированную из ковровой ткани. Ее крепление к железным балкам на потолке позволяет изменять конфигурацию пространства, задаваемую складками, исходя из нужд пользователя.

Ковры, которые прежде бросали на пол или развешивали на стенах, стали динамичными несущими конструкциями и номадическими поверхностями, опровергая и выворачивая наизнанку тезис Флюссера: «Для культуры шатров ковер является тем же, чем для культуры домов является архитектура. Но, вырвавшись из шатра и перелетев степь, ковер через окно влетел в нашу квартиру, и теперь наши полы стали подкладкой для ковров, а ковры — просто предложением» [Флюссер, 2016: 124]. В гостиной от RAAAF, как зачастую и в мирах современного досуга, устойчивость *опоры* сменяется текучестью и пластичностью *поверхности*. Внутри «Breaking Habits» отношения тела и поверхностной среды становятся разнообразнее и усиливаются скольжением, пластичностью и невозможностью окончательной фиксации складки. Привычный сценарий взаимодействия человека и материального мира не заменяется другим, но раскрывается в сторону непрерывно обволакивающей и вариативной сонастройки. Если верить Флюссеру, ковер является идеальной материей для проектирования номадических поверхностей существования: «Ковроткачество — это процесс, в котором поверхность ополчилась против собственной опоры, основы... То, что ковры производят достаточно статичное впечатление — лишь иллюзия: ковер выполнен в рваной, будто бы даже алеаторической технике, опирающейся, в свою очередь, на статичный набросок» [там же: 124].

Как кажется, отказ от опоры, который последовательно реализует в своих проектах RAAAF, рифмуется с отказом от стабилизации в эпистемологическом, этическом, политическом проекте энактивизма: «Мы обнаружили, что не можем выделить никакой субъективной основы, никакого неизменного и постоянно пребывающего это-«я». Попытавшись отыскать объективную опору, которая, как нам казалось, все же должна существовать, мы обнаружили мир, энаktivированный нашей историей структурного сопряжения. Наконец, мы увидели, что эти различные формы

безопорности суть одно: организм и среда обволакивают друг друга и разворачиваются друг из друга в фундаментальном замкнутом круге, и этот круг и есть сама жизнь» [Варела, 2023: 375]. Голландские дизайнеры и архитекторы вступают в этот круг жизни со своими техниками и рабочими инструментами, создавая ландшафты аффордансов и моделируя поверхности существования.

Утопический импульс художественных интервенций

Альтернатива рутинам и нормам повседневности, которую обещают ландшафты аффордансов, — это не предписание сверху, но практика экологического воспитания, где поиск новых способов взаимодействия с материальной средой и обучение им инициирует и ведет сам ученик в активном взаимодействии с миром.

Так, Марцин Виха припоминает, как ее отец комментировал различия капиталистического и социалистического дизайна упаковки витаминов с крышкой-защитой: «В нашем мире [Советской Польше] — подчеркивал отец — достаточно написать «не давайте детям» и заняться более важными делами. Ну, может, еще раздать в медицинских учреждениях миллион листовок, информирующих о страшных последствиях чрезмерного употребления витамина С. <...> их [США], судя по всему, не пытались перевоспитать. Кто-то признал неизменность человеческой природы, а потом посвятил немного времени, чтобы найти решение — крышку только для взрослых. <...> Мир, который подстроился под пользователя. Вместо того чтобы сгибать человеку позвоночник и прижимать голову к груди, предупреждая: «Осторожно, низкий потолок» (черно-желтые полосы и табличка «Помни о каске»), дизайн обещал если не толерантность, то хотя бы снисхождение» [Виха, 2021: 42–43].

И здесь метод RAAAF оказывается срединным. Архитекторы не создают проект офиса с линейкой стоячих рабочих мест, размещая на стенах плакаты о вреде непрерывной сидячей работы, но и не заполняют пространство мягкими креслами-мешками, давая телу раствориться в уюте и комфорте домашнего пространства. Вместо тотальной перековки общества социальной мобилизации или «усыпляющей» клиентоориентированности общества потребления RAAAF выбирает инструментом деконструкции и трансформации комфорта саму специфику нашего существования — активное действие тела в среде. Вместо давления *сверху* или поддержки *снизу* RAAAF действует *через* среду. Выбирая срединный путь между предписанным *извне* и наложенным *вовне*,

А.И. Тимофеев
Энвайронментальный метод
студии RAAAF:
ландшафты
аффордансов и экспериментальные
поверхности
существования

Результаты опытов с теми, кто вступил в контакт с инсталляцией, провозглашающей конец сидячего образа жизни, дают осторожную надежду на то, что задумка архитекторов, нацеленных на мягкую регуляцию и практическое смещение от однообразности сидения к разнообразию местоположений, была небезуспешной [Renauld, 2017; Withagen, 2016]. Посетители «The End of Sitting» предпочитали стоячее положение сидящему, а, оставаясь в этой среде продолжительное время, меняли позу до четырех раз, перемещаясь по ландшафту аффордансов. Студенты, чередовавшие обучение в классе за партами с занятиями в пространстве «The End of Sitting», не заметили разницы в качестве освоения учебного материала, однако отметили более энергичное и активное состояние после работы в инсталляции RAAAF. Когда объект «The End of Sitting» размещался в проходной зоне, редкие посетители ненадолго заглядывали в инсталляцию (отмечая ее удобство и готовность использования в будущем), тогда как остальные предпочитали экспериментальным поверхностям привычные лавочки, расположенные рядом.

Сложность вхождения в ландшафт «The End of Sitting», как мне представляется, лишь актуализирует значимость разработок RAAAF для выявления инертности нашего существования и закрытости человека в повседневности разнообразию, которое открывается в контакте с материальными средами. Проблемной оказывается не сидячий образ жизни, но непрерывная готовность к его воспроизводству, тот самый автоматизм, полный инерции, о котором писал Бруно Латур, отделяя рутину от привычки. Привычка в этой логике не противостоит возможностям изменения или смены фокуса внимания, «но чтобы иметь возможность измениться, мы всегда должны иметь возможность вернуться назад, и, таким образом, всегда сохраняя тональность действия в поле зрения» [Latour, 2013: 270].

Студия RAAAF поддерживает эту тональность. Реабилитируя *тело* в его движении, переживании, рефлексивности и создавая *среду* обитания, архитекторы предлагают рассматривать существующие сегодня рутинные отношения человека с материальной средой не как константы, но лишь как одну из складок номадического ландшафта аффордансов. Полифункциональные поверхности студии призваны не утверждать новые ригидные нормы, но открывать пространство для рефлексии относительно существующего порядка, усиливая связность человека и среды. Утопический

импульс RAAAF, деавтоматизирующий рутины повседневности и обрисовывающий альтернативы им, способен инициировать и другие проблематизации. Может ли пластичность местоположений расшатать дисциплины офисной жизни? Обернется ли отказ от личных рабочих мест демонтажом иерархий, кризисом комфорта или подрывом координации (блужданием без понимания, куда приземлиться)? Будут ли в новых средах созданы новые социальные связи или утеряны привычные топосы коммуникации («разговоры в кулуарах»)?

В этих попытках вообразить и реализовать в материале офиса будущего важна сама оптика, не просто деавтоматизирующая восприятие и поведение, но и актуализирующая альтернативные способы существования на путях интенсивных и динамичных телесно-средовых отношений. Ведь, как отмечают классики энактивизма, «освобождение — это не то же самое, что жизнь в повседневном мире, обусловленном неведением и смятением; это жизнь и действие в повседневном мире с осознанием. Освобождение не означает бегство от мира; оно означает преобразования всего нашего способа существования, нашего способа отелеснивания в самом проживаемом мире» [Варела, 2023: 398].

The Environmental Method of the RAAAF Studio: Landscapes of Affordances and Experimental Surfaces of Existence

Anastasia I. Timofeenko

Postgraduate student.

National Research University "Higher School of Economics".

20, Myasnitskaya Str., 101000 Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0009-0004-2509-7467

timofeenko123@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the environmental method in the artistic practices of the Dutch studio Rietveld Architecture-Art-Affordances. The studio, founded by architects brothers Ronald and Erik Rietveld in 2006, is participating in the transformation of the modern aesthetic field, drifting along with cognitive science at the turn of the century from an understanding of cognition in terms of information processing to its interpretation as a process of co-evolution of the organism and the environment. Analyzing the projects "The End of Sitting" (2014) and "Breaking Habits" (2017), the author demonstrates the heuristic potential of ecological thinking in the enactivism of F. Varela, E. Thompson and E. Roch and the ecological psychology of J. Gibson for contemporary art and design. Particular attention is paid to the intensification of the interaction of body and environment in the landscapes of affordances created by RAAAF to undermine rigid ways

А.И. Тимофеевко
Энвайронментальный метод
студии RAAAF:
ландшафты
аффордансов и экспери-
ментальные
поверхности
существования

Keywords: RAAAF studio, enactivism, design, artistic interventions, utopian impulse, environmental method, physicality, environment, landscape of affordances, multifunctional surfaces.

For citation: Timoreenko A.I. The Environmental Method of the RAAAF Studio: Landscapes of Affordances and Experimental Surfaces of Existence // Chelovek. 2024. Vol. 35. N 5. P. 127-144. DOI: 10.31857/S0236200724050073

Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии/ пер. с англ. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. М.: Смысл, 2000.

Bateson G. *Ecologiya razuma. Izbrannye statii po antropologii, psixiatrii i epistemologii* [Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology], transl. from English by D. Y. Fedotov, M. P. Papusha. Moscow: Smysl Publ., 2000.

Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум / пер. с англ. К. Тулуповой. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2023.

Varela F., Thompson E., Rosch E. *Otelesnenny'j um* [Embodied Mind], transl. from English by K. Tupulova. Moscow: Foundation "Sokhranim Tibet" Publ., 2023.

Вигарелло Ж. История усталости от Средневековья до наших дней / пер. с фр. О. Панайотти. М: Новое литературное обозрение, 2024.

Vigarello G. *Istoriya ustalosti ot Srednevekoviya do nashikh dnei* [Histotie de la Fatigue du Moyen âge à nos jours], transl. From French by O. Panajotti. Moscow: Novoe Literatyrnoe Obozrenie Publ., 2024.

Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского.
М.: АСТ: Астрель, 2010.

Wittgenstein L. Filosofskie issledovaniya [Philosophical Investigations], transl. from German by L. Dobroselskij. Moscow: AST: Astrel Publ., 2010.

Виха М. Как я разлюбил дизайн/ пер. с пол. П. С. Козеренко, О. В. Чехова. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2021.

Wicha M. *Kak ya razlybil desajn* [How I Stopped Loving Design], transl. from Polish by P. S. Kozerenko, O. V. Chekhova. St. Petersburg: Ivana Limbaha Publ., 2021.

Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию/ пер. с англ. М.: Прогресс, 1988.

Gibson J. *Ecologicheskij podhod k zritelnomu vospriyatiyu* [Ecological Approach to Visual Perception], transl. from English. Moscow: Progress Publ., 1988

Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. Москва: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998.

Deleuze G. Logica smysla [The Logic of Sense], transl. from French by Y. I. Svirskij. Moscow: Raritet, Yekaterinburg: Delovaya kniga, 1998.

- Джеймисон Ф. Политика утопии // Художественный журнал. 2011. № 84. С. 10–26.
Jameson F. *Politika utopii* [The Politics of Utopia], *Khudozhestvennyj zurnal*. 2011. N 84. P. 10–26.
- Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014.
Knyazeva E.N. *Evactivism: novaya forma konstruktivizma v epistemologii* [Enactivism: a new Form of Constructivism in Epistemology]. Moscow; St. Petersburg: Tzentr Gumanitarnykh Nauk Publ., Universitetskaya Kniga Publ., 2014.
- Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. с англ. Е. Суприна. СПб.: Сенсор, 2000.
Lewin K. *Teoriya polya v sotsialnyh naukah* [Field Theory in Social Science], transl. by E. Suprina. St. Petersburg: Sensor Publ., 2000.
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия/ пер. с фр. И. С. Вдовиной. СПб.: Ювента Наука, 1999.
Merleau-Ponty M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phénoménologie de la perception], transl. from French by I. S. Vdovina. St. Petersburg: Yuventa Nauka Publ., 1999.
- Сендра П., Сеннет Р. Проектировать беспорядок: Эксперименты и трансгрессии в городе/ пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.
Sendra P., Sennett P. *Proetkirovat' besporyadok: Eksperimenty i transgresii v gorode* [Designing Disorder: Experiments and Disruptions in the City], transl. from English by I. Kushnarevoy. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2022.
- Строкина А.Н. Рабочая поза как объект междисциплинарного исследования // Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М.: АСТ, 2007.
Strokina A. N. *Rabochaya poza kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Working Posture as an Object of Interdisciplinary]. *Psikhologiya telesnosti mezdu dushoi i telom* [Psychology of physicality between soul and body], ed.-compil. by V.P. Zinchenko, T.S. Levi. Moscow: AST Publ., 2007.
- Флюссер В. О положении вещей. Малая философия дизайна / пер. с нем. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
Flusser V. *O polozhenii veshei. Malaya filosofiya desaina* [Vom Stand der Dinge. Eine kleine Philosophie des Design], transl. from German. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2016.
- Bruno G. *Surface: Matters of aesthetics, materiality, and media*. University of Chicago Press, 2014.
- Jameson F. *Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia*. London, New York: Verso, 2005.
- Mitchell W.J.T. Space, Place and Landscape. *Landscape and Power*, Mitchell W.J.T. (ed). Chicago: The University of Chicago Press, 2002.
- Latour B. *An Inquiry into Modes of Existence. An Anthropology of the Moderns*. Cambridge, London: Harvard University Press, 2013.
- Merleau-Ponty M. *The Structure of Behavior*. Boston: Beacon Press, 1963.
- Norman D. *The Design of Everyday Things. Revised and Expanded Edition*. New York: Basic Books, 2013

А.И. Тимофеенко
Энвайронмен-
тальный метод
студии RAAAF:
ландшафты
аффордан-
сов и экспери-
ментальные
поверхности
существования

©2024 В.Н. ГАЛЯПИНА, Н.А. КИСЕЛЕВА, И.А. АПОЛЛОНОВ

РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВОСПРИЯТИИ ЭЛЕМЕНТОВ ХРАМОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Галяпина Виктория Николаевна — доктор психологических наук, доцент, профессор департамента психологии, главный научный сотрудник центра социокультурных исследований факультета социальных наук.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

ORCID: 0000-0002-3885-1455

vgalyapina@hse.ru

Киселева Надежда Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии.

Псковский государственный университет.

Российская Федерация, 180000 Псков, пл. Ленина, д. 2.

ORCID: 0000-0002-4343-3530

kiselevana@yandex.ru

Аполлонов Иван Александрович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и психологии.

Кубанский государственный технологический университет.

Российская Федерация, 350072 Краснодар, ул. Московская, д. 2.

ORCID: 0000-0002-1926-8213

obligo@yandex.ru

Статья подготовлена на основе исследования, осуществленного в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; проект «Зеркальные лаборатории».

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

Аннотация. Анализируется культурная идентичность (включающая этническую, религиозную и региональную идентичности) как фактор, предсказывающий позитивное/негативное восприятие одного из элементов городской архитектурной среды — храмового изразца. Опираясь на теорию социальной перцепции, а также учитывая особенности восприятия произведений искусства, авторы провели исследование среди русских в России (N = 620). В качестве инструментария использовались семантический дифференциал и шкалы измерения этнической, религиозной и региональной идентичностей. Для анализа проводились конфирматорный факторный анализ и моделирование структурными уравнениями. Согласно результатам исследования, семантическое пространство восприятия изразца Теремного дворца Московского Кремля имеет пятифакторную структуру: «Праздничный», «Некомфортный», «Пассивный», «Минорный», «Дружелюбный». При этом наиболее выражены позитивные характеристики — «Праздничный» и «Дружелюбный». У респондентов более всего выражены такие составляющие культурной идентичности, как этническая и региональная идентичности, и менее всего — религиозная. Культурная идентичность является положительным предиктором восприятия позитивных характеристик изображения изразца Теремного дворца Московского Кремля и отрицательным предиктором восприятия его негативных характеристик. Таким образом, культурная идентичность стимулирует позитивные образы элемента традиционной русской архитектуры — храмового изразца, отражающиеся в его позитивной психосемантической оценке. Полученные данные могут быть использованы в разных сферах деятельности: туризме и экскурсоведении с целью регуляции туристических потоков путем отбора информационного содержания для экскурсантов с учетом их культурной идентичности; разработке брендинга разных регионов; урбанистике при изучении факторов, влияющих на эстетику и комфортность окружающей среды и т.д.

Ключевые слова: этническая идентичность, религиозная идентичность, региональная идентичность, культурная идентичность, архитектурный храмовый изразец, семантический дифференциал, русские, Россия.

Ссылка для цитирования: Галяпина В.Н., Киселева Н.А., Аполлонов И.А.

Роль культурной идентичности в восприятии элементов храмовой архитектуры // Человек. 2024. Т. 35, № 5. С. 145–163. DOI: 10.31857/S0236200724050085

Современные исследования демонстрируют возрастающий интерес к изучению культурной идентичности [см.: Chen, 2021; Монне, 2023; Чэнь, 2022]. Многие авторы [Adom, 2017; Rodgers, 2017; Jati, 2023; Mahmud, 2023; Kleinhempel, 2024; Ngu, 2023] отмечают, что этому способствует активное транслирование через разные каналы (СМИ, литература, живопись, архитектура, киноискусство и др.) ценностей, традиций, обычаев собственной национальной культуры. В этой связи важно понимать, какой эффект

будет оказывать культурная идентичность на дальнейшее развитие национальной культуры, будет ли она способствовать позитивному принятию, осмыслению и сохранению последней. Анализу указанной проблемы и посвящено данное исследование.

Понятие культурной идентичности

Культурная идентичность как научное понятие стало использоваться после публикации работы Э. Эриксона [Эриксон, 2006]. Сейчас этот феномен, будучи междисциплинарным, рассматривается этнологами, антропологами и психологами. Обобщая представленные в литературе определения культурной идентичности [Гуревич, 2010; Мельникова, 2010; Эриксон, 2006; Chen, 2021; Handbook, 2011; Zamaraeva, 2020], можно сказать, что она представляет собой причастность человека к определенной культуре, основанную на осознанном принятии им основополагающих культурных характеристик, которые установлены в конкретном обществе, и на самоотождествлении с данным обществом, с определенной культурной традицией.

Культурная идентичность, с одной стороны, — достаточно стабильный мировоззренческий конструкт, являющийся результатом длительного процесса социокультурного усвоения. Но, с другой стороны, она не есть что-то постоянное, она динамична и развивается под воздействием таких факторов, как территория проживания, культурные традиции, историческая память, традиционная, освященная временем религия, язык, социокультурный контекст [Hall, 2018; Anderson, 1983].

Анализ феномена культурной идентичности в разных научных школах показывает, что западные исследователи [Handbook, 2011; Chen, 2021] ориентированы, как правило, на анализ ее психологического уровня, восточные [Чэнь, 2022] — на изучение условий и факторов ее сохранения в изменяющемся мире, российские авторы [Гуревич, 2010; Мельникова, 2010; Zamaraeva, 2020] — на рассмотрение ее через призму национальной, этнической культуры.

Говоря о содержании культурной идентичности, ее структуре и составляющих, некоторые авторы указывают, что культурная идентичность имеет разные акценты и может существовать как этническая, политическая, религиозная, профессиональная, гражданская и т.д. идентичность [см.: Эриксон, 2006]. Другие исследователи [см.: Аполлонов, 2017] тесно связывают культурную идентичность с этнической и даже используют термин «этнокультурная идентичность». Они основываются на том, что культура — самая национально и этнически окрашенная часть общественной жизни.

В.Н. Галяпина,
Н.А. Киселева,
И.А. Аполлонов

Роль культурной идентичности в восприятии элементов храмовой архитектуры

В ряде исследований отмечается, что национальная идентичность тесно связана с культурной и религиозной идентичностями. Скажем, С. Хантингтон указывает, что возрождение американской идентичности обуславливается возрождением культуры (протестантизма) и веры (протестантской) [Хантингтон, 2008]. Согласно некоторым исследованиям, идентичности могут переплетаться. Например, в прошлом у многих народов этническая идентичность практически совпадала с конфессиональной. В частности, в русской идентичности конфессиональный фактор выступал ведущим среди идентификационных характеристик, что нашло отражение в практическом тождестве понятий «русский» и «православный», а также противостоянии понятий «православный» и «нехрист/басурман» [Баранов, 2016].

Современные исследования, проведенные в России, демонстрируют значимость региональной идентичности [Арутюнова, 2017; Денисова, 2013; Позитивные межнациональные отношения, 2016; Еремина, 2016]. По мнению С.К. Нартовой-Бочавер и ее коллег, «соотнесение себя с местом не менее сильно для самоопределения и самосознания, чем профессия, возраст и другие характеристики» [Нартова-Бочавер, 2011: 83]. Основой региональной идентичности выступают не столько территориально-географические факторы, сколько исторические особенности, культурное наследие, этнические традиции, язык и диалекты, конфессиональная принадлежность. Исследования показывают, что региональная идентичность взаимосвязана с этнической идентичностью [Денисова, 2013; Еремина, 2016].

Таким образом, мы видим, что этническая, религиозная и региональная идентичности тесно взаимосвязаны друг с другом и каждая из них отражает определенные аспекты связи с культурой народа, его историей, традициями, ценностями, идеалами — с тем, что в целом отражает сущность культурной идентичности. Опираясь на проведенный анализ, в данном исследовании под культурной идентичностью мы будем понимать осознание, восприятие, понимание, оценивание, переживание человеком своей принадлежности к определенной культуре. А также будем исходить из того, что в российском контексте культурная идентичность представляет собой сложный конструкт, объединяющий этническую, религиозную и региональную идентичности.

Взаимосвязь культурной идентичности с восприятием объектов культуры

В процессе инкультурации происходит освоение человеком родной культуры. Через фольклор (сказки, эпос, поговорки и др.), национальную музыку, фильмы, искусство, восприятие культурных

святынь и пр. происходит познание родной культуры и формирование культурной идентичности [Mahmud, 2023; Kleinhempel, 2024; Ngu, 2023]. Причем каждый элемент культуры имеет определенный смысл для той или иной социальной общности. Процесс познания культуры, по сути, представляет собой выявление ценностных значений предметов, явлений, отношений как элементов культуры. Результаты этой познавательной деятельности закрепляются в сознании людей в виде соответствующих смыслов.

Большое внимание в исследованиях уделяется роли религиозного искусства в развитии культурной идентичности [Глаголев, 2009; Немаева, 2015]. Установлено, что сакральное искусство способствует формированию культурной идентичности и таких позитивных национальных качеств, как патриотизм, соборность, стойкость, стремление к абсолютным общезначимым ценностям (нравственное добро, красота, познание истины).

В некоторых исследованиях отмечается, что процесс формирования культурной идентичности имеет многоуровневый характер и на заключительном этапе сформированные культурные идеалы, ценности, смыслы и т.д. помогают объяснять окружающий мир, влияют на его восприятие и изменение [Русских, 2013]. Как показывает ряд других исследований [Adom, 2017; Rodgers, 2017], использование медиатехнологий, направленных на сохранение, популяризацию традиционной культуры, усиливает культурную идентичность, которая впоследствии поддерживается с помощью художественных практик — ремесел, музыки, танцев и др. В свою очередь это помогает «правильно» понимать элементы культуры и заложенные в них сакральные смыслы [Jati, 2023].

Результаты исследований также свидетельствуют о том, что этническая, культурная, религиозная идентичности оказывают эффект на восприятие элементов массовой культуры. В исследовании этнокультурных факторов восприятия невербальных презентаций политической рекламы [Сидорова, 2015] с помощью семантического анализа фотографий обнаружены взаимосвязи между этнокультурной принадлежностью и невербальными жестами политиков, атрибутируемыми как маскулинные и фемининные. Исследование, проведенное в Мексике, показало, что приверженность культурной самобытности позитивно сказывается на отношении к национальным традициям в моде и общении [Mateo, 2024].

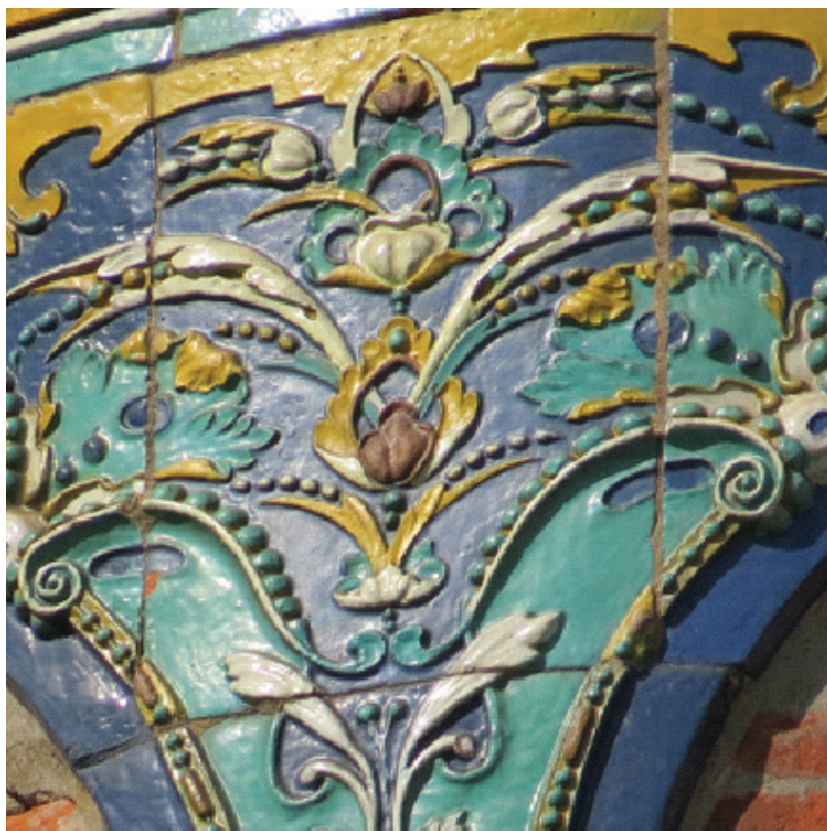
В современных исследованиях часто анализируется роль местной культурной идентичности в брендинге территорий. Например, осуществленное в Италии исследование зафиксировало, что культурная идентичность местного населения обуславливает восприятие развития местной городской инфраструктуры в контексте «брендинга наследия» [Amer, 2023].

В.Н. Галяпина,
Н.А. Киселева,
И.А. Аполлонов

Роль культурной идентичности в восприятии элементов храмовой архитектуры

Таким образом, цель нашего исследования — выявить взаимосвязь культурной идентичности (этнической, региональной и религиозной идентичностей) русских в России с их восприятием изображения архитектурного храмового изразца. Проведенный анализ не позволял выдвинуть определенные гипотезы, поэтому мы поставили исследовательский вопрос: какова роль культурной идентичности русских, проживающих в России, в восприятии (позитивном/негативном) изображения архитектурного храмового изразца?

Опрос, основанный на добровольном анонимном участии, проходил онлайн на платформе 1ka в 2020–2021 годах. Респонденты набирались из Центрального и Северо-Западного федеральных округов России. Сначала респонденты заполняли шкалы, измеряющие выраженность идентичностей, затем респондентам

В.Н. Галяпина,
Н.А. Киселева,
И.А. Аполлонов

Роль культур-
ной идентично-
сти в восприя-
тии элемен-
тов храмовой
архитектуры

Рис. 1. Изразец, расположенный на барабанах куполов Теремного дворца Московского Кремля

представлялось цветное фотоизображение с надписью «Изразец Теремного дворца Московского Кремля», после чего — шкалы семантического дифференциала для оценки изразца по предложенным характеристикам (рис. 1). На следующем этапе респонденты отвечали на вопросы социально-демографического характера.

Первоначально выборка составляла 737 респондентов. Чтобы минимизировать эффект этноцентризма (поскольку демонстрируемый изразец связан с русской культурой), мы очистили выборку, оставив для анализа только представителей русской этнической группы. Кроме того, нами использовался контрольный вопрос «Знаете ли Вы, что такое изразец?» В выборку вошли только те респонденты, которые ответили на него положительно. В итоге выборку составили 620 респондентов, все русские по этнической принадлежности. Их возраст: 17–68 лет ($27,84 \pm 11,50$); пол: женский — 53,4%; уровень образования: высшее — 31,8, неполное высшее — 25, среднее специальное — 9,7, среднее — 10,7, неполное среднее — 2,3%; религиозная принадлежность: православные христиане — 70, неверующие

(атеисты) — 27,1, представители других религий — 2,9% (протестанты, католики, старообрядцы, язычники).

Для анализа восприятия изображения архитектурного храмового изразца использовался биполярный семантический дифференциал (СД-36). За основу методики были взяты пары противоположных по смыслу прилагательных, оцениваемых по семибальной шкале и включающих пары личностного семантического дифференциала Ч. Осгуда, Дж. Суси и П. Танненбаума [см.: Осгуд, 1972], а также шкалы архитектурного семантического дифференциала, предложенные С.Э. Габидулиной для исследования городской архитектурной среды [Габидулина, 2012]. Последние были дополнены характеристиками, отражающими визуально-эстетические качества образа изразца, его известность-значимость и эмоциональное влияние. В итоге модифицированный нами опросник СД-36 включил 36 пар прилагательных, разбитых на четыре группы: визуально-аудиальные качества — 6 пар (например: *яркий* — *тусклый*); эмоциональные характеристики — 12 (например: *радостный* — *печальный*); личностные характеристики — 13 (например: *добрый* — *злой*); признаки известности-значимости изразца — 5 пар (например: *известный* — *неизвестный*).

Культурная идентичность измерялась с помощью трех шкал:

- этническая идентичность: использовалась шкала из опросника проекта MIRIPS, переведенного (с английского) и адаптированного в России [Стратегии, 2009]. Шкала включала семь вопросов, например: «Я считаю себя частью культуры моего народа» ($\alpha = 0,87$);

- религиозная идентичность [Verkuyten, 2007]: шкала включала шесть вопросов, например: «Я рад исповедовать свою религию» ($\alpha = 0,94$);

- региональная идентичность (идентификация с малой родиной): за основу взята шкала идентичности с местом [Droseltis, 2010]. Шкала включала пять вопросов, например: «Я чувствую эмоциональную привязанность к своей малой родине» ($\alpha = 0,89$).

В исследовании фиксировались следующие социально-демографические характеристики: пол, возраст, образование, этническая принадлежность, вероисповедание. Математико-статистическая обработка данных включала: описательные статистики, эксплораторный факторный анализ, моделирование структурными уравнениями (SEM) с использованием приложения AMOS 22.0 в SPSS 22.0.

Результаты

Как показали результаты анализа средних значений восприятия изображения изразца Теремного храма Московского Кремля, наиболее

выражены такие его (изразца) характеристики: *приятный* (5,41), *дружелюбный* (5,25), *благоприятный* (5,22), *торжествующий* (5,22), *счастливый* (5,15), *сильный* (5,10). Примечательно, что в целом у респондентов доминирует позитивное восприятие данного изразца.

Для снижения размерности шкал, структурирования образа, полученного при восприятии изразца, нами проведен эксплораторный факторный анализ, при котором использовался метод главных компонент с вращением варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за восемь итераций. В результате было получено пятифакторное пространство, объясняющее 57,6% дисперсии по изображению изразца.

Первый, самый значимый фактор (17,5% дисперсии), названный нами «Праздничный», включал 13 характеристик: *торжествующий*, *звонкий*, *праздничный*, *сильный*, *заметный*, *значимый*, *счастливый*, *родной*, *приятный*, *благоприятный*, *энергичный*, *знакомый*, *открытый* ($M_{1\text{фактор}} = 4,99$, $SD = 0,99$). Второй фактор (15,4% дисперсии), именованный «Некомфортный», содержал девять характеристик: две характеристики со знаком «–»: *расслабляющий*, *неутомительный* — и семь характеристик со знаком «+»: *отталкивающий*, *некомфортный*, *нежелаемый*, *некрасивый*, *опустошающий*, *непривлекательный*, *печальный* ($M_{2\text{фактор}} = 3,19$, $SD = 1,01$). Третий фактор (9,3% дисперсии), получивший условное название «Пассивный», включал четыре характеристики: *злой*, *молчаливый*, *пассивный*, *неуверенный* ($M_{3\text{фактор}} = 3,21$, $SD = 1,00$). Четвертый фактор (8,5%) — «Минорный» — составили пять характеристик: *минорный*, *уступчивый*, *нерешительный*, *тусклый*, *обычный* ($M_{4\text{фактор}} = 3,54$, $SD = 1,02$). Пятый фактор (6,8%) — «Дружелюбный» — содержал четыре характеристики: *спокойный*, *независимый*, *дружелюбный*, *отзывчивый* ($M_{5\text{фактор}} = 4,81$, $SD = 0,99$). Таким образом можно видеть, что у русских в России наиболее выражена положительная семантическая оценка изображения изразца Теремного храма Московского Кремля, а характеристики «Праздничный» и «Дружелюбный» имеют наиболее высокие средние значения.

Как показали результаты исследования средних значений идентичностей, более всего у респондентов выражена этническая идентичность ($M = 3,86$, $SD = 0,77$), среднее значение выраженности имеет региональная идентичность (идентичность с малой родиной) ($M = 3,56$, $SD = 0,99$). И наконец, религиозная идентичность оказалась наименее выраженной ($M = 2,94$, $SD = 1,16$).

Эксплораторный факторный анализ поводился для того, чтобы поверить, действительно ли этническая, религиозная и региональная идентичности объединяются в один фактор — культурную идентичность. Данные показали, что процент объясненной

В.Н. Галяпина,
Н.А. Киселева,
И.А. Аполлонов

Роль культурной идентичности в восприятии элементов храмовой архитектуры

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

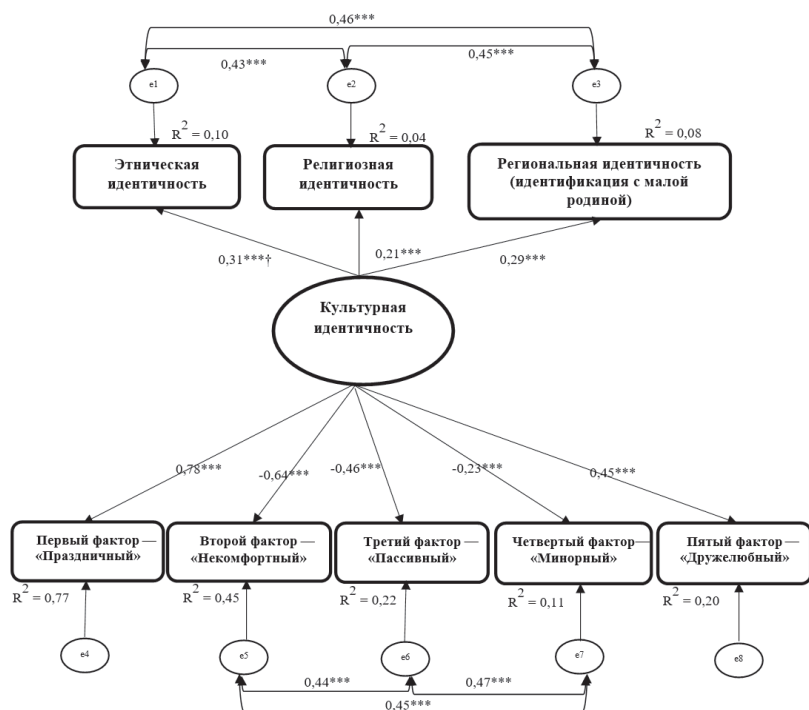

Рис 2. Модель взаимосвязи культурной идентичности с характеристиками восприятия респондентами фотоизображения изразца Теремного дворца Московского Кремля:

† — переменная имеет фиксированное значение 1 в нестандартизованном решении; * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,001$

дисперсии для последней составляет 64,5% (этническая идентичность имеет коэффициент 0,81, религиозная — 0,78, региональная — 0,79). Эти данные позволили нам включить в модель латентный конструкт «Культурная идентичность», состоящий из этнической, религиозной и региональной идентичностей.

Для ответа на поставленный нами исследовательский вопрос — о роли культурной идентичности русских, проживающих в России, в восприятии изображения архитектурного храмового изразца — проведен анализ с использованием моделирования структурными уравнениями. Результаты представлены на рис. 2. Мы контролировали влияние пола, возраста и образования респондентов, однако эффект не был значимым, поэтому в модели данные переменные не отражены. Показатели модели соответствуют рекомендованным: $\chi^2/df = 3,1$; CFI = 0,98; SRMR = 0,031; RMSEA = 0,066; PCLOSE = 0,225.

Проведенное исследование показало, что этническая, религиозная и региональная идентичности вносят значимый вклад

в общий фактор — культурную идентичность (этническая — 31, религиозная — 21, региональная — 29%). Кроме того, все три идентичности положительно взаимосвязаны между собой, то есть являются элементами культурной идентичности. Согласно данным структурного моделирования, культурная идентичность связана позитивно с позитивными характеристиками изразца — «Праздничный» и «Дружелюбный» — и негативно с его отрицательными характеристиками — «Некомфортный», «Пассивный» и «Минорный». Таким образом, отвечая на поставленный нами исследовательский вопрос, можно сказать, что у русских в России их культурная идентичность предсказывает позитивное восприятие такого элемента храмовой архитектуры, как изразец.

В.Н. Галяпина,
Н.А. Киселева,
И.А. Аполлонов

Роль культурной идентичности в восприятии элементов храмовой архитектуры

Обсуждение результатов и выводы

Наше исследование было посвящено изучению восприятия элемента городской среды — архитектурного храмового изразца и роли в этом процессе идентичности человека. Мы рассматривали культурную идентичность (включающую этническую, религиозную и региональную идентичности) как фактор, обуславливающий восприятие элемента архитектуры, который связан с древней русской культурой. Данные исследования показали, что изразец характеризуется русскими респондентами прежде всего как «Праздничный» и «Дружелюбный». Потом дается такая характеристика, как «Минорный», затем — «Пассивный» и на последнем месте — «Некомфортный». В целом изображение изразца Теремного дворца Московского Кремля воспринимается респондентами позитивно, оно окрашено «праздничными», теплыми чувствами.

Как свидетельствует анализ средних значений выраженности идентичностей, более всего выражена этническая идентичность, несколько меньше — региональная и менее всего — религиозная. Бóльшая значимость этнической и региональной идентичностей может быть связана с тем, что в условиях нестабильности и неопределенности они выступают важным ресурсом сохранения позитивного самоопределения. К подобным результатам пришли и другие исследователи [Гриценко, 2020:176]. Низкая выраженность религиозной идентичности может быть связана с особенностями выборки исследования, поскольку 27,1% респондентов указали, что они неверующие, атеисты. Тем не менее анализ продемонстрировал тесную связь этнической, региональной и религиозной самоидентификации русских, а также то, что эти идентичности вносят значимый вклад в общий фактор — культурную

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

идентичность. Наши данные согласуются с данными ранее проведенных в России исследований [см.: Арутюнова, 2017; Денисова, 2013; Еремина, 2016].

В соответствии с результатами нашего исследования, русские с выраженной культурной идентичностью, разделяющие идеи и убеждения своего народа, ощущающие себя частью русской культуры, испытывающие позитивные чувства к культуре своей малой родины, к своей религии, воспринимают изразец Теремного дворца Московского Кремля как «Праздничный» и «Дружелюбный». Можно сказать, что культурная идентичность способствует более позитивному восприятию архитектурных сооружений, являющихся элементами родной культуры. В другом исследовании были получены похожие результаты о связи ценностей сохранения (ориентированных на безопасность, сохранение традиций, норм и правил) с позитивным образом храмового изразца [Киселева, 2022]. Следовательно, принятие, переживание собственной культуры, идентификация с ней обуславливают позитивное отношение к окружающему пространству, наполненному ее элементами.

Вместе с тем выраженная культурная идентичность в нашем исследовании снижала значимость таких характеристик изразца, как «Некомфортный», «Пассивный» и «Минорный», что также свидетельствует о том, что культурная идентичность стимулирует позитивные образы элемента традиционной русской культуры, отражающиеся в его позитивной психосемантической оценке.

Эмпирическое исследование позволило сделать следующие выводы:

- в результате факторного анализа, проведенного по данным семантического дифференциала, с помощью которого респонденты оценивали фотоизображение изразца Теремного дворца Московского Кремля, получено пятифакторное пространство: «Праздничный», «Некомфортный», «Пассивный», «Минорный», «Дружелюбный»;
- в восприятии (семантической оценке) изображения изразца Теремного дворца Московского Кремля наиболее выражены позитивные характеристики — «Праздничный» и «Дружелюбный»;
- у русских более всего выражена этническая идентичность, несколько меньше — региональная, менее всего — религиозная. Указанные идентичности выступают элементами культурной идентичности;
- культурная идентичность является положительным предиктором восприятия позитивных характеристик изображения изразца Теремного дворца Московского Кремля и отрицательным — негативных характеристик данного изображения.

Ограничения и будущие исследования

Проведенное исследование имеет ограничения. Первое состоит в том, что изучалось восприятие не самого изразца на стенах Московского Кремля в его естественной среде, а цветного фотоизображения на компьютере. Последнее, с одной стороны, могло несколько исказить цветовую гамму образа и изменить восприятие изразца в соответствии с законом гештальт-психологии «фигура — фон», где в качестве фона выступает либо целостный ансамбль Теремного дворца Московского Кремля, либо экран компьютера, а с другой — позволило рассмотреть образ изразца во всех мельчайших деталях, что затруднительно сделать на улице из-за расположения изразца на значительной высоте.

Еще одно ограничение связано с выбором конкретного изображения изразца. Мы посчитали, что изразцы Московского Кремля известны большому количеству россиян и являются отражением русской культуры. Возможно, выбор другого изображения привел бы к иным результатам, поэтому мы, не ограничившись одним образом, взяли для сравнения и другие изразцы древнерусских храмов, особенности восприятия которых будут отражены в последующих публикациях.

* * *

Полученные результаты исследования дают основание утверждать, что культурная идентичность респондентов детерминирует психосемантическую оценку архитектурных храмовых изразцов, являясь отражением самоопределения и системы отношений личности. Настоящее исследование демонстрирует, что идентичность человека оказывает эффект на восприятие архитектурных элементов городской среды. Эти данные расширяют возможности применения теории социальной перцепции, в частности позволяют говорить о том, что культурная идентичность, связывающая человека с культурой, историей, религией его народа, оказывает эффект на позитивное восприятие окружающей его архитектуры. Исследование также демонстрирует значимость социальной идентичности в восприятии элементов традиционной культуры и дополняет идеи психологии среды и психологии искусства.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в разных областях: искусствоведении и дизайне для обоснования особенностей воздействия визуальных стимулов на зрителей; туризме и экскурсоведении для регуляции туристических потоков путем отбора информационного содержания для экскурсантов с учетом их культурной идентичности; разработке

В.Н. Галяпина,
Н.А. Киселева,
И.А. Аполлонов

Роль культурной идентичности в восприятии элементов храмовой архитектуры

брендинга разных регионов; урбанистике при изучении факторов, влияющих на эстетику и комфортность окружающей среды.

The Role of Cultural Identity in the Perception of Temple Architecture Elements

Victoria N. Galyapina

DSc in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Chief Researcher of the Center for Sociocultural Research of the Faculty of Social Sciences.

National Research University Higher School of Economics.

20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-3885-1455

vgalyapina@hse.ru

Nadezhda A. Kiseleva

CSc in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology. Pskov State University.

2 Lenin Square, Pskov 180000, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-4343-3530

kiselevana@yandex.ru

Ivan A. Apollonov

DSc in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Psychology.

Kuban State Technological University.

2 Mosckovskaya Str., Krasnodar 350072, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-1926-8213

obligo@yandex.ru

Abstract. Cultural identity (including ethnic, religious and regional identities) is analyzed as a factor determining the positive/negative perceptions of one of the elements of the urban architectural environment — temple tiles. Based on the theory of social perception, taking into account the peculiarities of perception of artworks, the authors conducted a study among Russians in Russia (N = 620). Semantic differential and scales measuring ethnic, religious and regional identity were used. Data processing was carried out using confirmatory factor analysis and structural equation modeling. The results showed that the semantic space of perception of the tiles of the Terem Palace of the Moscow Kremlin has a five-factor structure: “Festive”, “Uncomfortable”, “Passive”, “Minor”, “Friendly”. At the same time, the most significant are positive characteristics “Festive” and “Friendly”. Such components of cultural identity as ethnic and regional identities are the most significant, while religious identity is less significant among respondents. Cultural identity is a positive predictor of the perception of positive characteristics of the tile image located on the domes of the Moscow Kremlin Terem Palace and a negative predictor of the negative characteristics perception. Thus, cultural identity stimulates positive images

of an element of traditional Russian architecture — temple tiles, which are reflected in its positive psychosemantic assessment. The data obtained can be used in tourism and excursion studies to regulate tourist flows by selecting information content for tourists, taking into account their cultural identity; in developing branding for different regions; in urban studies when studying factors influencing the aesthetics and comfort of the environment.

Keywords: ethnic identity, religious identity, regional identity, cultural identity, architectural temple tile, semantic differential, Russians, Russia.

For citation: Galyapina V.N., Kiseleva N.A., Apollonov I.A. The Role of Cultural Identity in the Perception of Temple Architecture Elements // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 5. P. 145–163. DOI: 10.31857/S0236200724050085

В.Н. Галяпина,
Н.А. Киселева,
И.А. Аполлонов

Роль культурно-
й идентично-
сти в восприя-
тии элемен-
тов храмовой
архитектуры

Литература/References

Аполлонов И.А., Тарба И.Д. Проблема оснований этнокультурной идентичности в контексте глобализации // *Вопр. философии*. 2017. № 8. С. 30–42.

Apollonov I.A., Tarba I.D. Problema osnovanii etnokul'turnoi identichnosti v kontekste globalizatsii [The Problem of the Foundations of Ethnocultural Identity in the Context of Globalization]. *Voprosy filosofii*. 2017. N 8. P. 30–42.

Арутюнова Е.М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // *Россия реформирующаяся: Ежегодник*. Вып. 15 / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 259–273.

Arutyunova E.M. Gosudarstvenno-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnosti molodezhi: obshcherossiiskii kontekst i regional'naya spetsifika [State-Civil and Ethnic Identities of Youth: All-Russian Context and Regional Specifics]. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik* [Russia Reforming: Yearbook]. Iss. 15, execut. ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2017. P. 259–273.

Баранов Н. Этничность и этническая идентичность. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-etnopolitologiya> (дата обращения: 28.02.2024).

Baranov N. *Etnichnost' i etnicheskaya identichnost'* [Ethnicity and Ethnic Identity]. 2016 [Electronic resource]. URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-etnopolitologiya> (date of access: 28.02.2024).

Вырва А.Ю. Изучение особенностей восприятия архитектурной городской среды на основе исследования панорам Google // *Экспериментальная психология*. 2017. Т. 10, № 1. С. 89–108. DOI: 10.17759/exppsy.2017100107

Vyrva A.Yu. Izuchenie osobennostei vospriyatiya arkhitekturnoi gorodskoi sredy na osnove issledovaniya panoram Google [Study of the Peculiarities of Perception of the Architectural Urban Environment Based on the Study of Google Panoramas]. *Experimental psychology*. 2017. Vol. 10, N 1. P. 89–108. DOI: 10.17759/exppsy.2017100107

Вырва А.Ю., Леонтьев Д.А. Субъектные и объектные факторы субъективно-семантического оценивания архитектурных объектов // *Культурно-историческая психология*. 2016. Т. 12, № 2. С. 33–45. DOI: 10.17759/chp.2016120204

- Architectural Temple Tiles]. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2022. Vol. 19, N 4. P. 784–804. DOI: 10.17323/1813-8918-2022-4-784-804
- Леонтьев Д.А. Введение в психологию искусства. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
- Leont'ev D.A. *Vvedenie v psikhologiyu iskusstva* [Introduction to the Psychology of Art]. Moscow: Moscow University Publishing House, 1998.
- Мельникова Л.В. Проблема культурной идентичности: концептуальные подходы // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. С. 226–234.
- Mel'nikova L.V. Problema kul'turnoi identichnosti: kontseptual'nye podkhody [The Problem of Cultural Identity: Conceptual Approaches]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2010. N 5. P. 226–234.
- Монне Т.А. Культурная идентичность в новостных текстах СМИ России и Франции // Политическая лингвистика. 2023. Т. 4, № 100. С. 142–150.
- Monnet T.A. Kul'turnaya identichnost' v novostnykh tekstakh SMI Rossii i Frantsii [Cultural Identity in News Texts of the Russian and French Media]. *Political linguistics*. 2023. Vol. 4, N 100. P. 142–150.
- Нартова-Бочавер С.К., Бочавер К.А., Бочавер С.Ю. Жизненное пространство семьи: объединение и разделение. М.: Генезис, 2011.
- Nartova-Bochaver S.K., Bochaver K.A., Bochaver S.Yu. *Zhiznennoe prostranstvo sem'i: ob'yedinenie i razdelenie* [Family Living Space: Unification and Division]. Moscow: Genesis Publ., 2011.
- Немаева Н.О. Формирование российской социальной и культурной идентичности посредством возрождения сакрального искусства // Социодинамика. 2015. № 2. С. 54–67. DOI:10.7256/2409-7144.2015. 2.14404
- Nemaeva N.O. Formirovanie rossiiskoi sotsial'noi i kul'turnoi identichnosti posredstvom vrozozhdeniya sakral'nogo iskusstva [Formation of Russian Social and Cultural Identity Through the Revival of Sacred Art]. *Sotsiodinamika*. 2015. N 2. P. 54–67. DOI:10.7256/ 2409-7144.2015. 2.14404
- Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам / пер. с англ. В.С. Каменского // Семиотика и искусствометрия / ред. Ю.М. Лотман, В.М. Петров. М.: Мир, 1972. С 278–297.
- Osgood Ch., Soucy J., Tannenbaum P. Prilozhenie metodiki semanticheskogo differentsiala k issledovaniyam po estetike i smezhnym problemam [Application of the Semantic Differential Technique to Research on Aesthetics and Related Problems], transl. from Engl. by V.S. Kamenskii. *Semiotika i iskusstvometriya* [Semiotics and Art Metrics], ed. by Yu.M. Lotman, V.M. Petrov. Moscow: Mir Publ., 1972. 278–297.
- Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: Опыт Татарстана в общероссийском контексте / под ред. Л.М. Дробизевой, С.В. Рыжовой. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
- Pozitivnye mezhnatsional'nye otnosheniya i preduprezhdenie neterpimosti: Opyt Tatarstana v obshcherossiskom kontekste* [Positive Interethnic Relations and the Prevention of Intolerance: The Experience of Tatarstan in the All-Russian Context], ed. by L.M. Drobizheva, S.V. Ryzhova. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2016.
- Русских Л.В. Идентичность: культурная, этническая, национальная // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. «Соц.-гуманит. науки». 2013. Т. 13, № 2. С. 178–180.

В.Н. Галяпина,
Н.А. Киселева,
И.А. Аполлонов
Роль культурной идентичности в восприятии элементов храмовой архитектуры

- Russkikh L.V. Identichnost': kul'turnaya, etnicheskaya, natsional'naya [Identity: Cultural, Ethnic, National]. *Bulletin of South Ural State University. Ser. "Social Sciences and Humanities"*. 2013. Vol. 13, N 2. P. 178–180.
- Сидорова Т.Н., Кульбертинов М.С. Этнокультурные особенности социальной перцепции невербальных презентаций в политической рекламе // *Международ. студенч. науч. вестн.* 2015. № 5, ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=13275> (дата обращения: 28.02.2024).
- Sidorova T.N., Kulbertinov M.S. Etnokul'turnye osobennosti sotsial'noi pertseptsii neverbal'nykh prezentatsii v politicheskoi reklame [Ethnocultural Features of Social Perception of Nonverbal Presentations in Political Advertising]. *International Student Scientific Bulletin*. 2015. N 5, Pt 2 [Electronic resource]. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=13275> (date of access: 28.02.2024).
- Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России / под ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009.
- Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i primayushchego naseleniya Rossii* [Strategies for Intercultural Interaction Between Migrants and the Host Population of Russia], ed. by N.M. Lebedev, A.N. Tatarko. Moscow: RUDN Publ., 2009.
- Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкиров. М.: АСТ, 2008.
- Huntington S. *Kto my?: Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti* [Who Are We?: Challenges to American National Identity], transl. from Engl. by A. Bashkirov. Moscow: AST Publ., 2008.
- Чэнь Я., Фомина М.Н. Теория культурной идентичности Чжэн Сяюня // *Концепт: философия, религия, культура.* 2022. Т. 6, № 3. DOI: 10.24833/2541-8831-2022-3-23-7-21
- Chen Y., Fomina M.N. Teoriya kul'turnoi identichnosti Chzhen Syaoyunya [The Theory of Cultural Identity of Zheng Xiaoyun]. *Concept: philosophy, religion, culture*. 2022. Vol. 6, N 3. DOI: 10.24833/2541-8831-2022-3-23-7-21
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006.
- Erickson E. *Identichnost': yunost' i krizis: per. s angl.* [Identity: Youth and Crisis: transl. from Engl.], ed., forew. by A.B. Tolstykh. Moscow: Flinta: MPSI: Progress Publ., 2006.
- Adom D. Promoting Cultural Traditions, Social Inclusion and Local Community Participation in Environmental Development Schemes. *Journal of Urban Culture Research*. 2017. Vol. 14.
- Amer M. *Cultural Identity and Branding: An Integrated Approach to Enhance the Heritage Value: Thesis for: PhD in Architecture: Innovation and Heritage.* Rome: University of Rome Three, 2023. DOI: 10.13140/RG.2.2.34737.35680
- Anderson B.R.O. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* London; New York: VERSO, 1983.
- Bruner J.S., Postman L. An Approach to Social Perception. *Current Trends in Social Psychology*, W. Dennis, R. Lippitt (eds). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1951. P. 71–118.

- Chen Y.-W., Mendy M.G. Cultural Identity. *Communication*. Oxford: Oxford University Press, 2021. DOI: 10.1093/OBO/9780199756841-0254
- Droseltis O., Vignoles V. Towards an Integrative Model of Place Identification: Dimensionality and Predictors of Intrapersonal-Level Place Preferences. *Journal of Environmental Psychology*. 2010. Vol. 30. P. 23–34. DOI: 10.1016/j.jenvp.2009.05.006
- Hall S. Identity and Diaspora. *Essential Essays*, ed. by D. Morley. Vol. 2. Durham: Duke University Press, 2018. DOI: 10.2307/j.ctv11smnnj
- Handbook of Identity Theory and Research*, L. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles (eds). New York: Springer, 2011. DOI: 10.1007/978-1-4419-7988-9
- Jati R.P. *Cultural Identity and Community Media: Empowering the Cultural Community*. Presentation. 2023. “Media and Identity” Seminar. DOI: 10.13140/RG.2.2.24621.46560. URL: <https://www.researchgate.net/publication/374975765> (date of access: 28.02.2024).
- Kleinhempel U.R., Nicolaides A. Sacred Sites, Identity, and Resilience — on the Retrieval of Collective and Historic Identity Across Religious and Cultural Difference. *Pharos Journal of Theology*. 2024. Vol. 105, Iss. 1. DOI: 10.46222/pharosjot.105133
- Mahmud F., Talaohu A. Cultural Identity of North Maluku in Folk Pop: When Traditional Meets the Future. *Anaphora: Journal of Language, Literary, and Cultural Studies*. 2023. Vol. 6(2). P. 191–203. DOI: 10.30996/anaphora.v6i2.9760
- Mateo A. Influence of Cultural Diversity and Identity on Fashion Expression and Communication in Mexico. *International Journal of Fashion and Design*. 2024. Vol. 3, N 1. P. 1–11. DOI: 10.47604/ijfd.2387
- Ngu D.T. Ethnic Cultural Identity in Mythology. *International Journal of Social Science and Human Research*. 2023. Vol. 6, Iss. 12. P. 7439–7441. DOI: 10.47191/ijsshr/v6-i12-31
- Rodgers S. Roots and Fields: Excursions Through Place, Space, and Local in Hyperlocal Media. *Media Culture & Society*. 2017. Vol. 40(6). DOI: 10.1177/0163443717729213
- Verkuyten M. Religious Group Identification and Inter-Religious Relations: A Study Among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes and Intergroup Relations*. 2007. Vol. 10. P. 341–357.
- Zamaraeva Y.S., Koptseva N.P. History of Complex Identity Research. *Journal of Siberian Federal University Humanities & Social Sciences*. 2020. Vol. 13, Iss. 7. P. 1216–1229. DOI: 10.17516/1997-1370-0637

В.Н. Галяпина,
Н.А. Киселева,
И.А. Аполлонов
Роль культур-
ной идентично-
сти в восприя-
тии элемен-
тов храмовой
архитектуры

©2024 З.И. РЯБИКИНА, Н.А. ВАСИЛЬЧЕНКО

ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК КАК ФАКТОР ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ ЖИЛИЩА ЛИЧНОСТИ

Рябикина Зинаида Ивановна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности и общей психологии. Кубанский государственный университет. Российская Федерация, 350040 Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.
ORCID: 0000-0001-7396-0115
z.ryabikina@yandex.ru

Васильченко Наталья Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии. Кубанский государственный университет. Российская Федерация, 350040 Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.
ORCID: 0009-0007-6891-457X
vasilch_nat@mail.ru

Аннотация. В статье отношение «личность — среда» рассмотрено с позиций субъектного подхода. Через обживание, присвоение, персонализацию среды личность реализует желание «продлить себя в мире вещей и территорий», тем самым достигая согласованности внутреннего и внешнего, обретая чувство аутентичности бытия и личностную идентичность. Превращая среду в пространство своего бытия, личность меняет ее, и для другого

человека сама становится средовым обстоятельством. Жилище — одна из наиболее персонализируемых, частных территорий личности, которую она делит с близкими людьми, принимая их субъектную позицию. Другой человек становится фактором организации предметно-пространственной среды жилища личности. Это рассуждение создает возможность интерпретации как процессов общения с сопровождающими его коллизиями совместности-разобщенности, так и для понимания глубинных личностных процессов обретения аутентичности, личностной идентичности и пр. В эмпирическом исследовании рассматривались особенности и различия молодых супругов (40 пар) в проявляемых психологических характеристиках (потребность в приватности, поддержка приватности партнера, идентификация с партнером, удовлетворенность браком), обусловленных совместностью проживания и тем, что брачный партнер становится фактором организации частной предметно-пространственной среды жилища. Удалось выяснить, что молодые женщины обладают более широким репертуаром средового поведения, направленного на реализацию потребности в приватности, и получают большую поддержку этой потребности со стороны своих мужей, а также умеют выстраивать необходимое в организации предметно-пространственной среды. Молодые мужчины более склонны идентифицировать себя со своими супругами, переживают не только психологическую слитность с ними, но и менее дистанцированы от них пространственно (это предполагает снижение потребности в приватности и меньшую потребность в приватности вещей).

Ключевые слова: личность и среда, субъектный подход, предметно-пространственная среда, событие с Другим, приватность, удовлетворенность браком.

Ссылка для цитирования: Рябикина З.И., Васильченко Н.А. Другой человек как фактор организации предметно-пространственной среды жилища личности // Человек. 2024. Т. 35, № 5. С. 164–181. DOI: 10.31857/S0236200724050097

З.И. Рябикина,
Н.А. Васильченко
Другой человек как фактор
организации
предметно-пространственной
среды жилища
личности

Разнообразие толкований понятия «среда» в психологии личности. Субъектный подход

Поскольку в персонологических концепциях *ведущим* понятием или главной категорией является «личность», содержание *конкретизирующих* понятий определяется тем, как она трактуется [Журавлев, Сергиенко, Виленская, 2023]. Общее и обязательное при рассмотрении проблем человека и личности понятие «среда» предстает в различных ракурсах в зависимости от того, в какой теоретической схеме, следуя какой психологической школе, рассматривается личность.

Если при бихевиористской трактовке личности среда это — череда стимулов, то в психоанализе — это потенциальные объекты либидозных фиксаций, а в гештальт-психологии среда описывается в терминах «предмет», «фон» и т.д. Что объединяет

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

перечисленные подходы? Именно среда во всем разнообразии ее возможных проявлений рассматривается в качестве детерминанты, обуславливающей личность, ее становление и функционирование.

В гуманистической, экзистенциальной трактовке особое внимание уделяется рассмотрению присущей личности интенции самоактуализироваться, то есть транслировать в среду свое влияние, и трансцендироваться, то есть продлевать себя во внешний мир, расширять границы своего бытия, преобразовывая внешнее, приводя его в соответствие с внутренним.

Отечественные авторы также пишут о превалировании в последние десятилетия в исследованиях психологов внимания к таким типам взаимодействия личности со средой, в которых реализуется направленность на «миропреобразование», «миросозидание», «миротворчество» [Журавлев, Купрейченко, 2012]. Эта линия рассуждения представлена в работах классиков отечественной психологии XX века и послужила основанием для оформления субъектного подхода и последующих, развивающих субъектный подход направлений анализа проблем личности [Рубинштейн, 2003; Анцыферова, 2000; Брушлинский, 2003; Абульханова-Славская, 2001; Знаков, Рябикина, 2017; Сергиенко, 2011; Харламенкова, 2023; Нартова-Бочавер, 2005]. А.В. Брушлинский утверждал, что человек становится субъектом в процессе овладения средой как объектом [Брушлинский, 2003]. В.А. Петровский в качестве предпосылки активной неадаптивности называл освобождение субъекта от актуального средового влияния [Петровский, 1996].

На основании проведенного анализа и обзора взглядов на понимание среды (в том виде, в котором это отражено в текстах авторов более близких нашему «сегодня») С.К. Нартова-Бочавер пишет о радикальном отходе от понимания среды как объективной реальности и акценте на идее о решающем участии субъекта в создании жизненной среды (или психологического пространства), которая становится следствием его потребностей [Нартова-Бочавер, 2005]. В сформированном С.К. Нартовой-Бочавер субъектно-средовом подходе интегрированы категории субъектности и среды и создан смешанный феноменологически-средовой язык описания с центральным понятием «психологическое пространство личности» [Нартова-Бочавер, 2005: 58].

В развиваемом нами субъектно-бытийном подходе личность рассматривается в качестве субъекта бытия и акцентируется внимание на изменениях направления детерминации: *внутреннее* рассматривается как причина преобразования внешнего, *субъективное* обуславливает трансформацию объективного, *идеальное* детерминирует материальное [Рябикина, 2005; Знаков, Рябикина, 2017].

В контексте субъектно-бытийного подхода разрабатывается понятие «бытийное пространство личности», содержательно перекликающееся с понятиями «жизненный мир», «психологическое пространство личности», «жизненное пространство». Оно трактуется как субъективно-объективная реальность и призвано акцентировать внимание на преобразованиях субъектом среды не только в его ментальном или собственно-психологическом пространстве, но и в объективных характеристиках предметов, территорий, мест, которые осваиваются личностью [Рябикина, 2008; Бурмистрова, 2004; Панов, 2005 и др.].

З.И. Рябикина,
Н.А. Васильченко
Другой человек как фактор
организации
предметно-пространственной
среды жилища
личности

Предметно-пространственная среда как одно из бытийных пространств личности

Неразрывное единство человека и предметно-пространственной среды, как одного из пространств, в котором оформляется его бытие, формируются особенности его личности, для психологической науки достаточно очевидно. Традиционные отсылки к взглядам У. Джемса, утверждавшего значимость включения в структуру личности не только того, что переживается и описывается как «Я», но и того, что переживается личностью как «Мое», то есть присваивается ею. Его слова «Трудно провести черту между тем, что человек называет самым собою и своим» [Джемс, 1922: 131] предполагают включение в структуру тех предметов и явлений, которые могут быть обозначены как элементы среды, но будучи освоенными, присвоенными, они переживаются личностью как обретения и потери с той же интенсивностью, как если бы это касалось именно ее Я.

Психологические особенности человека, склад его личности содержательно обуславливают структурирование среды и, выступая средообразующим фактором, наполняют ее смыслом. В субъектно-бытийном подходе акцентирован ракурс, при котором предметно-пространственная среда предстает как продолжение личности, как то место, в котором и посредством которого личность находит возможность объективировать свои психологические характеристики. Личность обживает, присваивает, персонализует предметно-пространственную среду [Хейдметс, 1988; Браун, 2014], превращая ее в одно из своих бытийных пространств.

Потребность личности «продлить» себя в мире вещей является конкретизацией ее стремления к аутентичному бытию, ее потребности в удержании и поддержке аутентичности бытия. Вещи «подсказывают» человеку манеру поведения, напоминают ему о прожитом, не позволяют забыть об обещаниях, «настаивают»

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

на завершении начатого дела, удерживают от поступков и т.д. Но вещи также могут удерживать личность в несвойственной ей роли, то есть лишать *аутентичности*. Сартр в романе «Тошнота» описывает непереносимое состояние сознания своего героя, погруженного в мир вещей. «Все эти предметы... как бы это сказать? Они мне мешали. Я хотел бы, чтобы они существовали не так назойливо, более скупое, более абстрактно, более сдержанно» [Сартр, 1994: 46].

Еще одна из ключевых потребностей личности — обрести идентичность и быть подтвержденной в этом качестве внешней реальностью, тем, в чем объективировано ее субъективно-внутреннее [Эриксон, 1996; Андреева, 2000; Stets, Biga, 2003]. Основания для включения средовой идентичности в рассмотрение феноменологии личностной идентичности представлены во многих исследованиях психологии среды, осуществленных как зарубежными, так и отечественными авторами [Хейдеметс, 1988]. С составляющими и характеристиками среды индивид связан процессами приспособления к ней (среда его детерминирует или обуславливает), но также и процессами ее преобразования. Среда становится следствием субъектности личности и обретает в процессе этого взаимодействия наделенность личностным содержанием. Идентичность — это и понимание личностью своей позиции в пространствах своего бытия, и переживание себя как субъекта создаваемых бытийных пространств. Потрясающие по точности слова К. Юнга, на протяжении длительного отрезка времени строившего (создававшего!) свой дом с башней: «С самого начала Башня была для меня местом зрелости, материнским лоном, где я мог стать тем, чем я был, есть и буду... Она очень помогала мне, она как-бы утверждала меня в самом себе» [Юнг, 1994: 13].

Бытие личности как со-бытие с Другим

Организуя свое бытие, реализуя определенные стратегии самоактуализации, личность вступает в отношения с другими людьми, изменяет среду, достигая в этом процессе совместности-согласованности с другими акторами или противоборствуя и конфликтуя. Преследуя свои задачи в изменениях среды, в превращении среды в пространства своего бытия, личность меняет среду и для Другого. Более того, она сама выступает средовым обстоятельством для другого человека, выстраивающего свое бытие в тоже время, в том же пространстве. Обратимся к словам С.Л. Рубинштейна: «Другой человек со своими действиями входит в “онтологию” человеческого бытия, составляет необходимый компонент

человеческого бытия» [Рубинштейн, 2003: 379]. Овладевая средой, человек привносит в нее свое, личное, личностное, меняя ее (как пространство своего бытия) для Другого. С.Л. Рубинштейн по этому поводу писал, что вследствие «объективации опредмеченное бытие человека поступает в оборот жизни и осваивается другими людьми в духовном, в экономическом плане» [Рубинштейн, 2003: 376]. И это — не обязательно объективно фиксируемое, материальное изменение среды. Со-бытийность — это «флер» иных смыслов, которыми наделяет предметы, обстоятельства, события другой человек, вступающий с личностью во взаимодействие или просто находящийся рядом. Присутствие Другого, с его особым видением мира, своим отношением к этому миру, своими способами манипулирования (обращения) с предметами и пространством, меняет для нас предметно-пространственную среду.

Субъектная претворенность личности в условиях со-бытия с Другим человеком может приводить к асубъектности другого. В этом случае невозможность личности реализовать себя как субъекта, отсутствие возможности «продлить» себя во внешний мир (таким внешним миром выступает и внутренний мир другого человека, партнера по со-бытию) переживается как отсутствие идентичности, неаутентичность бытия и субъективное неблагополучие [Шамионов, 2015; Рябикина, Тиводар, 2017].

Иногда невмешательство личности в организацию предметно-пространственной среды означает, что она склонна рассматривать Другого в качестве уже осуществившего присвоение-означивание этой среды и включенных в нее предметов. По сути, это переживается личностью как акт коммуникации, опосредованный вещью [Антоновский, Бараш, 2019; Антоновский, Погожина, 2023].

И предметно-пространственная среда осознается личностью как проекция, неотъемлемая часть другого человека, как следствие его реальных действий в среде или следствие осуществленной им ментальной активности по означиванию, наделению смыслами объектов среды. Такая среда ограничивает возможности персонификации личности, снижает ее чувство приватности в жилище, лишает аутентичности.

Брачное со-бытие как фактор организации приватной предметно-пространственной среды жилища личности

Нерефлексируемое делегирование или сниженная (ослабленная) рефлексия вмешательства другого человека в организацию предметно-пространственной среды жилища личности более

З.И. Рябикина,
Н.А. Васильченко
Другой человек как фактор организации предметно-пространственной среды жилища личности

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
ЦЕННОСТИ.
ИДЕАЛЫ**
■■■■■■■■■■

возможна в близких отношениях со-бытия, где границы приватного менее явны. Такого рода близкие отношения возникают в семье. Неизменно велика роль семьи как пространства бытия, где у человека оформляется и поддерживается чувство личностной идентичности, чувство аутентичности бытия [Рябикина, Хозяинова, Босенко, Аверина, 2020].

Стремление найти поддержку своей идентичности в отношениях с любящим и любимым человеком — естественное побуждение личности, реализуемое в поиске партнера и последующем, возможном заключении брака. Со-бытие брачной пары представит как пересечение бытийных пространств двух субъектов. В условиях брачного со-бытия человек реализует направленность на обретение средовой идентичности посредством присвоения, организации и реорганизации домашнего пространства, которое должно быть конгруэнтным организации его внутриличностного пространства, то есть должно находиться в соответствии со структурой личностных смыслов. Наиболее наглядно, выпукло и очевидно это проявляется в конкурирующих, избегающих или поддерживающих отношениях, складывающихся между живущими вместе субъектами, реализующими свою субъектность в организации предметно-пространственной среды жилища.

Вступив в брак, человек переструктурирует границы своего личного поля в связи с новой конфигурацией отношений как с брачным партнером, так и с другими членами семьи. Разделенность предметно-пространственной среды жилища и выделение в ней приватного пространства позволяют личности, с одной стороны, реализовать свою субъектность, а с другой — обрести средство для балансирования потребностей в совместности и автономности. Эти процессы женщина и мужчина реализуют по-разному.

Претензии супругов на приватность в пространстве супружеского со-бытия делают их конкурентами, поэтому более высокие показатели суверенности у одного партнера могут порождать чувство неудовлетворенности браком у другого.

Предварительные исследования показали, что на территории жилища проявления приватности больше свойственны женщине и в процессе брачной жизни эти проявления упрочиваются, в то время как мужчина уступает свою территорию в более приватных частях жилища и позиционирует себя на внешних по отношению к жилищу территориях (машина, мастерская и пр.) или на территориях более открытых, менее защищенных от контактов (гостиная), то есть женщина «укоряется» на территории приватного пространства жилища, а мужчина «вытесняется» с этой территории [Рябикина, 2015; Рябикина, Тиводар, 2017].

В продолжение изучения проблемы было проведено исследование, направленное на выявление связи особенностей организации предметно-пространственной среды жилища молодыми супругами с их потребностью в приватности, с готовностью поддерживать партнера в его потребности в приватности, с ориентацией на идентификацию с партнером и с удовлетворенностью браком.

Предполагалось, что мужчина и женщина, являясь фактором организации приватной предметно-пространственной среды жилища для партнера, различаются в перечисленных характеристиках.

В исследовании приняли участие 40 супружеских пар (20 — из г. Краснодара и 20 — из г. Каспийска Республики Дагестан) в возрасте 19–27 лет со стажем семейной жизни до 1 года, не имеющие детей. Были применены следующие методики: тест-опросник удовлетворенности браком (ОУБ), разработанный В.В. Столиным, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко [Столин, 1982]; опросник «Потребность в приватности и ее поддержка брачным партнером» [Тиводар, 2008]; шкала «Личностная идентификация с супругом» (из методики «Ролевые ожидания и притязания» А.Н. Волковой) [Волкова, 1979]; шкала «Проблемы, связанные с приватностью в организации предметно-пространственной среды дома (квартиры)» [Тиводар, 2008]; опросник «Типы конфликтных ситуаций в семье» (модификация А.Р. Тиводар) [Тиводар, 2008]; анкета «Индивидуальные предпочтения прайваси» [Бурмистрова-Савенкова, 2006].

Обработка полученных эмпирических данных осуществлялась с помощью: средних значений, критерия Манна–Уитни, коэффициента линейной корреляции Пирсона.

По степени удовлетворенности браком респонденты представляют благополучные семьи (средний балл 31,85 в женской группе, 31,47 — в мужской). Они в целом удовлетворены брачными отношениями и характеризуют их положительно.

Следующим этапом стало изучение показателей потребности в приватности у мужчин и женщин. Для выявления различий по исследуемым параметрам между показателями у мужчин и женщин была проверена значимость этих различий при помощи U критерия Манна–Уитни. Для выборок $n_1 = 40$ и $n_2 = 40$ $U_{0,05} = 628$, $U_{0,01} = 557$, значимость различий признается при $U_{\text{эмп}} < U_{0,05}$.

Опишем полученные результаты: предпочитаемые виды приватности (прайваси) у мужчин и женщин имеют значимые различия по параметрам «Общее количество видов прайваси» $U_{\text{эмп}} = 541,5$ ($p = 0,01$) и «Интимность» $U_{\text{эмп}} = 459$ ($p = 0,01$). Это демонстрирует большую широту индивидуального репертуара средового поведения женщин, направленного на реализацию собственной потребности в приватности. Они также намного чаще

З.И. Рябикина,
Н.А. Васильченко
Другой человек как фактор организации предметно-пространственной среды жилища личности

Изучение потребности в приватности и ее поддержки от партнера показали, что наибольшие различия были выявлены по параметрам «Потребность в приватности территории» $U_{\text{эмп}} = 614,5$ ($p = 0,05$) и «Поддержка потребности в приватности территории» $U_{\text{эмп}} = 622,5$ ($p = 0,05$). То есть женщины испытывают большую потребность в приватности территории (жилища), чем мужчины, в большей степени проявляя свою субъектность, и получают большую поддержку этой потребности со стороны своих мужей, однако, в свою очередь оказывают им меньшую поддержку в аналогичной потребности.

Для выявления особенностей организации предметно-пространственной среды жилища супругами проводился корреляционный анализ. Коэффициент линейной корреляции Пирсона для $n = 40$, $r_{xy} = 0,310$ ($p = 0,05$). Обнаружено, что удовлетворенность браком у мужчин отрицательно коррелирует с параметром «Ведение дневника» ($r_{\text{эмп}} = -0,31$, $p = 0,05$), а у женщин — положительно коррелирует с параметрами «Сдержанность» ($r_{\text{эмп}} = 0,416$, $p = 0,05$) и «Отсутствие потребности в прайваси» ($r_{\text{эмп}} = 0,322$, $p = 0,05$) (Таблица 1).

Таблица 1. Корреляция предпочитаемых видов приватности (прайваси) с удовлетворенностью браком, личностной идентификацией с супругой/ом, конфликтами в организации среды

	ВИДЫ ПРАЙВАСИ						
	1. Уединение	2. Анонимность	3. Сдержанность	4. Интимность	5. Отсутствие потребности в прайваси	6. Творчество	7. Ведение дневника
Удовлетворенность браком/мужчины	-0,104	-0,049	0,122	0,172	0,249	-0,08219	-0,31
Удовлетворенность браком/женщины	0,187	0,048	0,416	0,119	0,322	0,17022	0,037
Личностная идентификация с супругой (муж.)	-0,049	-0,046	0,152	0,175	0,149	-0,0176	-0,323
Конфликты из-за приватности в организации среды (жен.)	0,024	0,194	0,036	-0,276	-0,013	0,217	0,412

Эти данные показывают, что в благополучном браке мужчины удовлетворяют потребность в проявлении своих переживаний непосредственно в общении с супругой. В свою очередь женщинам для того, чтобы ощутить свое приватное пространство, достаточно на какое-то время просто «погрузиться в себя», физически не удаляясь от мужа. Тем не менее отстаивание женщинами собственного необходимого пространства (конфликты из-за приватности в организации среды) коррелирует с желанием описывать свои размышления ($r_{\text{эмп}} = 0,412$, $p = 0,05$). Возможно, женщинам необходимо больше приватности для самоанализа, рефлексии.

По результатам полученных данных можно заключить, что мужчины, удовлетворенные браком, погруженные в своих женщин, идентифицирующие себя с ними, не склонны к самоописаниям, самопроблематизациям в текстах и особо не нуждаются в них.

Следующий этап работы состоял в определении связи потребности в приватности и ее поддержки с удовлетворенностью браком у мужчин и женщин. Было обнаружено, что у мужчин удовлетворенность браком отрицательно коррелирует с поддержкой потребности в приватности территории ($r = -0,432$, $p = 0,05$), а также отрицательно коррелирует личностная идентификация с супругой и поддержка потребности в приватности территории ($r = -0,448$, $p = 0,05$), что отражено в таблице 2.

Таблица 2. Корреляция потребности в приватности и ее поддержка с удовлетворенностью браком, личностной идентификацией с супругой/ом, конфликтами в организации среды

	Потребность в приватности и ее поддержка			
	Потребность в приватности территории	Поддержка потребности в приватности территории	Потребность в приватности вещей	Поддержка потребности в приватности вещей
Удовлетворенность браком (муж.)	0,094	-0,432*	-0,02	0,1384
Личностная идентификация с супругой	0,189	-0,448*	-0,04	-0,043
Конфликты из-за приватности в организации среды (муж.)	0,067	-0,228	-0,35*	-0,414*

$p^* = 0,05$

З.И. Рябикина,
Н.А. Васильченко
Другой человек как фактор организации предметно-пространственной среды жилища личности

В таблице 2 представлены выявленные корреляции: у мужчин параметр «Конфликты из-за приватности в организации среды» отрицательно коррелирует с параметрами «Потребность в приватности вещей» ($r = -0,35$) и «Поддержка потребности в приватности вещей» ($r = -0,414$). Обратная зависимость, то есть возрастание конфликтности при снижении показателей «Потребность в приватности вещей» и «Поддержка партнером потребности в приватности вещей» выглядит парадоксально, если супружеские отношения рассматриваются только как возможная внутренняя конкуренция в диаде, но молодые переживают сложный период в организации отношений с другими акторами семьи (родители супругов и т.д.), и конфликтные отношения между молодыми супругами возникают, если женщина считает мужа недостаточно субъектным в обособлении своей семейной территории и что он не поддается ее попыткам усилить его потребность в приватности.

Таблица 3. Корреляция удовлетворенности браком с личностной идентификацией с супругой/ом, с конфликтами в организации среды

	Личностная идентификация с супругой	Конфликты из-за приватности в организации среды (муж)
Удовлетворенность браком (муж.)	0,755*	-0,359*
Личностная идентификация с супругой		-0,532*

Результаты демонстрируют, что мужчины, в большей степени удовлетворенные своим браком, более склонны идентифицировать себя со своими женами и менее склонны к конфликтному поведению в сфере организации предметно-пространственной среды. У женщин не было обнаружено таких связей.

* * *

В эмпирическом исследовании выявлены особенности и различия молодых супругов в проявляемых психологических характеристиках (потребность в приватности, поддержка приватности партнера, идентификация с партнером, удовлетворенность браком), обусловленных совместностью проживания, и тем, что брачный партнер становится фактором организации приватной предметно-пространственной среды жилища.

По сравнению с мужчинами, женщины имеют намного большую широту индивидуального репертуара средового поведения, направленного на реализацию потребности в приватности, а также испытывают большую потребность в приватности территории и получают большую поддержку этой потребности со стороны своих мужей, однако, в свою очередь оказывают им меньшую поддержку аналогичной потребности. То есть возможности женщины упрочить позицию своей приватности обусловлены ее собственной «вытесняющей» позицией по отношению к партнеру и его ориентированностью на поддержку женской приватности.

Удовлетворенные своим браком супруги испытывают меньшую потребность в приватности. Мужчины, в большей степени удовлетворенные своим браком, более склонны идентифицировать себя со своими женами и менее склонны к конфликтному поведению в сфере организации предметно-пространственной среды.

Мужчины, более склонные идентифицировать себя со своими супругами, переживают не только психологическую слитность с ними, но и менее дистанцированы от них пространственно. Хотя они получают от жен меньше поддержки своей потребности в приватности территории, тем не менее реже демонстрируют конфликтное поведение в сфере организации предметно-пространственной среды.

Выявленное возрастание конфликтности в молодой семье при снижении у мужчин показателей «Потребность в приватности вещей» и «Поддержка партнером потребности в приватности вещей» (обратная зависимость) обусловлено сложным периодом в организации отношений с другими акторами (родители супругов и т.д.). Конфликтность возникает, если женщина считает мужа недостаточно субъектным в обособлении своей семейной территории и не реагирующим на ее попытки усилить его потребность в приватности.

З.И. Рябикина,
Н.А. Васильченко
Другой человек как фактор организации предметно-пространственной среды жилища личности

Another Person as a Factor in the Organization of the Subject-Spatial Environment of the Individual's Home

Zinaida I. Ryabikina

DSc in Psychology, Professor, Professor of the Department of Personality Psychology and General Psychology.

Kuban State University.

149, Stavropolskaya Str., 350040 Krasnodar, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-7396-0115

z.ryabikina@yandex.ru

Natalia A. Vasilchenko

CSc in Psychology, Associate Professor of the Department of Personality Psychology and General Psychology.

Kuban State University.

149, Stavropolskaya Str., 350040 Krasnodar, Russian Federation.

ORCID: 0009-0007-6891-457X

vasilch_nat@mail.ru

Abstract. In the article, the relationship “personality — environment” is considered from the standpoint of a subjective approach. Through habitation, appropriation, and personalization of the environment, a person realizes the desire to “extend himself in the world of things and territories”, thereby achieving consistency of internal and external, gaining a sense of authenticity of being and personal identity. By turning the environment into the spaces of his being, a person changes it for another person, and becomes an environmental circumstance for him. Home is one of the most personalized, private territories of a person, which she shares with loved ones, taking their subjective position. Another person becomes a factor in the organization of the object-spatial environment of the individual's home. This reasoning creates opportunities for understanding and interpreting both the processes of communication, with its accompanying collisions of togetherness-disconnection, and for understanding the deep personal processes of gaining authenticity, personal identity, etc. The empirical study examined the features and differences of young spouses (40 couples) in the manifested psychological characteristics (the need for privacy, support for partner privacy, identification with a partner, satisfaction with marriage) due to cohabitation, the fact that the marital partner becomes a factor in the organization of a private object-spatial environment of the home. It was found out that young women have a wider repertoire of environmental behavior aimed at realizing the need for privacy and receive greater support for this need from their husbands, they also know how to build what is necessary in the organization of the subject-spatial environment. Young men are more likely to identify with their spouses, experience not only psychological fusion with them, but also less distanced from them spatially

(this implies a decrease in the need for privacy, and less need for the privacy of things).

Keywords: personality and environment, subjective approach, subject-spatial environment, being with Another, privacy, satisfaction with marriage.

For citation: Ryabikina Z.I., Vasilchenko N.A. Another Person as a Factor in the Organization of the Subject-Spatial Environment of the Individual's Home // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 5. P. 164–181. DOI: 10.31857/S0236200724050097

З.И. Рябикина,
Н.А. Васильченко
Другой человек как фактор
организации
предметно-про-
странственной
среды жилища
личности

Литература/References

Абульханова-Славская К.А. Проблема определения субъекта в психологии // Субъект действия, взаимодействия, познания (Психологические, философские, социокультурные аспекты). М., Воронеж: МОДЭК, 2001. С. 36–52.

Abulxhanova-Slavskaya K.A. Problema opredeleniya sub"ekta v psikhologii [The Problem of Defining a Subject in Psychology]. *Sub"ekt deistviya, vzaimodeistviya, poznaniya (Psikhologicheskie, filosofskie, sotsiokul'turnye aspekty)* [The Subject of Action, Interaction, Cognition (Psychological, Philosophical, Sociocultural Aspects)]. Moscow, Voronezh: MODEK Publ., 2001. P. 36–52.

Андреева Г.М. Социальная идентичность: временные и средовые компоненты // Психология личности в трудах отечественных психологов / сост. Л.В. Куликов. СПб.: Питер, 2000. С. 352–366.

Andreeva G.M. Sotsial'naya identichnost': vremennye i sredovye komponenty [Social Identity: Temporal and Environmental Components]. *Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov* [Personality Psychology in the Works of Russian Psychologists], compil. by L.V. Kulikov. St. Petersburg: Piter Publ., 2000. P. 352–366.

Антоновский А.Ю., Погожина Н.Н. Системно-коммуникативная теория: структура, аномалии, применение // *Человек*. 2023. Т. 34, № 5. С. 7–28.

Antonovskiy A.Yu., Pogozhina N.N. Sistemno-kommunikativnaya teoriya: struktura, anomalii, primeneniye [The System-communicative Theory: Structure, Anomalies, Application]. *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 5. P. 7–28.

Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Системно-коммуникативная теория и ее приложения: наука и протест. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2019.

Antonovskiy A.Yu., Barash R.E. Sistemno-kommunikativnaya teoriya i ee prilozheniya: nauka i protest [System-Communicative Theory and its Applications: Science and Protest]. Moscow: Russian Society of History and Philosophy of Sciences Publ., 2019.

Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-бытийного подхода // Проблема субъекта в науке. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42.

Antsyferova L.I. Psikhologicheskoe sodержanie fenomena sub"ekt i granitsy sub"ektno-bytiynogo podkhoda [The Psychological Content of the Phenomenon of the Subject and the Boundaries of the Subject-Being Approach].

Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А., Виленская Г.А. Вводная глава. Современные подходы в отечественной психологии: единство в разнообразии // Научные подходы в современной отечественной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 7–98.

Zhuravlev A.L., Sergienko E.A., Vilenskaya G.A. Vvodnaya glava. Sovremennye podkhody v otechestvennoi psikhologii: edinstvo v raznoobrazii [Introductory Chapter. Modern Approaches in Russian Psychology: Unity in Diversity]. *Nauchnye podkhody v sovremennoi otechestvennoi psikhologii* [Scientific Approaches in Modern Russian Psychology]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS Publ., 2023. P. 7–98.

Знаков В.В., Рябикина З.И. Психология человеческого бытия. М.: Смысл, 2017.

Znakov V.V., Ryabikina Z.I. Psikhologiya chelovecheskogo bytiya [The Psychology of Human Existence]. Moscow: Smysl Publ., 2017.

Кондратова Н.А. Субъективная репрезентация жизненного пространства личности. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.

Kondratova N.A. Sub"ektivnaya reprezentatsiya zhiznennogo prostranstva lichnosti. Avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk [Subjective Representation of a Person's Living Space. Abstract of the Diss. ... CSc, Psychology]. Moscow, 2009.

Нартова-Бочавер С.К. Психологическое пространство личности. М.: Прометей, 2005.

Nartova-Bochaver S.K. Psikhologicheskoe prostranstvo lichnosti [The Psychological Space of Personality]. Moscow: Prometei Publ., 2005.

Панов Д.А. Личность как субъект предметно-пространственной среды дома: дизайнер и пользователь. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2005.

Panov D.A. Lichnost' kak sub"ekt predmetno-prostranstvennoi sredy doma: dizainer i pol'zovatel'. Avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk [Personality as a Subject of the Object-Spatial Environment of the House: Designer and User. Abstract of the Diss. ... CSc, Psychology]. Krasnodar, 2005.

Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Petrovsky V.A. Lichnost' v psikhologii: paradigma sub"ektnosti [Personality in Psychology: the Paradigm of Subjectivity]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 1996.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.

Rubinstein S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir [Being and Consciousness. Human and the World]. St. Petersburg: Piter, 2003.

Рябикина З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 45–57.

Ryabikina Z.I. Lichnost' kak sub"ekt formirovaniya bytiinykh prostranstv [Personality as a Subject of the Formation of Existential Spaces]. *Sub"ekt, lichnost' i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [The Subject, Personality and Psychology of Human Existence], ed by V.V. Znakov, Z.I. Ryabikina. Moscow: Institute of Psychology of the RAS Publ., 2005. P. 45–57.

З.И. Рябикина,
Н.А. Васильченко
Другой человек как фактор
организации
предметно-пространственной
среды жилища
личности

- 180

- Sartre J.-P. *Toshnota* [Nausea], transl. from French by Y.Ya. Yakhnina. Moscow: Respublika Publ., 1994.
- Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 1. С. 120–132.
- Sergienko E.A. Sistemno-sub"ektnyi podkhod: obosnovanie i perspektiva [The System-Subjective Approach: Justification and Perspective]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2011. Vol. 32, N 1. P. 120–132.
- Столин В.В. Психологические основы семейной терапии // Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 104–115.
- Stolin V.V. Psikhologicheskie osnovy semeinoi terapii [Psychological Foundations of Family Therapy]. *Voprosy psikhologii*. 1982. N 4. P. 104–115.
- Тиводар А.Р. Психология со-бытия личности в браке. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.
- Tivodar A.R. *Psikhologiya so-bytiya lichnosti v brake* [The Psychology of Being a Person in Marriage]. Krasnodar: Kuban State University Publ., 2008.
- Харламенкова Н.Е. Психология личности: от методологии к научному факту. М.: Институт психологии РАН, 2023.
- Kharlamenkova N.E. *Psikhologiya lichnosti: ot metodologii k nauchnomu faktu* [Personality Psychology: from Methodology to Scientific Fact]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS, 2023.
- Хейдметс М. Феномен персонализации среды: теоретический анализ // Средовые условия групповой деятельности / под ред. Х. Миккина. Таллин: ТПИ, 1988. С. 7–15.
- Heidmets M. Fenomen personalizatsii sredy: teoreticheskii analiz [The Phenomenon of Personalization of the Environment: a Theoretical Analysis]. *Sredovye usloviya gruppovoi deyatel'nosti* [Environmental Conditions of Group Activity], ed. by H. Mikkin. Tallinn: TPI Publ., 1988. P. 7–15.
- Шамионов Р.М. Критерии субъективного благополучия личности: социокультурная детерминация // Известия Саратов. ун-та. Нов. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. Вып. 3. С. 213–218.
- Shamionov R.M. Kriterii sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti: sotsiokul'turnaya determinatsiya [Criteria of Subjective Well-Being of a Person: Socio-Cultural Determination]. *Izvestiya Sarat. un-ta. Nov. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Izvestia of the Saratov University. A New Series. The Acmeology of Education. Developmental Psychology]. 2015. Vol. 4, Issue 3. P. 213–218.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. М.: Прогресс, 1996.
- Ericson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis], transl. from English. Moscow: Progress Publ., 1996.
- Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления / пер. с нем. И. Булкиной. Киев: AirLand, 1994.
- Jung K. *Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya* [Memories, dreams, reflections], transl. from German by I. Bulkina. Kyiv: AirLand, 1994.
- Stets J.E., Biga C.F. Bringing Identity Theory into Environmental Sociology. *Sociological Theory*. 2003. Vol. 21. N 4. 398–423.

З.И. Рябикина,
Н.А. Васильченко
Другой человек как фактор
организации
предметно-про-
странственной
среды жилища
личности

©2024 И.В. ВАСИЛЬЕВА, М.В. ЧУМАКОВ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ДОМЕ В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ ВЗРОСЛОСТИ: ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Васильева Инна Витальевна — доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и социальной психологии. Тюменский государственный университет. Российская Федерация, 625000 Тюмень, ул. Водопроводная, д. 6.
Профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. Российская Федерация, 625000 Тюмень, ул. Амурская, д. 75.
ORCID: 0000-0003-0740-7260
i.vasileva@utmn.ru

Чумаков Михаил Владиславович — доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии. Курганский государственный университет. Российская Федерация, 640002 Курган, ул. Советская, д. 63, стр. 4.
Профессор кафедры общей и социальной психологии. Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина. Российская Федерация, 620002 Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
ORCID: 0000-0002-4381-5133
mihailchv@mail.ru

Аннотация. Методологической основой исследования выступают психосемантический и тезаурусный подходы. Вербализованные представления позволяют объективировать потребности, ценности, отношения субъекта в отношении значимых явлений действительности. Обсуждаются результаты эмпирического исследования представлений об идеальном доме у людей в разные периоды взрослости. Данные были собраны методом свободных ассоциаций. На словосочетание «идеальный дом» респонденты давали ассоциации в виде трех глаголов, трех прилагательных, трех существительных. В исследовании приняли участие 286 человек, из них 228 человек в возрасте от 18 до 40 лет, 47 человек в возрасте от 55 лет и старше. Выделение общих семантических категорий проводилась частотным анализом, сравнение семантических категорий между группами разного возраста осуществлялось посредством z-критерия. Было показано, что уют, любовь, счастье, жизнь выступают общими семантическими маркерами идеального дома для людей в разных периодах взрослости. Представления об идеальном доме в исследованных возрастных периодах, наряду с общими чертами, обладают выраженной спецификой. В зависимости от возраста, представления об идеальном доме различаются: для людей в возрасте 18–40 лет наиболее важными являются семантические категории уюта, семьи и теплоты; для людей старше 55 лет — категории счастья и здоровья. Дополнительное эмпирическое подтверждение получило положение о том, что значение дома меняется вместе с изменением возрастного периода человека (С.К. Нартова-Бочавер). Ограничения исследования: в изученной выборке преобладают люди первого периода взрослости и женского пола. Перспективы исследования состоят в расширении возрастных когорт и балансировке выборки по половому признаку.

Ключевые слова: идеальный дом, представления, психосемантический подход, возраст, периоды взрослости, психология среды, обыденное сознание, жизненные смыслы.

Ссылка для цитирования: Васильева И.В., Чумаков М.В. Представления об идеальном доме в различные периоды взрослости: психосемантический подход // Человек. 2024. Т. 35, № 5. С. 182–196. DOI: 10.31857/S0236200724050106

Дом является одним из наиболее значимых элементов окружающей человека среды. Эта среда насыщена физическими, личностными, коммуникативными, религиозными, эстетическими параметрами [Нартова-Бочавер, 2016а]. Человек проводит в своем доме много времени. В некоторые периоды его жизни/онтогенеза, например в раннем детстве или в пожилом возрасте, дом может являться самым главным элементом окружающей среды. Даже если человек физически уезжает, проводит много времени вне дома (уезжает учиться в другой город, в командировку), то образ дома остается значимым элементом его внутреннего мира. Представление о доме выступает как часть Я-концепции человека. В ходе онтогенеза Я-концепция претерпевает изменения, что находит отражение и в восприятии дома, личного пространства и собственной территории. С точки зрения этологии представления о доме могут быть интерпретированы как проявление территориального поведения человека. В зависимости от того, как мы воспринимаем дом, меняется наше отношение к собственной территории, отражение этого можно наблюдать в территориальных спорах на дачных участках у соседей, в многоквартирных домах [Куштанова, 2009].

С антропологической точки зрения дом и его обстановка могут демонстрировать удовлетворенность потребностей человека. В исследовании В.Ю. Лебедева и Т.В. Волковой показано, что в начале XX века дом удовлетворял более широкий спектр потребностей человека, с витальных и до эстетических. Тогда как в настоящее время дом удовлетворяет преимущественно базовые потребности, связанные с отдыхом, питанием, безопасностью [Лебедев, Волкова, 2017]. Эти потребности меняются с возрастом. В разные периоды взрослости может быть различное понимание отдыха и безопасности.

И.В. Васильева,
М.В. Чумаков

Представления
об идеальном
доме в различ-
ные периоды
взрослости: пси-
хосемантиче-
ский подход

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

Дом отражает индивидуальные особенности человека. Представление об идеальном доме имеет не только личностное, возрастное, но и культурологическое, культурно-историческое [Гачев, 1988; Пурнис, 2005], региональное [Головнева, 2017] измерение. В разные возрастные периоды значение дома для человека меняется [Нартова-Бочавер и др., 2016]. В юности дом воспринимается больше как территория родителей, и человек стремится оторваться от родительского [Резниченко, 2017] и обрести свой дом, свою территорию. В исследовании С.К. Нартовой-Бочавер с соавторами [Нартова-Бочавер и др., 2015] изучались объективные средовые характеристики дома у студентов. Было показано, что для реального и идеального дома характерны следующие параметры-функции: прагматичность (комфорт), развитие, стабильность, защищенность. В пожилом возрасте большая часть активности человека, как правило, проходит в стенах его дома. Значимыми факторами благополучия становятся стабильность условий, предсказуемость происходящего, постоянство контактов с близкими людьми. Изучение представлений об идеальном доме в различные возрастные периоды позволит в перспективе учитывать этот фактор для повышения благополучия представителей той или иной возрастной когорты.

Люди прилагают много усилий для того, чтобы иметь собственный дом и сделать его комфортным для себя и своих близких. Причем удовлетворенность домом более значима, чем удовлетворенность микрорайоном проживания и городом [Смолова, 2012]. Иметь собственный дом и квартиру чаще всего считается важным и ценным [Dumanov, 2020]. Хотя появление практики цифрового нómáдизма меняет значимость постоянного дома [Шляков, 2021], что может сказаться и на индивидуально-психологических характеристиках людей, выбирающих нетрадиционный тип жилища и проживания. Результаты некоторых исследований показывают, что дом, домашняя среда являются значимыми ресурсами психологического благополучия [Дмитриева, 2014]. Понятие психологического благополучия может меняться в различные возрастные периоды, что будет сказываться на представлениях о доме, домашней среде.

В организации данного исследования мы опираемся на лингвистическую гипотезу: если некоторый феномен есть в опыте человека, то субъект будет иметь о нем представление в структуре своего обыденного сознания и будет вербализовать это представление, используя специфичный для себя тезаурус. Е.Е. Сапогова указывает, что тезаурус является средством связи между «вербально-семантическими и мотивационными подсистемами личности» [Сапогова, 2020: 99].

С одной стороны, представления являются когнитивным компонентом опыта [Абдуллаева, 2021], а с другой — семантическое пространство представлений отражает мотивационную сферу личности в потребностном и аксиологическом аспектах [Васильева, Чумаков, 2023; Васильева, Чумаков, Чумакова, 2024]. Эта особенность была отмечена еще в теории и практике психоанализа: содержание свободных ассоциаций отражало неосознаваемую мотивацию, мотивационные конфликты как источник психологического неблагополучия [Фрейд, 2010].

Таким образом появляется возможность использовать проективную гипотезу для релевантного понимания содержания тезауруса, отраженного в представлениях об идеальном доме. Также в близких исследованиях [Сапогова, 2020] показано, что семантический маркер «дом» воспринимается как один из наиболее очевидных и устойчивых в персональных тезаурусах взрослых людей. Каждый субъект жизнедеятельности перерабатывает свой экзистенциальный опыт, и результат этой переработки содержится в обыденном сознании, отражается в тезаурусе в целом и в отдельных представлениях. Вербализованные представления позволяют объективировать потребности, ценности, отношения субъекта. Если мы наблюдаем

сходные вербализации представлений у какой-то возрастной, гендерной, профессиональной, социальной, конфессиональной, этнической группы, то есть основания полагать, что это является отражением их группирующего свойства. Наиболее частотные группы представлений могут считаться ядерными, менее частотные, но тем не менее образующие группы, — периферийными. Тезаурусный подход строится от частного к общему [Луков В., Луков Вл., 2008]. Таким образом, поиск наиболее общих семантических категорий должен строиться на «сумме частностей».

Цель исследования — изучение представлений об идеальном доме у взрослых людей.

Задачи исследования:

1. При помощи психосемантического анализа выявить основные характеристики идеального дома, свойственные взрослым людям.
2. Сравнить семантические характеристики идеального дома у людей в различные периоды взрослости.

Методы

Описание выборки: всего 286 участников, из них 237 женщин, 49 мужчин. Возраст участников от 18 до 83 лет ($M = 31,23$, $SD = 18,66$). Возрастные границы были определены в соответствии с периодизацией Б.Г. Ананьева: респонденты 18–40 лет (первый период взрослости) и респонденты 55 лет и старше (пожилые люди) [Ананьев, 2021].

Сбор данных происходил преимущественно асинхронно, онлайн, посредством google-forms. Пожилые люди опрашивались очно, небольшими группами. Все респонденты участвовали в исследовании анонимно.

Отбор семантических единиц для обработки и последующей интерпретации проводился по следующим правилам. В каждой выборке (общая выборка, выборка респондентов 18–40 лет, выборка респондентов 55 лет и старше) проводился подсчет частот однокоренных и семантически близких слов. Отсечение частоты категории проходило по границе 2 % встречаемости семантических единиц каждой категории. Мы стремились выделить центральное ядро семантического пространства с опорой на подход П. Вержеса [Vergès, 1992], учитывая в анализе прежде всего наиболее частотные ассоциации.

Результаты

В общей выборке было получено 2564 слова, 2 % порог преодолели категории с количеством не менее 51 семантической единицы. Для респондентов 18–40 лет было получено 2051 слово, 2 % порог преодолели категории с количеством не менее 41 семантической единицы. Для респондентов 55 лет и старше было получено 405 слов, 2 % порог преодолели категории с количеством не менее 8 семантических единиц.

Каким смыслом наполняется описание идеального дома? Обобщение семантических категорий по общей выборке респондентов дает возможность сформулировать определение идеального дома. Идеальный дом — уютный, теплый, в котором живет семья; там, где счастливы и любимы. Это красивое, чистое, большое и светлое место для спокойного отдыха.

Главными смысловыми категориями, характеризующими представления об идеальном доме, в целом, по выборке являются уют, семья и счастье.

Обобщение семантических категорий по выборке респондентов 18–40 лет повторяет формулировку определения идеального дома, полученную для общей выборки. Это объяснимо, поскольку большую часть выборки составляет именно эта возрастная категория.

Главными смысловыми категориями, характеризующими представления об идеальном доме, по выборке респондентов 18–40 лет, являются уют, семья и теплота.

И.В. Васильева,
М.В. Чумаков

Представления
об идеальном
доме в различ-
ные периоды
взрослости: пси-
хосемантиче-
ский подход

название категории	семантические единицы	количество единиц	сумма	общая сумма	ранговое место	процент встречаемости
уют	уют	104	175	284	1	11,1
	уютный	70				
	уютное	1				
	комфортный	28	79			
	комфорт	46				
	комфортабельный	1				
	комфортизировать	1				
	комфортно	3	30			
	удобный	22				
	удобность	1				
удобство	7					
семья	семья	85	92	139	2	5,4
	семейное	1				
	семейные	1				
	семейный	4				
	семьи	1				
	родители	3	16			
	родительский	2				
	мама	8				
	мать	1				
	отец	1				
	папа	1	11			
	дети	9				
	детский	1				
	ребенок	1	20			
	родной	18				
родные	2					
счастье	счастье	26	44	130	3	5,1
	счастливый	14				
	счастливая	3				
	счастливое	1				
	радоваться	18	35			
	радовать	1				
	радостное	3				
	радостный	1				
	радость	8				
	радует	4				
	смеется	1				
	смех	1	16			
	смешная	1				
	смеяться	7				
	улыбаться	4				
	улыбка	1				
	улыбчивый	1				
	веселая	2				
	веселиться	7				
	веселое	1				
веселый	2					
веселье	2					
наслаждаться	21	21				

теплота	теплый	41	101	101	4	3,9
	тепло	40				
	тёплый	14				
	теплого	2				
	теплота	4				
любовь	любить	53	93	93	5	3,6
	любовь	20				
	любимая	1				
	любимый	9				
	любит	3				
	люблю	2				
	любят	1				
	любящие	1				
	любящий	3				
красота	красота	12	86	86	6	3,4
	красивый	66				
	красивая	4				
	красиво	1				
	красивое	2				
	красивой	1				
жизнь	жить	53	68	68	7	2,7
	живет	1				
	живой	1				
	живущая	1				
	жизни	4				
	жизнь	3				
	проживания	2				
	проживать	3				
чистота	чистота	25	60	60	8	2,3
	чист	1				
	чистить	2				
	чисто	1				
	чистый	31				
отдых	отдыхать	57	59	59	9,5	2,3
	отдых	2				
спокойствие	спокойный	14	59	59	9,5	2,3
	спокойствие	24				
	успокаивает	7				
	успокаивать	1				
	успокаиваться	1				
	успокаивающий	1				
	покой	8				
	спокойная	1				
большой	большой	53	56	56	11	2,2
	большая	2				
	большое	1				
	большой	1				
светлый	светлый	42	54	54	12	2,1
	светить	1				
	свет	11				

И.В. Васильева,
М.В. Чумаков
Представления
об идеальном
доме в различ-
ные периоды
взрослости: пси-
хосемантиче-
ский подход

Обобщение семантических категорий по выборке респондентов 55 лет и старше дает возможность сформулировать определение идеального дома. Идеальный дом — это то место, где человек счастлив, здоров и спокоен, может проявлять доброту и любовь, жить и работать в достатке и уюте.

Главными смысловыми категориями, характеризующими представления об идеальном доме по выборке респондентов 55 лет и старше, являются счастье и здоровье.

Сравнение категорий по группам респондентов в возрасте 18–40 лет и 55 лет и старше показывает, что эти категории, несмотря на общее присутствие

■■■■■■■■■■
ВРЕМЕНА.
ПРАВЫ.
ХАРАКТЕРЫ
■■■■■■■■■■

Таблица 2. Категоризация семантических единиц (ассоциаций на словосочетание «идеальный дом») в выборке респондентов 18–40 лет

название категории	семантические единицы	количество единиц	сумма	общая сумма	процент встречаемости
уют	уют	95	159	261	12,8
	уютный	64			
	комфортный	26			
	комфорт	39	75		
	комфортабельный	2			
	комфортизировать	2			
	комфортно	6	27		
	удобный	19			
	удобность	1			
удобство	7				
семья	семья	78	82	104	5,7
	семейный	4			
	родители	2			
	родительский	2			
	мама	8	9		
	мать	1			
	отец	1			
	папа	1			
	дети	7			
теплота	детский	1	92	92	4,5
	ребенок	1			
	теплый	37			
	тепло	38			
любовь	тёплый	14	78	78	3,8
	теплота	3			
	любить	48			
	любовь	18			
	любимый	7			
	любит	3			
	любят	1			
счастье	любящие	1	26	72	3,5
	счастье	17			
	счастливый	7			
	счастливая	1	20		
	счастливое	1			
	радоваться	12			
	радовать	1			
	радость	4			
	радует	3	4		
	смеется	1			
	смех	1			
	смеяться	5			
	улыбаться	3			
	улыбка	1	11		
	веселая	2			
веселиться	5				
красота	веселый	2	72	72	3,5
	веселье	2			
	красота	9			
	красивый	61			
	красивая	1			
	красиво	1			

жизнь	жить	46	55	55	2,7
	живет	1			
	живой	1			
	жизнь	2			
	проживания	2			
	проживать	3			
чистота	чистота	23	54	54	2,6
	чист	1			
	чисто	1			
	чистый	29			
большой	большой	53	53	53	2,6
отдых	отдыхать	50	52	52	2,5
	отдых	2			
светлый	светлый	36	47	47	2,3
	свет	11			

И.В. Васильева,
М.В. Чумаков

Представления
об идеальном
доме в различ-
ные периоды
взрослости: пси-
хосемантиче-
ский подход

в семантическом пространстве, занимают специфическое положение в каждой выборке. Счастье более значимо для людей старше 55 лет, чем для тех, кому от 18 до 40 лет. Такие категории, как уют, любовь и ощущение жизни, более значи-мы для более молодой части выборки.

Обсуждение

Данные о структуре семантического пространства представлений об идеальном доме для общей выборки соотносятся с результатами исследования А.А. Бочавер [Бочавер, 2015]. В нашем исследовании показано, что уют, семья и счастье являются основными маркерами идеального дома. В исследовании А.А. Бочавер [Бочавер, 2015] выделены разные аспекты образа дома: универсальный, повседневный, динамический, образ будущего дома. В состав универсального образа входят категории безопасности и семьи; в состав повседневного образа — взаимодействие с близкими и уют; в состав динамического образа — регуляция эмоций и когнийций, обращение к истории семьи и самого себя, обучение новому; в образ будущего дома входит комфорт для реализации собственных задач. Полученные нами семан-тические маркеры образа идеального дома отражаются в образах универсального, повседневного, будущего дома. Интересен факт, что в семантических маркерах образа идеального дома не отразились аспекты динамического образа. Возможно, это связано с тем, что исследования, проведенные с разницей почти в десятилетие, уловили социально-психологические изменения, произошедшие по отношению к среде в целом и к дому, как ее необходимому элементу.

Описание идеального дома в общей выборке и в выборке респондентов 18–40 лет повторяют друг друга с некоторыми нюансами, что объяснимо, поскольку именно эта возрастная категория составляет доминирующую часть выборки ис-следования. Тогда как описание идеального дома у респондентов 55 лет и старше дает другую формулировку главных смысловых категорий.

Сравнение главных смысловых категорий в описании идеального дома дает основание полагать, что их усиление у респондентов 18–40 лет категорией «те-плота» указывает на потребность в физическом комфорте (если речь о физиче-ском тепле) и психологически близких и доверительных отношениях (если речь о межличностной теплоте). Выход на главные позиции смысловой категории «здоровье» у респондентов 55 лет и старше связан с большей значимостью фи-зической сохранности, возможности средствами дома поддерживать и сохранять адекватное состояние здоровья. Эти данные согласуются с исследованиями смыслжизненных ориентаций людей пожилого возраста: наиболее значимыми являются счастье близких, поддержание здоровья и общение [Бедрединова и др., 2015]. Таким образом, представления об идеальном доме отражают основные жизненные смыслы представителей данного возраста.

■■■■■■■■■■
ВРЕМЕНА.
НРАВЫ.
ХАРАКТЕРЫ
■■■■■■■■■■

Таблица 3. Категоризация семантических единиц (ассоциаций на словосочетание «идеальный дом») в выборке респондентов 55 лет и старше

название категории	семантические единицы	количество единиц	сумма	общая сумма	процент встречаемости
счастье	счастье	9	18	37	9,1
	счастливый	6			
	счастливая	2			
	счастливое	1			
	радоваться	6	13		
	радостное	3			
	радостный	1			
	радость	3			
	улыбаться	1	2		
	улыбчивый	1			
	веселая	2	4		
	веселиться	1			
веселое	1				
здоровье	здоровье	14	28	28	6,9
	здоровая	3			
	здоровой	1			
	здоровым	2			
	здоровьем	1			
	здоровый	7			
спокойствие	спокойный	1	11	11	2,7
	спокойствие	4			
	покой	3			
	спокойная	1			
	спокойное	2			
достаток	достаток	10	10	10	2,5
доброта	доброта	5	10	10	2,5
	доброе	1			
	добрые	1			
	добрый	3			
любовь	любить	4	9	9	2,2
	любовь	2			
	любимая	1			
	любимый	1			
	люблю	1			
уют	уют	3	4	8	2,0
	уютное	1			
	комфортный	1	3		
	комфорт	2			
	удобный	1	1		
жизнь	жить	3	8	8	2,0
	жизни	4			
	жизнь	1			
работать	работать	8	8	8	2,0

Интересно сопоставление полученных данных об идеальном доме с результатами исследования, выясняющего связь предпочтений в интерьере с индивидуально-психологическими особенностями личности [Юмкина, Галиаскарова, 2018]. Полученные нами данные соотносятся с выводом о том, что интерьер связан с ценностными ориентациями человека: чаще всего люди предпочитают удобное и функциональное, природосообразное жилье, чтобы снизить уровень

Таблица 4. Расчет z-критерия для сравнения общих семантических категорий в выборках респондентов в возрасте 18–40 лет и 55 лет и старше

Смысловые категории	Респонденты в возрасте 18–40 лет (%)	Респонденты в возрасте 55 лет и старше (%)	Уровень р значимости
уют	12,8	2	0,0001
любовь	3,8	2,2	0,0000
счастье	3,5	9,1	0,0000
жизнь	2,7	2,00	0,0033

стресса, связанного с высоким темпом жизни и недостаточной приватностью [Юмкина, Галиаскарова, 2018: 16].

Таблица 5. Специфичные семантические категории в ассоциациях на словосочетание «идеальный дом» в разновозрастных группах

№	Специфичные категории респондентов 18–40 лет	Специфичные категории респондентов 55 лет и старше
1	семья	здоровье
2	теплота	спокойствие
3	красота	достаток
4	чистота	доброта
5	большой	работать
6	отдых	
7	светлый	

В отличие от пожилых людей, респонденты 18–40 лет представляют идеальный дом как красивое, теплое, чистое, большое, светлое место для отдыха семьи.

У людей пожилого возраста есть свои представления об идеальном доме. Они считают, что это место, где можно поддерживать здоровье, сохранять спокойствие, иметь достаток, а также работать и быть добрым. В некоторых аспектах эти результаты перекликаются с исследованием о жилищных потребностях людей старшего возраста [Грязнова, Мануильская, 2020]: авторы полагают, что необходимо расширять формы активности пожилых людей, а не только обеспечивать комфортное проживание в их жилищах, поскольку эти люди обладают накопленными ценными знаниями и умениями и способны передавать их в самых разных сферах жизнедеятельности: бытовой, профессиональной, коммуникативной, досуговой, социальной. Однако частота семантических маркеров, указывающая на степень важности той или иной сферы в обыденном сознании респондентов, свидетельствует о том, что обеспечение уюта и возможность работать в домашних условиях одинаково значимы, тогда как приоритетными выступают семантические маркеры позитивного эмоционального состояния и адекватного состояния здоровья, именно это является базой для всех остальных представлений об идеальном доме у пожилых людей.

Появление морального, этического маркера «доброта» в представлениях об идеальном доме у респондентов 55 лет и старше специфично по отношению ко всей выборке участников и по отношению к выборке первого и второго периода взрослости. Согласно исследованиям С.К. Нартовой-Бочавер, образ дома — это функция моральных мотивов человека [Нартова-Бочавер и др., 2018: 140]. Можно предположить, что

И.В. Васильева,
М.В. Чумаков
Представления
об идеальном
доме в различ-
ные периоды
взрослости: пси-
хосемантиче-
ский подход

ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

для пожилых людей образ идеального дома связан с возможностью проявлять гуманное отношение к другим людям, как близким, так и просто знакомым.

Развитие киноиндустрии, цифровизации нашли свое отражение в образе дома, который транслируется в кино и цифровом контенте. На материале кинофильмов показано, что сюжеты формируют образ дома по двум основным категориям: идеальный дом — страшный дом. Причем идеальный дом надежно защищен, является жилым и индивидуальным (для одной семьи). Страшный дом, напротив, не защищен, брошен, и является многоквартирным [Казакова, 2018: 125]. Данные, полученные в настоящем исследовании, соотносятся с образом идеального дома, изученного на материале кинофильмов, в части семантической категории «жизнь». Эта категория, однако, не является ядерной, а скорее периферийной для образа идеального дома. Возможно, это связано с разным способом сбора данных: одни были получены от непосредственных респондентов, другие — опосредованно, через медиаконтент, который был создан для более широкой аудитории.

Пандемия COVID-19 обозначила новые потребности человека в организации жилого пространства, которое позволило бы решать различные задачи в режиме онлайн-коммуникации: участвовать в учебных занятиях, проводить и посещать производственные совещания, а также выступать с презентациями [Дыдров и др., 2022]. В настоящее время эти задачи не связаны с эпидемиологическими требованиями. Однако возможность экономить рабочее время для сбора сотрудников, продолжать учебный/производственный процесс при легком недомогании, участвовать в обучении и обучать людей, находящихся друг от друга в разных локациях, и т.д. продолжает поддерживать необходимость организовывать в домах, квартирах пространства для онлайн-коммуникации. Означает ли это, что должны поменяться семантические маркеры смыслового пространства дома, в сравнении с тем, что было до пандемии COVID-19?

Интересно отметить, что, несмотря на значимые социокультурные трансформации, произошедшие со времени пандемии коронавируса, люди не включают в свое представление об идеальном доме маркеры, связанные с удобством выхода в интернет, защитой приватности своего жилища во время цифровой коммуникации. Именно в период пандемии люди очень остро ощутили необходимость организации в своем жилище приватных зон для осуществления онлайн-коммуникации [Дыдров и др., 2022].

Обобщение ассоциаций, полученных в настоящем исследовании, позволяет выделить основное содержание представлений об идеальном доме. Однако требуются дальнейшие исследования для уточнения выделенных конструктов. Например, категория «счастье» может иметь различные коннотации: счастье близких или собственное счастье.

* * *

Представления об идеальном доме включают его характеристики как физического объекта. С другой стороны, в этих представлениях отражаются жизненные смыслы и ценности. Представления об идеальном доме меняются с возрастом; меняются смыслы и ценности, меняются и представления об идеальном доме.

Для людей первого периода взрослости идеальный дом — уютный, теплый; дом, в котором живет семья; место, где счастливы и любимы. Это красивое, чистое, большое и светлое пространство для спокойного отдыха. Для людей пожилого возраста, идеальный дом — это место, где человек счастлив, здоров и спокоен, может проявлять доброту и любовь, жить и работать в достатке и уюте.

Наиболее общими семантическими категориями, отражающими представления об идеальном доме, являются уют, любовь, счастье, жизнь. В зависимости от возраста представления об идеальном доме специфичны: для людей в возрасте

18–40 лет наиболее важными являются семантические категории уюта, семьи и теплоты; для людей старше 55 лет — категории счастья и здоровья.

Ограничения исследования

Несмотря на разнообразие респондентов по их социальному статусу, в выборке преобладают люди первого периода взрослости. Людей зрелого и пожилого возраста существенно меньше, что могло отразиться на общем образе идеального дома. Также обращает на себя внимание то, что в группе пожилых людей респондентами были преимущественно женщины. Однако это является традиционной характеристикой для данного возрастного периода. Возможно, что при уравнивании группы пожилых людей по полу можно будет уточнить образ идеального дома. Исходя из вышеперечисленных ограничений, можно сформулировать следующие задачи для дальнейшей работы: 1) исследовать представления об идеальном доме в группе мужчин пожилого возраста; 2) сравнить представления об идеальном доме у мужчин и женщин пожилого возраста.

Перспективы исследования заключаются в том, чтобы расширить диапазон сравниваемых возрастов, включив в него второй период взрослости. Это позволит получить более дифференцированные результаты о смене представлений об идеальном доме у взрослых людей и более ясно увидеть возрастную логику изменений.

Ideas about the Ideal Home in Different Periods of Adulthood: Psychosemantic Approach

Inna V. Vasileva

DSc in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of General and Social Psychology.

Tyumen State University.

6, Vodoprovodnaya Str., Tyumen 625000, Russian Federation.

Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages, Humanitarian Training of Internal Affairs Officers.

Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

75, Amurskaya Str., Tyumen 625000, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-0740-7260

i.v.vasileva@utmn.ru

Mikhail V. Chumakov

DSc in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Psychology.

Kurgan State University.

63/4, Sovetskaya Str., Kurgan 640002, Russian Federation.

Professor of the Department of General and Social Psychology.

Ural Federal University named after the first President of Russia

B.N. Yeltsin.

19, Mira Str., Yekaterinburg 620002, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-4381-5133

mihailchv@mail.ru

*И.В. Васильева,
М.В. Чумаков*

Представления
об идеальном
доме в различ-
ные периоды
взрослости: пси-
хосемантиче-
ский подход

Abstract. The methodological basis of the study is the psychosemantic and thesaurus approaches. Verbalized representations make it possible to objectify the needs, values, and attitudes of the subject in relation to significant phenomena of reality. The results of an empirical study of people's ideas about the ideal home at different periods of adulthood are discussed. Data were collected using the free association method. To the phrase "ideal home", respondents gave associations in the format of three verbs, three adjectives, and three nouns. The study involved 286 people, of which 228 people were aged 18–40 years, 47 people were aged 55 years and older. The identification of general semantic categories was carried out by frequency analysis; the comparison of semantic categories between groups of different ages was carried out using the z-criterion. It was shown that comfort, love, happiness, life are common

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

semantic markers of an ideal home for people in different periods of adulthood. Ideas about an ideal home in the age periods studied, along with general features, have pronounced specificity. Depending on age, ideas about an ideal home are specific: for people aged 18–40 years, the most important are the semantic categories of comfort, family and warmth; for people over 55 years old these are the categories of happiness and health. Additional empirical confirmation was received by the proposition that the meaning of a house changes along with a change in a person's age (S.K. Nartova-Bochaver). Limitations of the study: in the studied sample, people of the first and second periods of adulthood and females predominated. Prospects for the study include expanding age cohorts and balancing the sample by gender.

Keywords: ideal home, ideas, psychosemantic approach, age, periods of adulthood, environmental psychology, everyday consciousness, life meanings.

For citation: Vasileva I.V., Chumakov M.V. Ideas about the Ideal Home in Different Periods of Adulthood: Psychosemantic Approach // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 5. P. 182–196. DOI: 10.31857/S0236200724050106

Литература/References

- Абдуллаева М.М. Возможности психосемантического подхода для анализа профессиональной активности современных специалистов // *Вестник Московского государственного университета. Серия 14: Психология*. 2021. № 2. С. 100–122.
- Abdullayeva M.M. *Vozmozhnosti psikhosemanticheskogo podkhoda dlya analiza professional'noi aktivnosti sovremennykh spetsialistov* [Possibilities of the Psychosemantic Approach for Analyzing the Professional Activity of Modern Specialists]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*. 2021. N 2. P. 100–122.
- Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Ananyev B.G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an Object of Knowledge]. St. Petersburg: Piter Publ., 2001.
- Бедредина С.В., Ташева А.И., Шульц Е.О. Особенности смысловых представлений в пожилом возрасте // *Российский психологический журнал*. 2015. Т. 12, № 2. С. 24–33.
- Bedredinova S.V., Tasheva A.I., Shultz E.O. *Osobennosti smyslozhiznennykh predstavlenii v pozhilom vozraste* [Features of Life-Sense Representations in Old Age]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*. 2015. Vol. 12, N 2. P. 24–33.
- Бочавер А.А. Представления о доме как элемент персонального опыта // *Психологический журнал*. 2015. Т. 36, № 4. С. 5–15.
- Bochaver A. A. *Predstavleniya o dome kak element personal'nogo opyta* [Ideas About Home as an Element of Personal Experience]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2015. Vol. 36, N 4. P. 5–15.
- Васильева И.В., Чумаков М.В. Специфика семантического пространства представлений о волонтерстве у студентов // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2023. № 2. С. 6–18.
- Vasileva I.V., Chumakov M.V. *Spetsifika semanticheskogo prostranstva predstavlenii o volonterstve u studentov* [The Specifics of the Semantic Space of Students' Ideas about Volunteering]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki*. 2023. N 2. P. 6–18.
- Васильева И.В., Чумаков М.В., Чумакова Д.М. Ценности личности в представлениях о волонтерской деятельности у студентов // *Образование и наука*. 2024. Т. 26, № 2. С. 140–165.
- Vasileva I.V., Chumakov M.V., Chumakova D.M. *Tsennosti lichnosti v predstavleniyakh o volonterskoi deyatel'nosti u studentov* [Personal Values in the Perceptions of Volunteer Activities among University Students]. *Obrazovanie i nauka*. 2024. Vol. 26, N 2. P. 140–165.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988.
- Gachev G.D. *Natsional'nye obrazy mira* [National Images of the World]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1988.

- Головнева Е.В. Регулятивный компонент региональной идентичности: стратегии, ориентации и практики в Сибири // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2017. Т. 12, № 4(170). С. 144–151.
- Golovneva E.V. Regulativnyi komponent regional'noi identichnosti: strategii, orientatsii i praktiki v Sibiri [Regulatory Component of Regional Identity: Strategies, Orientations and Practices in Siberia]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki*. 2017. Vol. 12, N 4(170). P. 144–151.
- Грязнова О.С., Мануильская К.М. Оценка жилищных потребностей людей старшего поколения в России и мире // Человек. 2020. Т. 31, № 3. С. 45–70.
- Griaznova O.S., Manuil'skaya K.M. Otsenka zhilishchnykh potrebnostei lyudei starshego pokoleniya v Rossii i mire [Housing-related Needs Assessment of Older People in Russia and Worldwide]. *Chelovek*. 2020. Vol. 31, N 3. P. 45–70.
- Дмитриева Н.С. Домашняя среда и психологическое благополучие подростков // Вестник университета. 2014. № 17. С. 292–299.
- Dmitrieva N.S. Domashnyaya sreda i psikhologicheskoe blagopoluchie podrostkov [Home Environment and Psychological Well-Being of Adolescents]. *Vestnik universiteta*. 2014. N 17. P. 292–299.
- Дыдров А.А., Невелева В.С., Тихонова С.В., Труфанова Е.О. Человек в цифровую эпоху // Praxhma. 2022. № 4(34). С. 102–122.
- Dydov A.A., Neveleva V.S., Tikhonova S.V., Trufanova E.O. Chelovek v tsifrovuyu epokhu [Man in the Digital Age]. *Praxhma*. 2022. N 4(34). P. 102–122.
- Казакова А.Ю. Образ дома в массовой кинопродукции: оценки, классификаторы, модели // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4(47). С. 118–132.
- Kazakova A.Yu. Obraz doma v massovoi kinoproduksii: otsenki, klassifikatory, modeli [Image of the House in a Mass Film Production: Estimates, Classifiers and Models]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2018. N 4(47). P. 118–132.
- Куштанова В.А. Старение городского населения: вызовы и новые возможности (на примере Франции) // Управление мегаполисом. 2009. № 2–3. С. 101–111.
- Kushtanova V.A. Starenie gorodskogo naseleniya: vyzovy i novye vozmozhnosti (na primere Frantsii) [Aging of the Urban Population: Challenges and New Opportunities (by the Example of France)]. *Upravlenie megapolisom*. 2009. N 2–3. P. 101–111.
- Лебедев В.Ю., Волкова Т.В. Дом и бездомье: к антропологии современного жилища // Человек. 2017. № 3. С. 105–121.
- Lebedev V.Yu., Volkova T.V. Dom i bezdom'e: k antropologii sovremennogo zhilishcha [The Home and the Loss of Home: more on the Anthropology of Dwelling]. *Chelovek*. 2017. N 3. P. 105–121.
- Луков В.А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход: исходные положения // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 9 [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukovs_Thesaurus_Approach/ (дата обращения: 20.09.2024).
- Lukov V.A., Lukov V.I. A. Tezaurusnyi podkhod: iskhodnye polozheniya [Thesaurus Approach: Starting Points]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2008. N 9 [Electronic resource]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukovs_Thesaurus_Approach/ (date of access: 20.09.2024)
- Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И. Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование. М.: Издательство «Памятники исторической мысли», 2016.
- Nartova-Bochaver S.K., Bochaver A.A., Dmitrieva N.S., Reznichenko S.I. Dom kak zhiznennaya sreda cheloveka: psikhologicheskoe issledovanie [Home as a Human Living Environment: Psychological Study]. Moscow: "Pamyatniki istoricheskoi mysli" Publ., 2016.
- Нартова-Бочавер С.К. Принцип дополнительности в психологии: взаимодействие дома и его обитателей // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016а. С. 192–213.
- Nartova-Bochaver S.K. Printsip dopolnitel'nosti v psikhologii: vzaimodeistvie doma i ego obitatelei [The Principle of Complementarity in Psychology: Interaction of a House and its Inhabitants]. *Psikhologicheskie issledovaniya lichnosti: istoriya, sovremennoe sostoyanie*,

И.В. Васильева,
М.В. Чумаков

Представления
об идеальном
доме в различ-
ные периоды
взрослости: пси-
хосемантиче-
ский подход

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

perspektivy, ed. by. M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev, N.E. Kharlamenkova. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016a. P. 192–213.

Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Резниченко С.И., Хачатурова М.Р. Дом и его обитатели: психологическое исследование / отв. ред. С.К. Нартова-Бочавер. М.: Памятники исторической мысли, 2018.

Nartova-Bochaver S.K., Bochaver A.A., Reznichenko S.I., Khachaturova M.R. *Dom i ego obitateli: psikhologicheskoe issledovanie* [The House and its Inhabitants: a Psychological Study], ed. by S.K. Nartova-Bochaver. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2018.

Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И., Брагинец Е.И., Подлипняк М.Б. Образ реального и идеального дома как модератор позитивного функционирования личности // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 4. С. 9–22.

Nartova-Bochaver S.K., Reznichenko S.I., Braginets E.I., Podlipnyak M.B. *Obraz real'nogo i ideal'nogo doma kak moderator pozitivnogo funktsionirovaniya lichnosti* [The Image of a Real and Ideal Home as a Moderator of Positive Personality Functioning]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 2015. Vol. 6, N 4. P. 9–22.

Пурнис Н.Е. Арт-терапия. Искусство архитектуры: практикум. СПб.: Соларт, 2005.

Purnis N.E. *Art-terapiya. Iskustvo arkhitektury: praktikum* [Art Therapy. The Art of Architecture: Practicum]. St. Petersburg: Solart Publ., 2005.

Резниченко С.И. Возрастная динамика и содержание привязанности к дому // Вопросы психологии. 2017. № 6. С. 67–78.

Reznichenko S. I. *Vozrastnaya dinamika i sodержanie privyazannosti k domu* [Age Dynamics and Content of Attachment to Home]. *Voprosy psikhologii*. 2017. N 6. P. 67–78.

Сапогова Е.Е. Концепт «Жизнь» в персональных тезаурусах взрослых людей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10, № 2. С. 98–127.

Sapogova E.E. *Kontsept «Zhizn'» v personal'nykh tezaurusakh vzroslykh lyudei* [The Concept of "Life" in the Personal Thesauri of Adults]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Psikhologiya*. 2020. Vol. 10, N 2. P. 98–127.

Смолова Л.В. Влияние среднемесячного дохода на удовлетворенность жилой средой жителей Санкт-Петербурга // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2012. Т. 18, № 2. С. 27–30.

Smolova L.V. *Vliyanie srednemesyachnogo dokhoda na udovletvorennost' zhiloi sredoi zhitelei Sankt-Peterburga* [The Influence of Average Monthly Income on Satisfaction with the Living Environment of Residents of St. Petersburg]. *Uchenye zapiski Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty*. 2012. Vol. 18, N 2. P. 27–30.

Фрейд З. Психология бессознательного. М. [и др.]: Питер, 2010.

Freud S. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. Moscow [et al.]: Piter Publ., 2007.

Шляков А.В. Трансформация жилища в культуре постмодерна // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/05KLSK121.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).

Shlyakov A.V. *Transformatsiya zhilishcha v kul'ture postmodema* [The Transformation of the Home in Postmodern Culture]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*. 2021. N 1 [Electronic resource]. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/05KLSK121.pdf> (date of access: 20.09.2024).

Юмкина Е.А., Галиаскарова Г.В. Социально-психологические особенности молодежи с различными стилевыми предпочтениями в интерьере // Петербургский психологический журнал. 2018. № 23. С. 7–30.

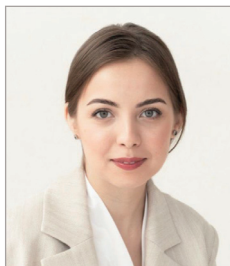
Yumkina E.A., Galiaskarova G.V. *Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti molodezhi s razlichnymi stilevymi predpochteniyami v inter'ere* [Social Psychological Characteristics of the Young People with Different Preferences in interior design]. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*. 2018. N 23. P. 7–30.

Durmanov V.Yu. Households, ownership and dimensions of urban apartments in Russia. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2020. Vol. 17, N 3. P. 454–477.

Vergès P. L'Evocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une representation. *Bulletin de Psychologie*. 1992. XLV (405). P. 203–209.

©2024 П.О. ПОДТЯГИНА

РАБОЧАЯ И ПРИРОДНАЯ СРЕДЫ КАК ФАКТОРЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ IT-СПЕЦИАЛИСТОВ)

Подтягина Полина Олеговна — аспирант.
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».
Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мяс-
ницкая, д. 20.
ORCID: 0000-0002-0258-2118
pandzaurova@hse.ru

Аннотация. В статье представлены результаты качественного исследования влияния параметров рабочего места и взаимодействия с природной средой на развитие выгорания российских IT-специалистов. Мы исследовали специфичные для IT-специалистов средовые факторы выгорания, характер влияния факторов рабочей и природной сред на развитие данного феномена и их значимые параметры. Были проведены полуструктурированные интервью с семью представителями IT-сферы от 25 до 32 лет разных специализаций. Для анализа интервью использовался метод интерпретативного феноменологического анализа Дж. Смита. Обнаружено, что трудовая деятельность в IT-сфере связана с высокими рисками выгорания ввиду специфичных для индустрии факторов, таких как высокие требования, конкуренция, давление дедлайнов, регулярные переработки, зависимость от командной работы и малоподвижный образ жизни. Среди проявлений выгорания выделяется истощение, изменение отношения и мотивации к работе, низкая профессиональная самооценка, эмоциональные и когнитивные нарушения, психологический дистресс и соматические симптомы. Отмечается недостаток превентивных мер на индивидуальном и коллективном уровнях, в особенности для сотрудников, работающих удаленно. Неблагоприятная рабочая среда

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

и труднодоступность природной среды могут выступать факторами выгорания, при этом возможно использование ресурса обеих для совладания с рабочим стрессом. Пребывание на природе снижает такие проявления выгорания, как истощение, эмоциональные и когнитивные симптомы, при этом редко практикуется IT-специалистами. Отмечено позитивное влияние на профилактику выгорания следующих параметров рабочего места: открытость, чистота, проветриваемость и освещение, комфортная мебель и техника, зоны для физической активности, отдыха и уединения, «зеленые» зоны, яркость дизайна. Полученные результаты могут применяться в качестве рекомендаций при проектировании биофильной и салютогенной рабочей среды.

Ключевые слова: выгорание, IT-специалисты, офис, рабочая среда, салютогенез, природная среда, растения, флора, экотерапия.

Ссылка для цитирования: Подтягина П.О. Рабочая и природная среды как факторы предотвращения профессионального выгорания (на примере IT-специалистов) // Человек. 2024. Т. 35, № 5. С. 197–201. DOI: 10.31857/S0236200724050112

Разум человека стремится к целительной
силе природы, к глубоким истокам бытия
и к бессознательному единению с жизнью
во всех ее бесчисленных формах.

К. Г. Юнг

Начало XXI века характеризуется стремительным развитием и проникновением во все сферы человеческой деятельности информационных технологий. Массовая компьютеризация труда и перспективы сферы IT-технологий диктуют спрос на предпочтение профессий информационного типа и планомерное увеличение количества IT-специалистов на рынке труда. Как следствие, интерес исследователей все больше локализуется на последствиях новых видов трудовой деятельности для психологического здоровья субъекта труда [Войскунский, 2013].

На сегодняшний день существуют данные о высоких рисках профессионального выгорания представителей IT-сферы [Муравьева, 2019]. С 70-х годов XX века данный феномен широко изучался на представителях социоэкономических профессий, считалось, что на его развитие влияют интенсивные контакты с другими людьми. Позже было доказано, что выгорание может развиваться у представителей разных профессиональных сфер. К. Маслак и С. Джексон описали выгорание как трехкомпонентный синдром, включающий в себя эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений. По данным их исследований, профессиональная специфика в большей степени отражается в различном вкладе этих трех компонентов в общую картину выгорания [Maslach, 2016].

Стоит отметить, что несмотря на многочисленные отечественные и зарубежные исследования феномена профессионального выгорания, вопрос о факторах развития и превенции данного феномена остается недостаточно разработанным. К. Маслак, М. Лейтер и В. Шауфелли описали основные факторы профессионального выгорания, разделив их на внешние и внутренние. Среди основных внешних факторов выделяют высокие или противоречивые требования, недостаток ресурсов, межличностные конфликты, неблагоприятную офисную среду, а также ценности, заложенные в организационных процессах и структурах. Среди внутренних факторов хорошо исследованы перфекционизм, невротизм,

завышенные требования к себе и внешний локус контроля. При этом взаимосвязи с внутренними факторами не так велики по масштабам, как с внешними, ввиду чего профессиональное выгорание может рассматриваться как в большей степени социальное явление, чем индивидуальное [Maslach, 2001].

Среди профессиональных факторов выгорания, специфичных для IT-сферы, О.О. Гофман и коллеги выделяют непрерывное освоение новых технологий, совмещение нескольких ролей и обязанностей, высокую степень непредсказуемости, издержки пространственной и временной гибкости работы, а также дистанционную коммуникацию. Среди организационных — работу в рамках виртуальной организации и применение информационных технологий управления человеческими ресурсами [Гофман, 2023]. К отрицательным сторонам профессиональной деятельности IT-специалистов также относят работу после работы, высокую конкуренцию в будущем, низкий старт в карьере, интенсивные интеллектуальные нагрузки, сидячую работу и нагрузку на органы зрения [Булгаков, 2023].

Характеристики рабочего места в офисе или дома как построенной среды (built environment) также относятся к средовым факторам выгорания. На сегодняшний день отмечается недостаток исследований, рассматривающих влияние физических параметров рабочего пространства на ментальное здоровье человека. Известно, что планировка офиса, наличие пространств для отдыха и уединения способствует более высокой продуктивности на работе [Rasheed, 2019]. Зоны для переключения (например, игры в настольный теннис) и физической активности способны уменьшать проявления симптомов выгорания [Kjorup, 2023].

Перспективным направлением для исследований в рамках психологии среды является проблема построения «здоровой» офисной среды. Теория салютогенеза, предложенная А. Антоновским, находит практическое применение в выделении элементов салютогенного, то есть сохраняющего и укрепляющего здоровье, дизайна офиса [Antonovsky, 1979]. Другим важным трендом в построении современного офиса является идея биофильного дизайна, основой которого является включение природных элементов в построенную среду [Павлова, 2022]. При проектировании офисных пространств популярность обретает использование модели ABO (Activity-based offices). В рамках данной модели рабочие места не закрепляются за конкретными сотрудниками, офисная среда предлагает последним пул различных рабочих пространств (например, для концентрации и уединения или для совместной работы) и свободу их выбора в зависимости от актуальных потребностей, задач и состояния здоровья [Naarakangas, 2023]. В целом, вектор психологии среды, которая изначально в большей степени была сфокусирована на изучении негативного влияния средовых факторов на здоровье и благополучие человека, сегодня направлен на определение позитивных средовых факторов [Нартова-Бочавер, 2019].

Восстановительный потенциал природной среды для психологического благополучия человека исследуется многими зарубежными и отечественными исследователями более тридцати лет [Нартова-Бочавер, 2019; Astell-Burt, 2022; Theodorou, 2021]. Известно, что различные пассивные (например, нахождение в садах, парках, лесных насаждениях) и активные (например, садоводство, уход за животными) формы взаимодействия с природой могут ускорить восстановление после стресса, повысить уровень субъективного благополучия [Андзаурова, 2023]. Однако наблюдается недостаток исследований влияния взаимодействия с природной средой на превенцию профессионального выгорания и реабилитацию столкнувшихся с ним сотрудников.

В IT-сфере ввиду особенностей профессиональной деятельности прямое взаимодействие субъекта труда с природной средой не предусматривается. В то

П.О. Подтягина
Рабочая и природная среды как факторы предотвращения профессионального выгорания (на примере IT-специалистов)

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

же время некоторые современные исследования демонстрируют эффективность «зеленых» программ в снижении жалоб на выгорание, а также в облегчении возвращения к работе [Pijker, 2019]. Исследование предикативных ресурсов природной среды в контексте профессионального выгорания открывают перспективы для разработки связанных с природой техник самопомощи, формирования биофильной рабочей среды и программ реабилитации для сотрудников, столкнувшихся с выгоранием.

Метод. В данном исследовании изучается влияние параметров рабочего места и взаимодействия с природной средой на развитие выгорания российских IT-специалистов. Для того, чтобы заполнить пробел в виде недостатка систематических исследований влияния построенных и естественных сред на развитие выгорания у представителей данной сферы, в исследовании использована качественная методология. Данная работа носит эксплораторный характер, основными исследовательскими вопросами являются:

Какие существуют внешние факторы выгорания, специфичные для IT-специалистов?

Как рабочее место и взаимодействие с природной средой могут влиять на развитие выгорания IT-специалистов?

Выборка и процедура исследования. Выборка респондентов была сформирована методом «снежного кома» через социальные сети (преимущественно, «ВКонтакте»), ее набор осуществлялся в 2023–2024 годах. В итоге было проведено семь интервью с респондентами — представителями IT-сферы разных специализаций (2 бэкэнд-разработчик, 2 IT-рекрутер, 1 фронтенд-разработчик, 1 мобильный разработчик, 1 UX-исследователь), проживающих в крупных городах России, из них 2 женщины, 5 мужчин. Возраст респондентов составляет от 25 до 32 лет. Три респондента работают дистанционно (из дома), два — в офисном формате (ежедневно посещают офис), два — в гибридном (посещают офис 2–3 дня в неделю). Все полученные интервью были использованы для анализа.

Для сбора данных мы использовали метод полуструктурированного интервью, в рамках проведения которого был разработан гайд вопросов, состоящий из трех блоков: 1) проблема выгорания в IT-сфере; 2) влияние параметров рабочего места на превенцию и развитие выгорания; 3) влияние параметров взаимодействия с природной средой на превенцию и развитие выгорания. Примеры вопросов:

- Что вы думаете о психологическом здоровье специалистов IT-сферы?
- Как вы поняли, что у вас было выгорание?
- Как вам кажется, бывают ли такие места, на которых люди выгорают сильнее, и такие — где слабее? С чем, по-вашему, это может быть связано?

Интервью проводились в онлайн-формате с помощью платформы для видеоконференций Zoom, в ходе интервью велась запись, которая впоследствии подлежала расшифровке. Длительность проведения интервью с одним респондентом составляла 40 минут. Интервью проводилось на основе добровольного информированного согласия с гарантией анонимности и использования результатов только в научно-исследовательских целях.

Анализ полученного материала осуществлялся с помощью интерпретативного феноменологического анализа [Smith, 1999]. Целью интерпретативного феноменологического анализа (IPA) является детальное изучение и понимание внутреннего мира участников интервью, их взгляда на конкретное событие или объект исследования.

Дж. Смит и коллеги предложили основные этапы проведения IPA, на которые опиралось данное исследование [Smith, 1999]. На первом этапе анализа

стенограмма интервью отдельно по каждому респонденту внимательно читается несколько раз, чтобы как можно лучше ознакомиться с ее содержанием. При этом выделяются начальные комментарии, которые затем преобразуются в названия тем — слова или краткие словосочетания, которые передают основное качество найденного в тексте. На всех этапах анализа первоначальные ответы респондента должны оставаться в фокусе внимания, их связь с выбранными темами должна быть очевидной.

На следующем этапе анализа из возникших тем формируется сперва их первоначальный список, основанный на хронологической последовательности, далее происходит группировка выделенных тем — исследователь аналитически и теоретически систематизирует их и возникающие между ними связи. В результате определяется несколько групп тем, наиболее полно представляющих мнение респондента по изучаемому вопросу. Этим группам присваивается название, отражающее тему более высокого уровня обобщения. После анализа стенограмм интервью по каждому отдельному респонденту происходит выделение общих тем по всем респондентам.

На заключительном этапе анализа происходит переход от общих тем в повествовательную форму. Темы и связи между ними объясняются и раскрываются во всех деталях, выводы в результате IPA представляются в виде «насыщенного» нарратива, содержащего цитаты из стенограмм в качестве аргументации.

В результате проведения интерпретативного феноменологического анализа интервью участников исследования были выделены следующие темы.

Высокие риски выгорания у представителей IT-сферы

При обсуждении психологического здоровья IT-специалистов респонденты отмечают высокие риски развития выгорания у представителей данной сферы. Все респонденты делятся своим опытом столкновения с данным феноменом, некоторые отмечают хроническое или рецидивирующее его течение: «У меня есть легкое, знаешь, такое хроническое выгорание. Вот у меня сейчас такое. Как есть хронические болезни, у меня хроническое выгорание. Я бы назвал это так. Не могу вылечить полностью, потому что основная причина моего выгорания — это культура в моей команде» (ИЗ, мужчина, 26).

Среди основных проявлений выгорания выделяют чувство моральной и физической усталости, изменение отношения и мотивации к работе, снижение чувства собственной профессиональной ценности и продуктивности, эмоциональные и когнитивные трудности: «Я это понимаю так, что это состояние человека, когда он теряет интерес к работе, когда он не хочет делать свою работу. Ему как будто бы лень, и он прокрастинирует, но на самом деле он просто устал и выгорел. Для меня выгорание — это может быть связано с усталостью, иногда это бывает связано с тем, что ты не видишь результат своей деятельности или ценность от того, что ты делаешь и тогда...» (И4, женщина, 25).

Недостаток сил приводит к желанию дистанцироваться от командной работы, а также к социальной изоляции и обеднению других сфер жизни, не связанных с работой (партнерских и дружеских отношений, хобби). Некоторые респонденты описывают неблагоприятные последствия выгорания для их физического здоровья: «Это отражалось на моем физическом здоровье, я каждую вторую неделю болел. Буквально, неделю поболел — выздоровел, потом неделю снова поболел. Потом у меня то спина болела, то еще что-то болело. И это было на протяжении пяти-шести месяцев приблизительно. Вот, и как раз-таки до этого периода

П.О. Подтягина
Рабочая и при-
родная среды
как факторы
предотвраще-
ния профес-
сионально-
го выгорания
(на примере
IT-специалистов)

ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

я работал ужас сколько, и по выходным, по десять и больше часов, и прям на износ» (И5, мужчина, 25).

Со стороны выгорание коллег может считываться через жалобы на работу, трудности принятия решений и недостаток инициативы: «Мне кажется, что те, кто подвыгорал, они начинают больше жаловаться на работу, причем это может быть в открытую, но иногда это может быть через легкую пассивную агрессию. Человек в принципе становится более подавленным, менее инициативным, в какой-то степени меньше общается с коллегами, с другими» (И4, женщина, 25).

Отмечается, что развитию выгорания у IT-специалистов способствует ряд специфических для данной сферы средовых факторов. Среди них выделяют высокую конкуренцию, регулярные переработки, завышенные требования к результату и непрерывному обучению: «Вся сфера заточена на то, чтобы улететь на Марс, назовем это так. Постоянно что-то узнавать, высокие амбиции, достижения, там, наша компания станет единорогом через три дня. Такие достижения, амбиции, рвения — это, конечно, тяжело» (И3, мужчина, 26). Малоподвижный образ жизни создает неблагоприятные условия для физического здоровья: «Это отвратительная физическая среда, ты постоянно сидишь на стуле, нет времени там, условно, встать пройтись. Ты просто как такой сросшийся с компьютером и со стулом. И физически это достаточно сильно влияет тоже, потому что ты девять часов просто сидишь» (И2, женщина, 26).

Распространенный в IT-сегменте формат работы по спринтам в Agile и Scrum методологиях задает сжатые и жесткие дедлайны, а также необходимость ежедневно отчитываться за результат: «Работа происходит бесперебойно, непрерывно. Вот эти же самые Agile, Scrum как раз-таки подвязаны на то, чтобы ты работал всегда плюс минус. Там, недельный спринт, двухнедельный и так далее, это все указывает на то, что один спринт закончился и начался другой, один закончился... И так далее» (И5, мужчина, 25). Работа в команде также имеет свои особенности: с одной стороны, отмечается ответственность друг перед другом и взаимозависимость членов команды с точки зрения реализации задачи, с другой стороны — недостаток неформального общения: «Большинство разработчиков, с которыми я общался, все-таки у всех есть чувство ответственности. И перед менеджментом, и перед командой, и перед собой. Когда сталкиваются с какими-то сложностями, это чувство ответственности начинает на тебя дополнительно давить» (И6, мужчина, 32).

Практики превенции выгорания

Фактором, содействующим развитию выгорания у IT-специалистов, является недостаток превентивных мер на индивидуальном и коллективном уровнях. У представителей IT-сферы наблюдается, с одной стороны, растущий интерес к психологическим практикам и психотерапии, с другой — нехватка психообразования и своевременного обращения за квалифицированной помощью: «Мне без иронии кажется, что пора уже не принимать на работу тех, кто не в личной терапии, правда. Мне кажется, это супер важно. Я слышу очень много запроса от коллег и знакомых на эту тему. И при этом остается у них какая-то доля, может быть, не предубеждений, но какой-то порог вхождения в психотерапию. Потому что, допустим, даже если несколько моих знакомых — кейсы последнего месяца — знают как бы, что психолог — это круто, что к психологу идти надо, по классике в тот момент, когда немножко подотпускает, они такие: «Ну ладно. Можно и не идти к психологу». Не понимая как бы, что все равно надо» (И2, женщина, 26).

Среди самостоятельных действий, направленных на коррекцию и профилактику выгорания, респонденты отмечают эффективность психотерапии, создания четких границ и поддержания баланса работы-отдыха, заботы о физическом здоровье, использования практик похвал и прогресса, поддержки регулярной физической активности и внерабочих интересов (хобби, встреч с друзьями, романтических отношений): «Чтобы не выгореть, важно вовремя уходить с работы, не прокрастинировать на самой работе, важно делать все в свое время. Режим дня соблюдать, ложиться в одно время стараться, стараться просыпаться в одно время» (И7, мужчина, 27).

Наблюдается недостаток превентирующих выгорание мер со стороны компании, а респонденты, работающие преимущественно дистанционно, отмечают их полное отсутствие: «Моя компания ничего не делает. Разве что, если ты выгорел, тебя уволят. На прошлых местах работы у меня была оплата спорта и разные социальные бенефиты, здесь, видимо, считается, что за такую зарплату я могу купить себе все это сам» (И1, мужчина, 29).

Из того, что предлагается для профилактики выгорания со стороны компании, некоторые респонденты отмечают пользу дополнительных часов или дней отдыха, очных неформальных мероприятий, бесплатного доступа к агрегаторам психологической помощи и компенсации оплаты фитнеса: «У нас есть эти дни сантехника, которые ты можешь взять в моменте. И это всегда такая хорошая возможность, которая маячит. Вот если ты устал, ты можешь взять этот день сантехника день в день, и как бы в целом, когда есть такая опция, это приятно» (И4, женщина, 25).

Параметры рабочего места как фактор развития выгорания

Влияние характеристик рабочего места на развитие выгорания IT-специалистов носит амбивалентный характер. Среди параметров, способствующих развитию данного феномена, выделяют отсутствие или недостаток комфортной офисной мебели и техники, тусклый, обезличенный дизайн, замкнутость пространства: «Когда у меня, допустим, нет нормального монитора и удобного кресла, приходится работать как будто на ходу, значительно падает производительность, при этом возрастают мои усилия на работу» (И1, мужчина, 29).

При этом, по словам респондентов, рабочее место также способно служить ресурсом для восполнения сил, оказывать помощь в концентрации и помогать справляться с рабочим стрессом. Проявления выгорания снижает чистота, хорошая проветриваемость помещения, комфортное естественное освещение, наличие пространств для физической активности, отдыха и уединения: «У меня отдельный кабинет, в котором только рабочий стол и рабочий ноутбук, минимум отвлекающих факторов. И я всегда, если становится душновато, могу проветрить» (И6, мужчина, 32). Некоторые респонденты в качестве ресурса рабочего пространства отмечают наличие комнатных растений и возможность наблюдать за природой из окна: «У меня есть красивое шикарное окно с видом на природу, потому что мне важно, чтобы рабочее место было светлое, а также мне хочется видеть природу, какую-то жизнь на улице, потому что я сижу по 12–14 часов в день за компьютером, и как будто бы сидеть столько времени в день и вообще ничего не видеть очень сильно выматывает психологически» (И3, мужчина, 26).

Позитивными характеристиками, специфичными для офисного рабочего места, являются неформальное общение с коллегами, смена обстановки по дороге в офис, бесплатное питание и четкие границы между домашней и рабочей

П.О. Подтягина
Рабочая и природная среды как факторы предотвращения профессионального выгорания (на примере IT-специалистов)

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

средами: «Смена обстановки хоть какая-то в течение дня, мне кажется, что всем это важно, это лучше, чем неделю не выходить из дома» (И7, мужчина, 27). Среди усугубляющих выгорание параметров офиса выделяют шум и многолюдность, отсутствие места для отдыха и уединения, выматывающую дорогу до места работы.

При этом работа из дома способствует чувству безопасности и спокойствия, дает больше свободы в отношении персонализации рабочего места: «Дома спокойнее работать и безопаснее. Мой дом — моя крепость, условно говоря, и исходя из этого как-то так безопаснее работать с той точки зрения, что я дома, ничего не случится, ну уволят и ну и что такого, я дома» (И5, мужчина, 25). Из недостатков удаленного формата работы отмечают отсутствие границ между работой и другими сферами жизни, социальную изоляцию и отвлечение на несвязанные с работой дела: «На рабочем месте негативно влияет на меня изолированность от коллег. С одной стороны, это плюс, сидеть в тишине и концентрироваться — это хорошо, но все равно, мне общение с коллегами помогает и расслабиться, и какие-то проблемы по работе обсудить» (И6, мужчина, 32).

Профилактика выгорания через пассивные формы взаимодействия с природной средой

На просьбу отследить возникающие на слово «природа» ассоциации у респондентов возникают образы леса, парка, растений и водоемов, а также отдыха и тишины. Представление данных образов вызывает чувства спокойствия, умиротворения и свободы, и в то же время позволяет больше осознать свою усталость и желание отдохнуть.

Участники интервью редко бывают на природе (в среднем, до двух раз в месяц, некоторые — несколько раз в год), в основном речь идет о городской природе, такой как набережная реки и парковые зоны. Респонденты отмечают, что хотели бы иметь возможность бывать на природе ежедневно, с точки зрения мест пребывания предпочтение отдается дикой и загородной природе: «Не знаю, какие-нибудь, может быть, водопады, пустыни, места у океана, может быть, джунгли» (И4, женщина, 25). Трудности формирования полезной привычки связаны с нехваткой времени и компании, а также с труднодоступностью природной среды в городских условиях: «Так как много людей уехало, не с кем вот так просто гулять. Я помню, когда все тут жили, мы собирались чуть ли не каждые две-три недели у кого-то на даче у бассейна, сейчас все разъехались» (И7, мужчина, 27).

Пребывание на природе благотворно влияет на психологическое состояние респондентов и служит буфером от стресса, связанного с работой. Пассивные формы взаимодействия с природой такие как прогулки в парковых зонах и вблизи водоемов снижают проявления выгорания: спустя пару суток ощущается прилив сил и энергии, снижается уровень тревоги и беспокойства, возвращается структурированность мыслей и продуктивное мышление: «В первый день я немного пребываю в шоке, что там так тихо. И из всех звуков там только птички летают, и ветерочек дует, все. А со второго дня я уже как-то к этому не то, что привыкаю, но это меня так успокаивает и расслабляет» (И5, мужчина, 25).

Респонденты также демонстрируют позитивное отношение к использованию природных элементов в дизайне офиса: «Мне кажется, что это вообще супер, и я знаю, что в некоторых компаниях есть прикольная штука, что ты можешь себе заказать личный цветок. Я думаю, это классно, и вообще зеленый офис — это здорово. Мне кажется, мне бы было в таком комфортно работать».

* * *

Результаты проведенного качественного исследования говорят о высоких рисках выгорания специалистов IT-сферы, что согласуется с имеющимися данными количественных исследований [Муравьева, 2019]. Респонденты были в значительной степени единодушны в восприятии проявлений выгорания, среди которых выделяют чувство эмоционального и физического истощения, изменение отношения и мотивации к работе, негативные представления о собственной профессиональной значимости, эмоциональные и когнитивные изменения. Также описывается возникающий вследствие выгорания психологический дистресс и в некоторых случаях соматические жалобы, такие как ухудшение иммунитета, нарушение пищевого поведения и боли в спине. Полученные результаты дополняют современные представления о компонентах выгорания [Schaufeli, 2020]. На межличностном и коллективном уровнях описываются такие проявления выгорания как желание дистанцироваться от командной работы, растущая социальная изоляция, транслируемые коллегам жалобы и циничное отношение к работе, низкая инициативность и трудности принятия решений. Пересекающиеся выводы мы находим у других авторов, подчеркивающих социальный характер такого явления как выгорание и его негативные последствия для рабочего коллектива [Maslach, 2016]. Также респондентами отмечается обеднение других сфер человеческой деятельности, не имеющих отношение к работе (межличностных отношений, увлечений и отдыха).

По мнению респондентов, выгорание у представителей IT-индустрии развивается ввиду ряда специфичных характеристик профессиональной среды. Амбициозность сферы в целом, высокая конкуренция и требования к непрерывному обучению, работа по спринтам, соблюдение дедлайнов, а также издержки командной работы создают благоприятную среду для развития выгорания. Техностресс, частые переработки и малоподвижный образ жизни в том числе способны приводить к ухудшению здоровья. Так, в масштабном (около 1000 респондентов) индийском исследовании 56 % IT-специалистов отмечали симптомы нарушений опорно-двигательного аппарата, 22 % — недавно диагностированную гипертонию, 10 % — сахарный диабет, 36 % — дислипидемию, 40 % — ожирение, а 54 % — жалобы на депрессию, тревогу и бессонницу [Padma, 2015].

Отмечается недостаток мер профилактики и коррекции выгорания со стороны компании, в особенности для сотрудников, работающих удаленно. Работающие в офисе респонденты говорят о положительном влиянии на состояние таких корпоративных бенефитов как дополнительное время для отдыха, мероприятия для неформального общения с коллегами, оплаты психологической помощи и фитнеса.

Несмотря на то, что традиционно выгорание рассматривается многими исследователями с позиции патогенеза, в рамках которой акцентируются его негативные последствия для здоровья специалиста и профессиональных систем, существует иной взгляд на его значение в индивидуальной траектории человека. Выгорание способно служить сигналом о необходимости изменений, побуждать человека к развитию осознанности, поиску своей миссии на работе, развитию дополнительных личностных ресурсов [Бочавер, 2019]. Данный взгляд находит подтверждение в результатах данного исследования. Так, респонденты отмечают, что опыт выгорания впервые побудил их к обращению за психотерапевтической помощью, внедрению самостоятельных практик отслеживания прогресса, выстраиванию границ работы и отдыха, мотивировал укреплять физическое здоровье, а также внерабочие сферы деятельности.

П.О. Подтягина
Рабочая и природная среды как факторы предотвращения профессионального выгорания (на примере IT-специалистов)

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

Текущий анализ также показал, что рабочее место может усугублять выгорание или служить ресурсом для его преодоления. В данном контексте имеют значение следующие параметры: наличие комфортной офисной мебели и техники, яркость/тусклость дизайна пространства, его замкнутость/открытость, чистота, проветриваемость и уровень освещения, наличие зон для физической активности, отдыха и уединения, а также «зеленые» зоны. Полученные результаты согласуются с параметрами «здорового» офиса, выделяемыми другими исследователями [Павлова, 2022; Bergefurt, 2022].

Преимуществами офисной среды по сравнению с удаленной являются неформальное общение с коллегами, возможность пользоваться корпоративными бенефитами, четкие границы между работой и домом. С другой стороны, работа из дома позволяет экономить силы на перемещения и больше персонализировать рабочее место под свои потребности и жизненный нарратив, дает возможность почувствовать себя в «убежище». Описание достоинств и недостатков различных форматов работы дополняет данные других исследований [Балабанова, 2022].

Респонденты отмечают, что пассивные формы взаимодействия с природной средой снижают такие проявления выгорания как истощение, эмоциональные и когнитивные трудности, а мысли о природе вызывают положительные ассоциации, связанные с отдыхом и восстановлением. Согласно теории восстановления после стресса (stress reduction theory), восстановление в результате взаимодействия с природой происходит за счет аффективных и физиологических механизмов, теория восстановления от усталости направленного внимания (attention restoration theory) акцентирует внимание на функциональности когнитивного компонента. Полученные данные также согласуются с результатами современных исследований [Андзаурова, 2023].

Несмотря на осознание благотворного влияния взаимодействия с природной средой и соответствующей мотивацией, респонденты редко отправляются на природу. Отслеживаются трудности регулярного поддержания таких практик ввиду недостатка времени и ограничений городских условий. Возможным решением сложившейся проблемы может быть использование элементов природной среды в дизайне офиса или домашнего рабочего места. Полученные в данном исследовании результаты в качестве рекомендаций могут использоваться при проектировании «здоровой» офисной и домашней рабочей среды, способствующей профилактике выгорания IT-специалистов.

Основные ограничения данного исследования состоят, во-первых, в небольшом размере выборки (при этом авторы методологии ИРА рекомендуют проводить подобные исследования на небольших выборках). Во-вторых, методология исследования носит качественный характер, что требует проведение дополнительных исследований с использованием количественной методологии. В-третьих, отмечается гендерный дисбаланс выборки, характерный для IT-сферы, что позволяет считать выборку репрезентативной. Перспективой дальнейших исследований является преодоление вышеперечисленных ограничений.

Working and Natural Environments as Factors to Prevent Professional Burnout (Using the Example of IT Specialists)

Polina O. Podtiagina

Postgraduate student.

National Research University "Higher School of Economics".

20, Myasnitskaya Str., 101000 Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-0258-2118

pandzaurova@hse.ru

Abstract. The article presents the results of a qualitative study of the impact of workplace parameters and interaction with the natural environment on the development of burnout of Russian IT specialists. We investigated environmental burnout factors specific to IT specialists, the nature of the influence of working and natural environment factors on the development of this phenomenon and their significant parameters. Semi-structured interviews were conducted with 7 representatives of the IT sector from 25 to 32 years of age in various specializations. The method of interpretative phenomenological analysis by J. Smith was used for the analysis of the interviews. It has been found that working in the IT sector is associated with high risks of burnout due to industry-specific factors such as high demands, competition, deadline pressure, regular overwork, dependence on teamwork and a sedentary lifestyle. Among the manifestations of burnout are exhaustion, changes in attitude and motivation to work, low professional self-esteem, emotional and cognitive impairments, psychological distress and somatic symptoms. There is a lack of burnout prevention measures at the individual and collective levels, especially for employees working remotely. An unfavorable working environment and the inaccessibility of the natural environment can act as burnout factors, while it is possible to use the resources of both to cope with work stress. Staying outdoors reduces burnout symptoms such as exhaustion, emotional and cognitive symptoms, while it is rarely practiced by IT specialists. The following workplace parameters have a positive effect on the prevention of burnout: openness, cleanliness, ventilation and lighting, comfortable furniture and appliances, areas for physical activity, relaxation and privacy, "green" zones, design brightness. The results obtained can be used as recommendations in the design of a biophilic and salutogenic working environment.

Keywords: burnout, IT specialists, office, work environment, salutogenesis, natural environment, plants, flora, ecotherapy.

For citation: Podtiagina P.O. Working and Natural Environments as Factors to Prevent Professional Burnout (Using the Example of IT Specialists) // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 5. P. 197–201. DOI: 10.31857/S0236200724050112

Литература/References

- Андзаурова П.О., Нартова-Бочавер С.К. Садоводство и садовая терапия как ресурс психологического благополучия человека // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20, № 2. С. 331–351.
- Andzaurova P.O., Nartova-Bochaver S.K. *Sadovodstvo i sadovaya terapiya kak resurs psixologicheskogo blagopoluchiya cheloveka* [Gardening and Garden Therapy as a Resource for Human Psychological Well-Being]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psixologiya i pedagogika*. 2023. Vol. 20, N 2. P. 331–351.
- Балабанова Е.С., Молчанова Д.А. Труд в условиях удаленной и гибридной занятости (на примере работников ИТ-компаний) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Социология. 2022. Т. 15, № 1. С. 3–25.
- Balabanova E.S., Molchanova D.A. *Trud v usloviyax udalenoj i gibridnoj zanyatosti (na primere rabotnikov IT-kompanij)* [Work in Conditions of Remote and Hybrid Models: The Example of IT-Companies' Employees]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. 2022. Vol. 15, N 1. P. 3–25.
- Бочавер К.А., Данилов А.Б., Нартова-Бочавер С.К., Квитчастый А.В., Гаврилова О.Я., Зязина Н.А. Перспективы салютотенного подхода к профилактике синдрома выгорания у российских врачей // *Клиническая и специальная психология*. 2019. Т. 8, № 1. С. 58–77. DOI: 10.17759/psyclin.2019080104
- Bochaver K.A., Danilov A.B., Nartova-Bochaver S.K., Kvitchasty A.V., Gavrilova O.Y., Zyazina N.A. *Perspektivy salyutogenno podxoda k profilaktike sindroma vy'goraniya u rossijskix vrachej* [Future of Salutogenic Approach to Prevention of Burnout Syndrome in Russian Physicians]. *Klinicheskaya i special' naya psixologiya*. 2019. Vol. 8, N 1. P. 58–77.
- Булгаков А.В., Булгакова Е.А., Кучева Н.А. Трудности профессионализации ИТ-специалистов в России // *Вестник Государственного университета просвещения*. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 109–122.

П.О. Подтягина
Рабочая и природная среды как факторы предотвращения профессионального выгорания (на примере ИТ-специалистов)

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

- Bulgakov A.V., Bulgakova E.A., Kucheva N.A. *Trudnosti professionalizacii IT-specialistov v Rossii* [Difficulties of Professionalization of IT Specialists in Russia]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshheniya. Seriya: Psixologicheskie nauki*. 2023. N 3. P. 109–122.
- Войсунский А.Е. Перспективы становления психологии Интернета // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 3. С. 110–118.
- Voiskounsky A.E. *Perspektivy stanovleniya psixologii Interneta* [Perspectives of Formation of Internet Psychology]. *Psixologicheskij zhurnal*. 2013. Vol. 34, N 3. P. 110–118.
- Гофман О.О., Водопьянова Н.Е., Джумагулова А.Ф., Никифоров Г.С. Проблема профессионального выгорания специалистов в сфере информационных технологий: теоретический обзор // Организационная психология. 2023. Т. 13, № 1. С. 117–144.
- Gofman O.O., Vodopyanova N.E., Dzhumagulova A.F., Nikiforov G.S. *Problema professional'nogo vy'goraniya specialistov v sfere informacionny'x tekhnologij: teoreticheskij obzor* [The Problem of Professional Burnout of IT-Specialists: a Theoretical Review]. *Organizatsionnaya psixologiya*. 2023. Vol. 13, N 1. P. 117–144.
- Муравьева О.И., Козлова К.В. Профессиональное выгорание программистов: специфичность феномена // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 98–110.
- Muravyova O.I., Kozlova K.V. *Professional'noe vy'goranie programmistov: specifichnost' fenomena* [Professional Burnout of Programmers: Specificity of the Phenomenon]. *Sibirskij psixologicheskij zhurnal*. 2019. N 73. P. 98–110.
- Нартова-Бочавер С.К. Жизненная среда как источник стресса и ресурс его преодоления: возвращаясь к психологии повседневности // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 5. С. 15–26.
- Nartova-Bochaver S.K. *Zhiznennaya sreda kak istochnik stressa i resurs ego preodoleniya: vozvrashhayas' k psixologii povsednevnosti* [Human Environments as a Source of Stress and a Resource to Overcome It: Returning to the Psychology of Everyday Life]. *Psixologicheskij zhurnal*. 2019. Vol. 40, N 5. P. 15–26.
- Павлова М.В. Биофильный и салютогенный дизайн в создании «здорового» офиса // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2022. Т. 7, № 2. С. 97–124.
- Pavlova M.V. *Biofil'ny'j i salyutogenny'j dizajn v sozdanii «zdorovogo» ofisa* [Biophilic and Salutogenic Design in Creating a «Healthy» Office]. *Kommunikacii. Media. Dizajn*. 2022. Vol. 7, N 2. P. 97–124.
- Antonovsky A. *Health, Stress and Coping*. San Francisco: Jossey-Bass, 1979.
- Astell-Burt T., Hartig T., Eckermann S., et al. More green, less lonely? A longitudinal cohort study. *International Journal of Epidemiology*. 2022. Vol. 51(1). P. 99–110.
- Bergefurt L., Weijs-Perrée M., Appel-Meulenbroek R., Arentze T. The physical office workplace as a resource for mental health — A systematic scoping review. *Building and Environment*. 2022. Vol. 207. P. 108505.
- Haapakangas A., Sirola P., Ruohomäki V. Understanding user behaviour in activity-based offices. *Ergonomics*. 2023. Vol. 66(4). P. 419–431.
- Kropman D., Appel-Meulenbroek R., Bergefurt L., LeBlanc P. The business case for a healthy office; a holistic overview of relations between office workspace design and mental health. *Ergonomics*. 2023. Vol. 66(5). P. 658–675.
- Maslach C., Leiter M.P. Understanding the burnout experience: recent research and its implications for psychiatry. *World psychiatry*. 2016. Vol. 15(2). P. 103–111.
- Maslach C., Schaufeli W.B., Leiter M.P. Job burnout. *Annual review of psychology*. 2001. Vol. 52(1). P. 397–422.
- Padma V., Anand N.N., Gurukul S.S. et al. Health problems and stress in information technology and business process outsourcing employees. *Journal of Pharmacy and Bioallied Sciences*. 2015. 7(Suppl 1). P. 9–13.
- Pijpker R., Vaandrager L., Veen E.J., Koelen M.A. A Salutogenic approach to understanding the potential of green programs for the rehabilitation of young employees with burnout: protocol

- for a mixed method study on effectiveness and effective elements. *JMIR Research Protocols*. 2019. Vol. 8(10). P. e15303.
- Rasheed E.O., Khoshbakht M., Baird G. Does the Number of Occupants in an Office Influence Individual Perceptions of Comfort and Productivity? New Evidence from 5000 Office Workers. *Buildings*. 2019. Vol. 9(3). P. 73.
- Schaufeli W.B., Desart S., De Witte H. Burnout Assessment Tool (BAT) — development, validity, and reliability. *International journal of environmental research and public health*. 2020. Vol. 17(24). P. 9495.
- Smith J.A., Jarman M., Osborn M. Doing interpretative phenomenological analysis. *Qualitative health psychology: Theories and methods*. 1999. Vol. 1. P. 218–240.
- Theodorou A., Panno A., Carrus G. et al. Stay home, stay safe, stay green: The role of gardening activities on mental health during the Covid-19 home confinement. *Urban Forestry & Urban Greening*. 2021. Vol. 61. P. 127091.

П.О. Подтягина
Рабочая и природная среды как факторы предотвращения профессионального выгорания (на примере IT-специалистов)

Научный журнал

Человек

2024. Том 35, номер 5

Учредители: Российская академия наук, Институт философии РАН

Издатель: Российская академия наук

119071, Москва, Ленинский пр-кт, д.14

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

Главный редактор *Н.Б. Афанасов*

Ответственный секретарь *З.В. Островская*

Редакторы: *С.М. Марабанец, З.В. Островская, Н.Ф. Колганова, В.Л. Шарова*

Сдано в набор 01.10.2024. Подписано к печати 00.00.2024

Дата выхода в свет ??.2024

Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура: Liberaton Serif, Carlito

Уч.-изд. л. 20,6. Тираж 125 экз. Заказ № 20/6а

20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Подписной индекс — 39443

18+

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Номер телефона: +7 (495) 695-52-82

Электронная почта: chelovek@iph.ras.ru

Сайт: <https://chelovek-journal.ru>, <https://chelovek.iphras.ru>

Свободная цена

На первой странице обложки: Фаюмский портрет женщины, называемой “Европейка”. Антинополь, Египет. II в.н.э. Лувр, Париж

На четвертой странице обложки: Клод Моне. Осень в Аржантёе. 1873. Галерея института Курто. Лондон